

ISSN 2071-0968

СОЦИОЛОГИЯ

3
2008

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТРИБУНА

<i>Шавель С.А.</i> Инновационные установки населения: предпроектный анализ	3
<i>Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.</i> Глобальный капитализм: три Великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и обществ....	15
<i>Мушынскі М.І.</i> Паэма Якуба Коласа «Новая зямля»: гісторыя перакладу на рускую мову	28

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Култыгин В.П.</i> Советская социология: трудные пути.....	36
<i>Беспамятных Н.Н.</i> Границы и пограничья в социальной теории: понятия и направления исследований.....	44
<i>Кизима С.А.</i> Перспективы национального государства (в контексте Кавказской войны 2008 г.)	51
<i>Мельников А.П.</i> Местное самоуправление в Федеративной Республике Германии	56
<i>Карако П.С.</i> Ноосферные идеи В.И. Вернадского и экологическое сознание	62

ДИСКУССИЯ

<i>Грищенко Ж.М.</i> Общественное мнение в лабиринтах научного дискурса	73

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ

<i>Гуцаленко Л.А.</i> Терроризм: кто его «родители» и «дети»?	80

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Кислова О.Н., Сокурская Л.Г.</i> Ценностный мир постсоветского студенчества: результаты применения методов интеллектуального анализа данных	88
<i>Черняк Ю.Г.</i> Социальные риски в молодежной среде и их последствия	100
<i>Жакевич В.Д.</i> Внешняя трудовая миграция в современной Беларуси (по материалам международного социологического исследования).....	106
<i>Кацук Н.Л.</i> К методологии эмпирического исследования религиозных социокультурных стратегий верующих различных конфессий.....	114
<i>Пунчик З.В.</i> Современное программное обеспечение качественных методов исследования.....	119

КОНСПЕКТ СОЦИОЛОГА

<i>Ядов В.А.</i> Советы студенту относительно работы над рефератом и эссе.....	124

АСПИРАНТСКИЙ РАЗДЕЛ

<i>Назарова Д.В.</i> Мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления	131

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А.Н.</i> Тенденции развития мировой социологии: от классики к новейшим концепциям современности.	141

ЮБИЛЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

Встреча с Учителем	143
Профессор П.П. Украинец – отличник образования.....	144

СОЦМОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с сентября 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель: Белорусский государственный университет

Главный редактор А.Н. Данилов

Редакционная коллегия:

И.Н. АНДРЕЕВА (зам. главного редактора), Д.К. БЕЗНЮК,
С.Н. БУРОВА, В.В. БУЩИК, Ж.М. ГРИЩЕНКО (зам. главного
редактора), Е.А. КЕЧИНА, В.Я. КОЧЕРГИН, Н.В. КУРИЛОВИЧ,
Е.Е. КУЧКО, С.В. ЛАПИНА, Н.Е. ЛИХАЧЕВ, А.Б. МИСКЕВИЧ,
Д.Г. РОТМАН (зам. главного редактора), В.Г. РУДЬ (зав.
редакцией), В.А. СИМХОВИЧ, Л.А. СОГЛАЕВА, Л.В. ФИЛИНСКАЯ,
Ю.Г. ЧЕРНЯК (отв. секретарь)

3

2008

МИНСК
БГУ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Данилов А.Н. (председатель),
Ротман Д.Г. (зам. председателя),
Бабосов Е.М. (Минск, Беларусь), Бакиров В.С. (Харьков, Украина),
Гуцаленко Л.А. (Минск, Беларусь), Давидюк Г.П. (Минск, Беларусь),
Зиновский В.И. (Минск, Беларусь), Елсуков А.Н. (Минск, Беларусь),
Лук Хельман (Утрехт, Голландия), Матулионис А. (Вильнюс, Литва),
Рубанов А.В. (Минск, Беларусь), Русакевич В.В. (Минск, Беларусь),
Соколова Г.Н. (Минск, Беларусь), Стражев В.И. (Минск, Беларусь),
Титаренко Л.Г. (Минск, Беларусь), Тощенко Ж.Т. (Москва, Россия),
Туманов С.В. (Москва, Россия), Украинец П.П. (Минск, Беларусь), Христиан
Херпфер (Абердин, Шотландия), Чурилов Н.Н. (Киев, Украина),
Шавель С.А. (Минск, Беларусь)

СОЦИОЛОГИЯ

№ 3, 2008

На русском языке

Заведующий редакцией *В.Г. Рудь*

Редактор *И.А. Лешкевич*

Технический редактор *В.П. Швед*

Корректор *Л.А. Меркуль*

Компьютерный набор и верстка выполнены *В.П. Швед*

Подписано в печать 20.11.08. Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 300. Заказ 1277.

Цена: для индивидуальных подписчиков – 15 240 р.;

для организаций – 35 588 р.

Регистрационный № 917

Адрес редакции: 220006, Минск, ул. Бобруйская, 7, к. 412. Тел. 209-54-00,

факс 226-06-65.

E-mail: vestnikbsu@bsu.by

Отпечатано с оригинала-макета заказчика в РУП «Издательский центр БГУ».

220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.

ЛП № 02330/0056850 от 30.04.04.

С.А. ШАВЕЛЬ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

ИННОВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ: ПРЕДПРОЕКТНЫЙ АНАЛИЗ

Проведен предпроектный анализ инновационных установок населения. Введена и определена категория инновационной активности, рассмотрена феноменология установки, раскрыты особенности социальных установок (аттитюдов) относительно нововведений с точки зрения их ценностного содержания, смысла и общественной значимости.

The population innovative purposes are given a pre-project analysis to. A category of innovative activity is introduced and defined; the phenomenology of the purpose is considered; peculiarities of social attitudes to innovations from the viewpoint of their value content, meaning and public significance are revealed.

Реализация инновационного курса развития Республики Беларусь требует решения двух блоков задач: во-первых, создания организационных условий инвестирования, технико-технологической модернизации, обновления ассортимента товаров и услуг, реформирования отраслей социальной сферы и инфраструктуры и др.; во-вторых, вовлечения возможно большего числа людей в инновационный поиск, обеспечения поддержки общественно значимых начинаний, формирования благоприятного инновационного климата, позитивных инновационных установок и восприимчивости нововведений. Первый блок задач, несмотря на известные объективные трудности, решается в нашей стране достаточно успешно: накапливается опыт, растет востребованность результатов научных исследований, укрепляются связи науки с реальным сектором экономики и социальной сферы, совершенствуются способы информационной поддержки, популяризации и стимулирования инноваций. Знаковым событием стало создание в Беларуси Парка высоких технологий (ПВТ), уже развернувшего производство программных продуктов как для внутреннего рынка – 15 %, так и на экспорт – 85 %. По словам В. Цепкало, поставлена задача «сделать условия ведения бизнеса в ПВТ лучше, чем у самых успешных стран мира»¹. С социологической точки зрения важно понимание того, что хайтек – это высокий уровень образования кадров, а значит, и соответствующая заработная плата.

Справедливости ради необходимо отметить, что имеются разные взгляды и оценки «объективных трудностей». Так, руководители успешных в этом отношении организаций среди «экономических факторов, препятствующих инновациям, назвали, во-первых, недостаток собственных средств, во-вторых, высокую стоимость нововведений, в-третьих, слабую поддержку со стороны государства»². Создается впечатление, что все дело в финансах. Однако можно привести немало примеров, в том числе по результатам проверки КГК Республики Беларусь, когда инвестиции используются не полностью или закупается далеко не самая передавая технология и т. д. Не случайно академик П.Г. Никитенко, анализируя перспективы развития логистики – одной из наиболее многообещающих инноваций, фактически – новой отрасли, заметил: «Самое трудное, на наш взгляд, – это увязать программу с действующей административной системой, которая по своей природе не терпит инноваций. Не секрет, что многие чиновники просто боятся взять на себя ответственность, опасаясь, как бы завтра не попасть под контрольные и иные проверки»³. Это значит, что в реализации инновационного курса первостепенное значение приобретает организационное начало,

включающее не только систему подготовки и мотивации кадров, но также адекватные механизмы стимулирования и тот социокультурный и психологический феномен, который называют инновационным климатом. На эмпирическом уровне показателями благоприятного инновационного климата являются атмосфера доверия между субъектами инноватики, рост социального капитала и поддержка со стороны государства и общества инновационных усилий каждого человека, коллектива, региона. Опыт Китая в этом отношении особенно показателен. Источником экономического чуда стали новые принципы взаимоотношений, при которых чиновник из контролера и надзирателя превратился в партнера и помощника изобретателей, новаторов, бизнесменов и др.

Однако до сих пор встречаются утверждения о несовместимости командных методов управления с инновационным развитием. При этом аргументы о нашем отставании в области НТП берутся из советского прошлого. Тем не менее вопреки подобным взглядам в СССР инновационные исследования проводились достаточно широко – без этого невозможны были неоспоримые достижения в области индустриализации, строительства городов, создания оборонного щита и освоения космоса. Инновационный поиск шел по разным направлениям, прежде всего по линии фундаментальной науки и опытно-конструкторских разработок, а также в той области, которую принято называть новой техникой и технологией, ставя акцент на ее внедрении. И наконец, достаточно массовым было движение рационализации и изобретательства, в котором при всех бюрократических сложностях с оформлением, стимулированием и т. д. во время наибольшего подъема (на рубеже 1970–1980-х гг.) действительно участвовала целая армия производственников, в том числе и рядовых работников всех отраслей народного хозяйства. Так, в одиннадцатой пятилетке (1981–1985) в народное хозяйство было внедрено 190 тыс. изобретений, но еще 200 тыс. были зарегистрированы, но не использовались⁴. Не в этом ли одна из причин последующего отставания? Ведь не секрет, что специалисты из развитых стран (Япония и др.) буквально гонялись за выброшенными в мусор бумагами отечественных БРИЗов, патентных служб и т. д. Период застоя с его директивным планированием и ставкой на валовые показатели затормозил этот процесс, а перестройка и переходный период подорвали основы единой инновационной системы, поставили на грань выживания фундаментальную науку. В то же время известно, что после развала союзного ВПК оказались утраченными 1200 высокотехнологичных разработок, а Запад получил столько научно-технической информации, что собственными силами не мог справиться с ее расшифровкой и систематизацией, – пришлось приглашать отечественных специалистов.

В нашей стране новые импульсы инновационной деятельности, включая и научно-аналитическую работу, придала Концепция социально-экономического развития Республики Беларусь до 2015 г. В ней обоснована белорусская модель национальной экономики, в которой доминирующими характеристиками выступают информатизация и переход на инновационный ресурсосберегающий тип воспроизводства с интенсивным освоением новых высоких технологий. Объективная необходимость такого поворота вытекает из требований обеспечения конкурентоспособности национальной экономики на мировых рынках. Именно конкурентоспособность, которая прежде оставалась периферийной задачей, выдвигается сегодня на передний план, становится доминирующим фактором не только экономического роста, но и общественного развития в целом. Нельзя не согласиться со следующим выводом Н.И. Сержинского: «Поэтому все сильнее стала ощущаться потребность в более глубоком понимании сущности, закономерностей и специфики эволюции инновационных систем. Большинство стран, в том числе Россия, интенсивно изучают инновационные процессы, протекающие на

микроуровне, где и проявляются все стороны экономической политики и формируется инновационная стратегия предприятий»⁵.

Социологические исследования в этой области только разворачиваются⁶, тем не менее в прессе встречаются высказывания, содержащие количественные оценки и генерализированные выводы. Так, психолог Т. Смородинова пишет: «По статистике, только 15 % населения открыто ко всему новому. Остальные же при виде перемен будут их критиковать, принижать, сопротивляться. Кроме того, существует такое понятие, как “психология поколений”. Например, поколения 40–60-х – это “потерянное поколение”, 60–65-х – “поколение бизнесменов”, 65–70-х – “нигилисты” и так далее»⁷. Обоснованность подобных утверждений вызывает сомнения. Прежде всего смущает репрезентативность данных со ссылкой на статистику. Статистические наблюдения за инновациями в Беларуси введены с 2000 г., когда были обследованы «двести предприятий наиболее наукоемких отраслей промышленности на предмет оценки их инновационной деятельности»⁸. Понятно, что такого рода данные неправомерно распространять на все население, как и заключать, что уровень поддержки нового слишком мал («только 15 %»). Для такого вывода нужны сравнительные данные как с предыдущим периодом нашей истории, так и с другими странами. Страница, на которой помещен комментарий психолога, озаглавлена: «Почему белорусская экономика до сих пор советская?» В таком контексте новое ассоциируется главным образом с либеральной рыночной экономикой. Видимо, поэтому поколения 1940–1960-х гг. названы «потерянными», хотя их вклад в создание современной культуры и науки, промышленности и социальной сферы неоспорим. То, что большинство из них не приняли идеи «шоковой терапии», не раскусили (или, наоборот, раскусили) смысл ваучеризации, огульной приватизации, не понимают выгоду фондового рынка и финансовых пирамид и т. д., вовсе не говорит о том, что они противники нового, в том числе и европейских ценностей. Парадокс, но человек, открытый ко всему и всякому новому, – только потому, что это нечто иное, – оказался бы просто флюгером, не имеющим какой-либо самостоятельной ориентации. Кстати, таких уже немало среди «гламурных тусовщиков» – и не только в области моды, путешествий, но также и политических взглядов, убеждений и др. Одним словом, такого рода обобщения не только не приближают нас к раскрытию сущности инновационных процессов, психологии изобретательности, но скорее удаляют от этой цели.

Что касается второго блока, то здесь ясную программу действий создать весьма не просто. Процесс, безусловно, идет, что хорошо заметно даже на бытовом уровне, но это проявляется в основном в повышенном внимании к освоению новинок, т. е. движению вслед за предлагаемыми продуктоновациями – от сникерсов и мобильных телефонов до иномарок и Интернета. Чтобы дать научные ответы на вопросы об отношении к инновациям разных групп и категорий населения, их включенности в поисковую деятельность, оценке заимствований и возможностей их ассимиляции (особенно социальных нововведений), необходим конкретно-социологический анализ. Предметом такого анализа должна стать установка, представляющая высший уровень организации человеческих сущностных сил, динамический элемент сознания и регулятор поведения. Мониторинг инновационных установок с учетом статусных, ролевых и других различий, а также особенностей, связанных с местом проживания, уровнем дохода и образования, семейным положением и т. д., позволит накопить необходимую информацию для решения практических вопросов о том, как вовлекать людей в инновационный поиск, новаторство, изобретательство на своем рабочем месте, по месту жительства, в коммунально-бытовой сфере и т. д.

Нет сомнения, что первостепенное значение для теории и практики инноватики приобретает человеческое измерение, т. е. отношение людей к

новому, готовность к участию в поисках. Повседневные наблюдения показывают значительную дифференциацию людей по данным признакам: наряду с неутомимыми новаторами и вечными изобретателями присутствуют непоколебимые традиционалисты, ретрограды и догматики, между ними – скептики, нигилисты, приспособленцы и пр. Если взять непроизводственные инновации, которые по самой своей природе связаны с управляемыми изменениями (иначе они не были бы социальными, т. е. массовыми и системными), то выяснится, что кроме заинтересованных сторонников и творческих соучастников есть и те, кто пытается их заблокировать разными способами – от скрытого саботажа до показного активизма («пыль в глаза»). Вместе с тем сегодня очевидно и другое – при изменении условий, открытии известного шлагбаума под названием «инициатива наказуема», создании механизмов поддержки и стимулирования инновационная активность людей повышается. Известный русский исследователь творчества И.И. Лапшин, признавая, что нужна есть мать изобретения, писал: «В основе изобретательности человека лежит **сложная совокупность наклонностей и инстинктов**. Стремление к удовлетворению **житейских нужд и свободная игра творческих способностей**, как мы увидим, в равной мере принимают здесь участие»⁹. Понятно, что изобретательность, творчество вообще – это формы инновационного поиска, и для нас важно то, что автор стремился, как отметил в послесловии к его книге В.Ф. Пустарнаков, «осмыслить не только то, “как это происходит”, но и то, “как это надо делать”»¹⁰. В этой мысли мы видим серьезный методологический посыл всем исследователям социологии и психологии инноваций. Важно не только точно описать, как люди воспринимают, оценивают и ассимилируют новое, но и на основе репрезентативных данных осмыслить – вместе с ними, через их личный опыт, – как они делают нечто новое в конкретных жизненных ситуациях – придумывают, экспериментируют, изобретают, меняют и т. д.

Решающее значение для выполнения таких задач имеет правильно выбранный понятийный аппарат, позволяющий концептуализировать изучаемый феномен и найти эмпирические индикаторы для сравнительной оценки его человеческих измерений. Исходной категорией является инновационная активность. Под активностью вообще понимается свойственная живым существам «их собственная динамика как источник преобразования или подержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром»¹¹. Переходя к человеческой активности, целесообразно обратить внимание на ее преобразовательный характер. В.Л. Хайкин в этой связи пишет: «Преобразовательное свойство раскрывается в построении **инога**, позволяющего не просто адаптироваться к сегодняшнему окружающему миру, но и **проектировать завтрашние условия** природной и культурной адаптации, целенаправленно их осуществлять как условия нового **проектирования**»¹². Не вдаваясь в некоторые детали, можно принять следующую дефиницию. Инновационная активность есть движение (динамика) актора в направлении поиска возможностей (способов, методов, ресурсов) по изменению тех элементов жизненной ситуации, которые не соответствуют его ожиданиям в настоящее время или, по его прогнозам, могут потерять такую способность в будущем. Если ситуация оценивается как безусловно удовлетворяющая субъекта, то она просто воспроизводится, поддерживается, т. е. имеет место активность репродуктивного типа. Для характеристики субъективной стороны процесса нововведений в литературе используются термины «инновационное восприятие» и «инновативность». Под инновационной восприимчивостью понимается «способность генерировать передовые научно-технические идеи и готовность гибко перестраивать производство в соответствии с созданием и использованием инноваций»¹³. Данное определение относится только к производственной сфере и имеет в виду хозяйствующих субъектов (юридических лиц) в их конкретной экономической дея-

тельности. Но «способность», «готовность» – это не параметры завода, фабрики или фирмы и т. д., а психологические диспозиции человека. И в этом смысле инновационная восприимчивость есть прежде всего личное (а на этой основе – и коллективное) отношение к новшеству – принятие/непринятие, поддержка/сопротивление, понимание значимости и императивности поиска и необходимости своего посильного участия в нем. Если взять непроизводственную сферу, например социокультурные нововведения, моду или индивидуальное потребление и др., то здесь инновационные ориентации означают персональные предпочтения в ситуации выбора. В то же время социальные инновации, представляющие собой управляемые изменения в сфере образования, здравоохранения, жилищно-коммунальных, транспортных и других услуг, требуют не перманентного генерирования новых идей, а заинтересованной и осознанной реализации намеченного. Понятие «инновативность» рассматривается как «эмоционально оценочное отношение к нововведению, различие в восприимчивости субъектов к инновациям, а новаторство – восприимчивость субъекта к новым в данной системе идеям, опыту, представляет собой в большей степени не только движение по распространению новшеств, а черту личности, которая характеризуется высоким чувством нового, стремлением к передовому, прогрессивному, непримиримостью к консервативному мышлению»¹⁴.

Однако для выявления таких новаторских «черт личности», как правило, используются ad hoc – наблюдение, метод кейс-стади, а также статистика результатов, учитываемых постфактум. При этом мотивационная установочная направленность выносится за скобки. Вопрос о том, можно ли и как формировать новаторские способности, стиль мышления, влиять на инновационное поведение индивида, не рассматривается или переносится в другую плоскость. На наш взгляд, в аналитическую понятийную сетку необходимо ввести категорию «установка» и использовать ее эвристический потенциал для анализа инновационного поиска. Необходимо, конечно, учесть многозначность данного термина. Многие до сих пор помнят телевизионное обращение А. Кашпировского: «Даю установку». В нем – некоторый код суггестера, настраивающий внимание, но не имеющий отношения к реальной деятельности, тем более инновационной.

Термин «установка» впервые употребил Г. Спенсер в работе «Основные начала» (1862) в качестве одного из принципов бытия. В его понимании эволюция как самодвижущийся процесс развития была бы невозможна, если бы система (агрегат, организм – по его терминологии) каждый раз нуждалась заново искать способы поведения. На всех уровнях живой материи существует некоторый набор предуготовленных – запрограммированных или приобретаемых – стандартных форм реакций на условия среды. В этом смысле установка понимается как константный регулятор реагирования и поведения в отличие от его изменчивых признаков. На биологическом уровне она проявляется в таких формах, как гомеостазис – сохранение функций организма за счет изменения реакций генотипа: тропизмы – у растений, инстинкты – у животных.

У человека принято различать два класса установок: а) общепсихологические – характерные для «человека вообще» и существующие на индивидуальном уровне; б) социально-психологические – коллективные по своей природе, отражающие социальные ценности конкретной общности и индивида как представителя, члена данной общности. Это деление закреплено терминологически: первый класс называют просто установками (в английском языке «Set», в немецком – «Einstellung»), второй – социальными установками или как калька с английского – «аттитюд» (без перевода на другие языки).

Как общепсихологический феномен установка есть «состояние готовности к определенной форме реагирования, **нейродинамически “закодированная модель” конечного результата реакции**, предвосхищающая эту

реакцию во времени и поэтому являющаяся неотъемлемым компонентом структуры целенаправленной деятельности»¹⁵. Из истории психологии можно отметить введенное русским психологом Н.Н. Ланге понятие «моторная установка», представителями вюрцбургской школы – «установка сознания», А.К. Гастевым (директор Центрального института труда в 1930-е гг.) – «трудова установка».

В теории установки, разрабатываемой грузинской школой Д.Н. Узнадзе (1887–1950), использовался новый методологический подход. Во-первых, по определению Узнадзе «установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией»¹⁶. Во-вторых, вводится понятие «фиксированная установка», которая отличается от ситуационной тем, что закрепляется при многократном повторении. В-третьих, установка «не осознается в виде особого переживания или феномена сознания»¹⁷, т. е. относится в этом смысле к неосознаваемым психическим явлениям. Тем самым, как отмечала Г.М. Андреева, исключается ее применение к изучению сложных высших форм человеческой деятельности. «Установка в контексте концепции Д.Н. Узнадзе более всего касается вопроса о реализации простейших физиологических потребностей человека»¹⁸. В-четвертых, установка описывается как модус субъекта, т. е. особое целостное состояние. «При встрече потребности и ситуации, – подчеркивает И.В. Имададзе, – происходит видоизменение всего субъекта, а не индивидуализация и конкретизация его частного момента – потребности»¹⁹.

Теория установки Узнадзе подрывала традиционные представления о предмете психологии как о «субъективном пространстве сознания» (М.Г. Ярошевский) и стимулировала исследования в области социальных установок (аттитюдов). Характерно высказывание Узнадзе относительно установки волевого поведения, в основе которого, в отличие от импульсивного поведения, не актуальная, а воображаемая, мыслимая ситуация. Он писал: «Субъект не может прямо воздействовать на установку, чтобы произвольно изменить ее, вызвать или пресечь, он только через *идейную ситуацию* (выделено нами. – С. Ш.) действует на нее. Однако не от желания субъекта зависит, когда эта идейная ситуация может вызвать установку; субъект может только засвидетельствовать, произошло ли в нем опосредованно вызванное им изменение или нет»²⁰. Хотя концепт «идейная ситуация» здесь не расшифрован, его можно раскрыть. Применительно к нашей теме представим, что молодой солдат-новобранец осваивается с требованиями воинского порядка и нового для него образа жизни. Вначале они кажутся ему избыточными, может быть, даже унижающими личное достоинство. Но со временем формируется установка, и тогда, наоборот, раздражение и неприятие вызывают малейшие отклонения от установленного порядка. Как и когда произошла эта трансформация? Понятно, что невозможно сказать себе: с завтрашнего утра я начинаю ценить и уважать уставные отношения. Влияние действительно идет через идейную ситуацию, в которую включены многие факторы: письма из дома, советы товарищей, пример «стариков», разъяснения командиров, самооценка и пр. Но это уже не просто индивидуальная установка «человека вообще», как, например, у Робинзона, который раскладывает по полочкам все свое имущество, чтобы не терять время на поиски. Нет, в нормальном армейском коллективе такая предрасположенность к поддержанию порядка возникает практически у всех солдат, а это и есть социальная установка.

На первый взгляд может показаться, что аттитюд ничем не отличается от просто установки (Set): феноменологически и та и другая характеризуют состояние предрасположенности, готовности, настроенности к определенному способу восприятия, реагирования и действия в сходных ситуациях.

Однако между ними имеются не только сходства, но и существенные различия содержательного плана: социальная установка охватывает более широкие и качественно иные средовые параметры ситуации и ее контекст. Если в общепсихологической модели установки ситуация является для субъекта в общем и целом предметной – «встреча потребности с ситуацией» (по Узнадзе) есть не что иное, как обнаружение доступного предмета потребности, то в аттитюде главный компонент среды – «другие» в их актуальном или виртуальном (предполагаемом, воображаемом) наличии. Присутствие других людей задает параметры ситуации, т. е. требует выяснения, кто они, помогают или противодействуют и т. д. Контекст установочной активности субъекта как раз и определяется соотносительностью с реакциями окружающих, учетом их возможных положительных или отрицательных санкций и т. д.

Во-вторых, объектом социальной установки может быть только то, что несет на себе знак социально-культурной ценности данной общности или презентует ее в символической форме. Это могут быть как самые высокие метафизические категории, религиозные заповеди, историко-культурные символы, так и обычные предметы, потребительские товары и пр. Почему, например, мы не едим лягушек, змей, улиток, насекомых и т. п., а другие народы исключают из рациона свинину или говядину? Понятно, что не по кулинарным достоинствам, а исключительно из сложившихся социальных установок. Дифференциация трудовых установок охватывает не только большие этнические и социальные группы (этносы, нации, классы, сословия, исторические типы культуры), но и профессиональные категории вплоть до узких специальностей. Не будем здесь обсуждать сложную проблему общечеловеческих ценностей и универсалий культуры.

Таким образом, социальные установки выражают отношение людей к ценностно значимым объектам (предметам, явлениям), отсюда следует, что таких установок не может быть относительно объектов, не обладающих ценностным статусом или в силу особенностей «идейной ситуации» потерявших его. Так, в начале переходного периода (перестройки) в основном стихийный процесс изменения ценностного сознания привел к тому, что некоторые фундаментальные ценности, определяющие живучесть общества как системы, оказались девальвированными (дружба народов, патриотизм, воинская честь, солидарность, бескорыстная помощь и т. д.), соответственно социальные установки такого типа перестали воспроизводиться. Правда, затем большинство из них восстанавливается на новой основе в рамках суверенных государств. Важно также, что аксиологический уровень обретают некоторые ранее периферийные явления: обязательность в деловых отношениях, ценности работы и рабочего места, права человека и т. д.

Как уже отмечалось, те социальные установки, которые закрепляются («кодируются») в структурах сознания и нервной системы, приобретая устойчивый фиксированный характер, становятся своего рода программами реагирования и действия социальных субъектов – индивидуальных и коллективных.

История исследований установки начинается даже не со Спенсера, впервые употребившего данный термин, а с лабораторных экспериментов Л. Ланге (1825–1885), в которых была выявлена зависимость времени реакции (ВР) от направленности испытуемого. Направленность на стимул удлиняла ВР, а направленность на действие (например, нажатие кнопки, ответ на вопрос и т. п.) сокращала его. М.Г. Ярошевский отмечал: «Работа Л. Ланге стала объектом многолетних споров. Ее исторический эффект состоял в том, что была обнаружена детерминационная роль **предварительной установки** испытуемого, выражающейся во внимании»²¹. В психофизиологических опытах Мюллер и Шуман выявили, что после многократных сравнений двух предметов разного веса и тела равного веса начинают вос-

приниматься как неравные. Такая иллюзия возникает в силу предварительной настройки мышечной системы. Обобщая и развивая полученные данные, глава вюрцбергской школы О. Кюльпе (1862–1915) высказал предположение, что не только мышечной системе, но и сознанию как таковому присуща преднастройка на предполагаемый раздражитель и на соответствующий тип реакции. Так, появляется термин «установка сознания» и разворачивается работа по его категоризации, включая определение онтологического статуса, места и роли в механизмах регулирования поведения, соотношение с другими понятиями и т. д. С этого момента и начинается история исследований установки. К непосредственным категориальным предпосылкам, без которых само движение научной мысли по выявлению установочной активности человека было бы невозможным, следует отнести такие концепты, как «антиципация», «врожденное знание» и «опережающее отражение».

Антиципация (от лат. *anticipo* – предвосхищение) – понятие, обозначающее способность предвосхищения тех или иных еще не свершившихся событий или будущих результатов предполагаемого действия. Термин введен древнегреческими философами: у стоиков антиципация – это дар проскопии (проникновения в будущее), доступный мудрецам; у эпикурейцев – угадывание и выбор того, что полезно для счастливой жизни. Уже здесь видно, что антиципация легко сближается с ясновидением, спиритуализмом, пророчеством и т. п. Именно это дало основание Ф. Бэкону изгонять предвосхищение из науки, заменяя его строгими методами познания. И. Кант понимал природу антиципации как априорные формы познания, присущие субъекту до начала процесса познавания; у А. Бергсона – это интуитивное постижение мира и т. д. Кстати, попытка вольного перевода латинского термина «*anticipatio*» как «доопытное представление»²², на наш взгляд, не корректна. Так, предсказание погоды по приметам является именно опытным предвосхищением. Понятно, что оно не существовало бы многие века, если бы вероятность «угадывания» была незначительной.

В конце XIX в. В. Вундт (1832–1920) ввел понятие антиципации в психологию главным образом для характеристики «представлений воображения», т. е. представлений об отсутствующих объектах или о результатах тех действий, которые еще не начаты, а лишь предполагаются. Позже это понятие вошло во все социогуманитарные науки. Оно позволяет: во-первых, объяснить, как достигается согласованность взаимных ожиданий двух и более акторов путем предвосхищения возможных вариантов реагирования партнера в ответ на собственные действия; во-вторых, понять упорядоченность внутренних структур Я-концепции благодаря антиципирующей способности видеть себя со стороны, глазами других людей, а не только интроспективно (самонаблюдательно); в-третьих, концептуализировать мотивационный процесс. «Суть побуждения, – по словам Л.И. Анцифировой и Б.М. Величковского, – состоит в предвосхищении возможных действий, которые приведут к влекущим за собой определенные последствия результатам. Качество и степень привлекательности **антиципируемых последствий** с точки зрения пользы, затрат времени и усилий, оценки другими и самооценки решающим образом зависят от мотивов»²³. Именно поэтому является правомерным и приобретает эвристическое значение термин «мотивационная установка», выражающий его содержательную и структурную обусловленность со стороны мотивов.

Врожденное знание («врожденные идеи») – одна из категорий гносеологии. Она восходит к учению Платона об эйдосах (идеях-образах), которые содержатся в душе наподобие «матриц» вещей и предметов внешнего мира. Познание и есть припоминание (анамнесис) эйдетических прообразов (врожденного знания) души. Такой вариант толкования врожденного знания разрабатывался в эйдологии Э. Гуссерля, в неотомизме и др. Немецкий

психолог Эрих Йенш (1883–1940) создал учение, названное им «эйдетика», согласно которому люди делятся на разные типы по критерию «душевной предрасположенности», определяющей рецептивные и продуктивные различия. В психологию вошел термин «эйдетизм», обозначающий особенно яркие и точно воспроизводимые представления памяти («как сейчас вижу»). Считается, что основой эйдетических образований является остаточное возбуждение анализатора²⁴, но поскольку такие образования сохраняются длительное время, порой годами, то логично предположить, что они коррелируют с ценностными аспектами (смыслами) установки.

Второе направление связано с пониманием природы знания. Сенсуалистская модель «*tabula rasa*» – чистая доска, термин Аристотеля, категоризованный Локком, – исключала саму возможность какого-либо вне или доопытного знания. Известное положение Локка «ничего нет в интеллекте, чего не было бы в чувствах» Лейбниц дополнил – «кроме самого интеллекта». Поддерживая положение Декарта о врожденных идеях, Лейбниц говорит о существовании в душе известных предрасположений, благодаря чему из нее могут быть извлечены внеопытные истины. В своей теории рефлекса Декарт исходил из модели механического автомата, в которой имплицитно содержится допущение, что простейший регулятор, например, давления, знает, «когда нужно открыть клапан», чтобы не допустить разрушения котла. Такое же знание по аналогии можно приписать и безусловному рефлексу. Характерна точка зрения социолога и криминалиста Г. Тарда, который писал: «Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере (ходить, есть, кричать), – физиологическое; но обладать какой-либо походкой, петь арии, предпочитать определенные блюда – все это социальное»²⁵. Поскольку умение делать есть технологизация знания, то речь идет о выделении того, что человек знает изначально, и того, чему должен учиться у других людей, приобретать на основе прежде всего, как считал Тард, законов подражания.

Заслуживает внимания идея лингвистических универсалий, выдвинутая американским социолингвистом Н. Хомским. Сравнив четыре тысячи языков народов мира, он обнаружил, с одной стороны, их существенные отличия друг от друга звуками и символами, с другой – сходством по синтаксису, т. е. способом сочетания слов в предложении, а значит, формами мысли. С его точки зрения, это обусловлено «глубинными структурами», в основе которых лежат укорененные в человеческой психике и мозге «врожденные настройки». Они-то и определяют правила («схема универсальной грамматики») образования «наполненных значениями предложений и объясняют переводимость одних языков на другие»²⁶.

В этом далеко не беспредметном споре нетрудно заметить расхождения, источником которых является разное понимание природы знания. При сугубо рационалистической трактовке знания (позитивизм) как логически правильного дедуктивного вывода или индуктивного обобщения чувственных и/или экспериментальных данных врожденным оно быть не может. Более того, все вне- и доопытные сведения, не укладывающиеся в рациональную схему, к знанию не причисляются. Тем самым из совокупного тезауруса исключаются здравый смысл, интуиция, суждения вкуса (И. Кант), метафизические трансцендентные и ценностные умозаключения. Но если к знанию относят любые когнитивные формы (мнения, убеждения, верования и т. д.), которые способствуют правильной ориентации в мире и оптимизации решений в ситуации выбора, то ответ не столь очевиден. Можно сослаться на К. Юнга, считавшего, что «в памяти есть область, в которой хранится опыт предшествующих поколений, образованный совокупностью Архетипов». По этому поводу В.Н. Колесников заметил: «...мы привыкли думать, что вспомнить можно только то, что сам видел, но забыл»²⁷. При таком подходе следует признать наличие у человека если не «готового» до- и внеопытного

знания, то определенного когнитивного потенциала (задатков, априоризмов, архетипов и др.), составляющих содержание того, что именуют врожденным знанием.

Под опережающим отражением понимаются некоторые когнитивные акты относительно объектов (явлений), которые актуально не присутствуют в познавательном поле (в сфере чувственного восприятия), хотя могут быть представлены в нем виртуально. Факты такого отражения широко известны по наблюдениям над животными. А.М. Коршунов писал: «Опережающее отражение у животных связано либо с врожденными программами – инстинктами, либо с программами, приобретаемыми в ходе индивидуальной жизнедеятельности, – пожизненно формирующимися функциональными системами»²⁸.

У человека опережающее отражение проявляется в формах целеполагания, воображения, проектирования, инновационной деятельности, вообще во всем и везде, где требуется не просто репродукция, производство по шаблону, а творческий подход. Однако, несмотря на повседневную представленность феноменов опережающего отражения, его природа длительное время оставалась невыясненной, а категориальный статус – неопределенным. Выдающийся русский физиолог П.К. Анохин (1918–1974) раскрыл физиологический механизм опережающего отражения и показал, что оно является регулятором становления и развития любой функциональной системы. Как писал Л.Р. Грэхэм, «понятие “опережающее отражение” было разработано Анохиным в конце его жизни»²⁹. Точнее было бы сказать, что это было время опубликования результатов исследований, поскольку длительное время теория отражения не допускала употребления данного понятия. Анохин смог преодолеть этот запрет, но не как философ, а как естествоиспытатель. Логику его анализа можно представить следующим образом.

Согласно традиционной модели, идущей от Декарта, рефлекторная деятельность является целенаправленной и адаптивной. Но возникает вопрос: как организм узнает о том, что желаемая цель достигнута? «Весь имеющийся в арсенале нашей нейрофизиологии материал, – писал Анохин, – не может дать нам ответа на этот вопрос... Нет никаких видимых с обычной точки зрения причин, почему одна из афферентаций стимулирует **центральную нервную систему** на дальнейшую мобилизацию рефлекторных приспособительных актов, а другая – наоборот, останавливает приспособительные действия»³⁰. В поисках ответа были введены новые термины, приобретенные впоследствии общенаучное концептуальное и методологическое значение. Это «обратная афферентация» (от лат. afferenc – приносящий – возбуждение, передаваемое по нервным волокнам от иннервируемых тканей к центральной нервной системе), ставшая прообразом обратной связи в кибернетике; «акцептор действия» (от лат. acceptare – принимать, одобрять) – контрольный аппарат в нервной системе, основанный на сильном наследственном безусловном рефлексе и связанный с условным раздражителем; «опережающее отражение» – «заготовленный комплекс возбуждений», существующий в организме до того, как оформился самый рефлекторный акт. Организм узнает о достижении цели путем сравнения информации, поступающей по каналу обратной афферентации с заготовленным комплексом возбуждений. В случае несовпадения возникает необходимость в дальнейшей мобилизации рефлекторных актов, т. е. в продолжении действия. Заготовленный комплекс состоит из генетической программы и следов прошлого опыта. Это и есть физиологическая основа опережающего отражения, благодаря которому организм «знает» цель и соответственно стимулирует или останавливает рефлекторные действия. Кроме того, он заранее «умеет» дифференцировать раздражители (стимулы), четко выделяя те, которые соответствуют наследуемым безусловным рефлексам.

Идеи Анохина позволяют понять и психологический уровень опережающего отражения. Безусловно, если исходить из абстрактной пассивно-со-

зерцательной модели гносеологического субъекта, то опережающее отражение невозможно. Восприятие, тем более копирование, фотографирование, несуществующего объекта было бы не более чем фантомом, призраком. Но реальный человек – существо активное, адаптивно-адаптирующее, целеполагающее. Постановка цели связана прежде всего с предвидением – пусть и неточным, маловероятным и т. д. – результата деятельности, а следовательно, с формированием плана, созданием идеального образа объекта и схемы (проекта) его изменения. Человек, вообще, не работает непосредственно с объектами, он всегда конструирует предмет деятельности, исходя из цели и свойств объекта, существенных в данном отношении. Одно дело, когда дерево рубят на дрова, другое – на строительство дома. Таким образом, опережающее отражение и есть мысленное конструирование предмета деятельности из тех элементов действительности, которые доступны и адекватны целям человека.

Установка по своей природе и сущности является одной из форм опережающего отражения. На физиологическом уровне она представляет собой замкнутый рефлекторный контур, саморегулирующийся посредством сравнения рецепторной информации с той информацией, которая уже имеется в «заготовленном комплексе возбуждения». Поэтому у животных содержание опережающего отражения не выходит за пределы генетической программы и прошлого опыта, запечатленного в нервных структурах. У человека помимо организменных, физиологически обусловленных установок (моторные установки, динамические стереотипы, вырабатываемые в процессе тренировок) имеются также социальные установки, представляющие собой инверсию (переворачивание) антиципации. Например, предсказание погоды по приметам есть антиципация, а готовность действовать в соответствии с этим прогнозам – установка. Тем самым преодолеваются дисциплинарные разночтения данного термина, обеспечивается системное единство самого феномена. При таком подходе разные виды установок – физиологические, общепсихологические, социально-психологические – можно рассматривать не как рядоположенные явления, а как одно явление на разных уровнях своей целостности. Еще раз отметим, что *аттитюд* – это психологическое переживание индивидом ценности (значения, смысла) социального объекта, или **«состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности»**³¹. Отсюда следует, что всякое новшество, с которым знакомится индивид, проходит на первом этапе процедуру ценностной проверки. Если этот этап успешен, то на основе опыта и рефлексии постепенно формируется инновационная установка. Всякая инновация включает ряд обязательных моментов, которые присутствуют в ней в полной или свернутой форме в зависимости от этапов осуществления. В их число входят: а) общая идея изменений, замысел, ноу-хау; б) проект реализации; в) новый товар, услуга, способ действия (методы, приемы и т. д.), формы отношений (паттерны), организации и т. д.; г) сама инновационная деятельность, направленная как на творческую ассимиляцию новшеств, так и на изобретательность, модернизацию, перекомбинацию и пр.; д) инвестиции как финансовое обеспечение инновационного процесса.

Исходным пунктом, первоначалом, зерном инновационного процесса является новая идея. Формой ее презентации, как правило, выступают некоторые вероятностные предположения о возможности и способах изменения существующего положения дел (технологии, организации, продукта и др.) в той или иной области человеческой деятельности. Разумеется изменений в позитивном направлении для повышения эффективности, качества и/или обоснованности решений социальных вопросов. Нет необходимости повторять, что совокупность таких идей – в их селекции и преемственной разработке – создает подлинный фундамент цивилизации во всех отношениях – от производства самых утилитарных вещей до вершин искусства и форм

общественного устройства. Для изучения установок населения на инновационные идеи важно учитывать не только значимость, но и доступность их содержания массовому восприятию. Скажем, суперновые эксперименты на Большом адронном коллайдере понимают только узкие специалисты. Заведомо ясно, что ни в одной стране мира у простых людей нет определенной реакции по данному поводу.

Вместе с тем по более земным, хотя и достаточно сложным проблемам, население высказывается вполне определенно. Так, в мониторинговом исследовании перспектив использования разных источников для развития энергетики Беларуси, проводимом в течение ряда лет Институтом социологии НАН Беларуси, общественное мнение высоко оценило, конечно, газ и нефть: индексы перспективности соответственно 81,2 и 62,4 %. Вместе с тем выражено достаточно позитивное отношение к тем источникам энергии, которые для широкого использования в нашей стране требуют инновационных подходов. Так, индекс перспективности ядерного топлива, по данным республиканского опроса 2008 г. (репрезентативная выборка 2126 человек), составил 58,6, гидроэнергии – 48,0, торфа – 39,7, древесины – 38,7, бытовых отходов – 35,3, энергии ветра – 34,6, отходов растениеводства – 26,7 %³². Как видим, далеко не ко всему новому люди относятся настороженно. В данном случае в установке заметен эффект опережающего отражения: население, можно сказать, подталкивает специалистов к поиску новых для Беларуси источников энергии.

Проект реализации – первый шаг к воплощению новой идеи. Если речь идет о новой технике и технологии, то это – опытно-конструкторские разработки. Но в социальных инновациях они выступают в форме концепций, программ и других решений, принимаемых руководством страны, министерствами и ведомствами, местными органами власти как нормативные акты определенного уровня действия. Большая часть таких решений является инновационной по определению. Они затрагивают интересы людей, направлены на улучшение ситуации в стране, вносят перспективную определенность и имеют системный характер. Вместе с тем очевидно, что инновационные установки населения не есть одномоментная реакция, они формируются постепенно на основе сравнения и накопления опыта. Так, социологические исследования в начале 2008 г. показали, что 12-летний срок обучения в средней школе и обязательная профилизация не оправдали ожиданий населения – не снизили нагрузку школьников и не повысили качество образования. Исходя из этого, Президентом страны был издан специальный декрет, направленный на изменение ситуации. На этом примере видно, что при изучении установок населения необходимо выяснять не открытость «ко всему новому», а восприятие и оценки конкретных решений, особенно в социальной сфере.

¹ Цепкало В. На пути к «экономике знаний» // СБ. 2008. 21 окт. С. 6.

² Соколова Г. Н. Белорусская модель инновационного развития в социальном измерении // Социология. 2007. № 3. С. 64.

³ Никитенко П. Г. Логистика должна стать приоритетной отраслью // Белорусы и рынок. 2008. № 40. С. 18.

⁴ См.: Ляликов А. П. Венец терновый, увитый лаврами... // Эко. 1988. № 1. С. 82.

⁵ Сержинский Н. И. Инновационная политика // Проблемы развития национальной экономики Беларуси (теоретические и практические аспекты). Мн., 2002. С. 146.

⁶ См.: Павлова Е. Г. Инновационный потенциал малого научно-технического предпринимательства Беларуси: социологический аспект: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Мн., 2008; Сечко Н. Н. Инновационная деятельность малых и средних предприятий Беларуси: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Мн., 2008.

⁷ КП в Беларуси. 2008. 4 окт. С. 6.

⁸ Сержинский Н. И. Указ. соч. С. 146.

⁹ Лапшин И. И. Философия изобретения и изобретение в философии. М., 1999. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 349.

¹¹ Леонтьев А. Н. Категория деятельности в современной психологии // Вопр. психологии. 1979. № 3. С. 10.

¹² Хайкин В. Л. Активность (характеристики и развитие). М., 2000. С. 139.

- ¹³ Соколова Г.Н. Указ. соч. С. 65.
¹⁴ Кучко Е.Е. Социология нововведения как специальная социологическая теория // Социология. 2007. № 4. С. 95.
¹⁵ Психологический словарь. М., 1983. С. 382.
¹⁶ Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 170.
¹⁷ Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1985. С. 516.
¹⁸ Андреева Г.Н. Социальная психология. М., 1980. С. 354.
¹⁹ Имададзе И.В. Потребность и установка // Психол. журн. 1984. Т. 5. № 3. С. 39.
²⁰ Узнадзе Д.Н. Мотивация – период, предшествующий волевому акту // Психология личности. М., 1982. С. 84.
²¹ Ярошевский М.Г. Указ. соч. С. 249.
²² См.: Философский энциклопедический словарь / Ред. и сост.: Е. Губский, Г. Короблева, В. Лидченко. М., 1997. С. 24.
²³ Анцифирова Л.И., Величковский Б.М. Предисловие к книге: Х. Хекхаузен. Мотивация и деятельность: в 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 6.
²⁴ См.: Психологический словарь. С. 406.
²⁵ Тард Г. Социальная логика. СПб., 1901. С. 3.
²⁶ Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М., 2003. С. 79.
²⁷ Колесников В.Н. Лекции по психологии индивидуальности. М., 1995. С. 89.
²⁸ Коршунов А.М. Теория отражения и творчество. М., 1971. С. 60.
²⁹ Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 206.
³⁰ Анохин П.К. Особенности афферентного аппарата условного рефлекса и их значение для психологии // Вопр. психологии. 1955. № 6. С. 26; см. также: Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1975. С. 44.
³¹ Шихерев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. С. 100.
³² См.: Энергетика Беларуси. Состояние. Проблемы. Перспективы. Мн., 2006. С. 275; см. также: Научный отчет под руководством к.с.н. Хурса М.Н. (№ госрегистрации 20072876). С. 78.

Поступила в редакцию 21.08.08.

В.Г. ФЕДОТОВА,
 ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА);
В.А. КОЛПАКОВ,
 КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК (МОСКВА);
Н.Н. ФЕДОТОВА,
 КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МОСКВА)

ГЛОБАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ТРИ ВЕЛИКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества

Предлагается новая концепция трех Великих трансформаций через соединение модернизационной и глобализационной теорий с теорией капитализма. Рассматриваются экономические и политические истоки трех фаз капитализма, история периодизации капитализма и общества как сменяющих друг друга типов современности.

The new concept of three Great transformations of capitalism is offered through connecting the modernization and globalization theories with theory of capitalism. The economic and political sources of the three phases of capitalism, history of periodization capitalism and society as changing each other types to contemporaneity. They Are Considered.

История написания этой статьи имеет отношение к ее содержанию. В.Г. Федотова более десяти лет изучает модернизационные процессы, В.А. Колпаков – методологию экономического знания и его социально-культурную обусловленность, Н.Н. Федотова – глобализацию и связанные с ней проблемы идентичности и мультикультурализма.

В 2004 г. В.А. Колпаков и В.Г. Федотова выступали с докладами на российско-корейском семинаре в Южной Корее. Комментируя доклад В.А. Колпакова, руководитель семинара – бывший представитель Южной Кореи в ЮНЕСКО профессор Ин Сукча сказал, что автор доклада стоит на пороге

* Вопр. философии. 2008. № 8. С. 3–15.

создания неоконсервативной теории. Профессор Ин Сукча в своих работах отрицал известные западные трактовки южнокорейской модернизации в духе транзитологии и выделяемых транзитологией обязательных фаз развития. По его мнению, для Кореи необходима неоконсервативная теория, которая показала бы, как соединяются неоконсерватизм и традиционная этика.

Под впечатлением от такой оценки В.А. Колпаков и В.Г. Федотова начали размышлять над созданием такой теории, позднее к ним присоединилась Н.Н. Федотова. Авторами был опубликован ряд статей избранной тематики. Концепция вырабатывалась как соединение модернизационной, глобализационной теории и теории капитализма. При таком соединении произошла «переделка» всех трех теорий.

Капитализм всегда считался основной чертой современности (modernity), следствием модернизации и ее ядром, ведущей практикой современности, существующей на всех ее этапах. Но сегодня количество точек зрения по вопросу соотношения капитализма и модернизации очень велико. Оно значительно возросло после 1970 г., который оказался своеобразным рубежом в связи с изменениями капитализма на Западе, экономическим ростом Японии и других азиатских «тигров», либерализацией коммунизма. Дальнейший распад коммунистической системы, переход Запада в постиндустриальную информационную стадию, вызовы, идущие от Китая и Индии, создали новый взгляд на капитализм и модернизацию как многообразие, в котором складываются и неоднозначные отношения. Социальные теоретики выделяют по меньшей мере четыре типа отношений капитализма и современности, где современность пока понимается не столько концептуально, сколько интуитивно: 1 – капитализм и современность как прочно связанное и переплетенное социальное образование; 2 – современность как самое многообещающее явление, которому капитализм не дает завершиться, становясь причиной многообразных форм современности; 3 – капитализм и современность – сосуществующие, но аналитически различные социальные образования; 4 – есть страны, развитие которых обеспечено капитализмом (например, Англия), и есть страны, в судьбе которых наибольшую роль сыграла модернизация, например политическая модернизация – Великая французская революция¹.

Что есть «современность» и что есть модерн? Пока это не сформулировано, трудно обсуждать соотношение «современности» и капитализма. Однако мы легко обойдем эту трудность, исходя из того, что данные понятия имеют вполне определенное устойчивое содержание в обсуждаемых релевантных контекстах. Капитализм с самого начала несет черты стабильности, открывая перед человечеством новую ступень развития, хотя эмпирически глобальным он стал много позже – с началом первой глобализации. Первая глобализация, осуществляемая посредством свободной торговли, обмена капиталами, товарами, идеями и людьми (1885–1914), не была мировой тенденцией (мегатрендом), а продолжила мегатренд модернизации. Вторая глобализация, начавшаяся с 1990-х гг., становится мегатрендом, уводящим модернизационные процессы на локальный уровень, заменяя распространенную прежде догоняющую модернизацию как мегатренд на локальные, национальные модели модернизации с заимствованием западных политических, экономических и технических средств².

Слова о *неоконсервативной теории*, которые нас всех впечатлили, были истолкованы нами как *необходимость рассмотрения всей истории капитализма под углом зрения тех событий, которые происходят в мире с 1990-х гг.* Это – распад коммунистической системы, расширивший географические пределы действия капитала; следующая затем вторая глобализация; появление новых стран незападного капитализма в посткоммунистическом мире и в странах Азии; подъем стран хозяйственной демократии

в Азии, соединяющих коммунистическое правление с рыночными отношениями (Китай, Вьетнам); перенос индустриальных западных производств в эти страны и развитие на Западе информационных технологий «постиндустриального общества». *Все эти изменения создали проблему, которая и легла в основу нашего исследования, – проблему меняющихся отношений экономики и общества* (с его многообразием сфер – социальной, культуры и политики).

Парадигма современности, присущая модернизационным теориям, не просто ориентирована на новое. Она рассматривает современность в качестве модели и развивает теорию современности. Она, как казалось, не предлагает альтернативы капитализму, который и воспроизводит современность как социальный идеал³. Позже оказалось, что иное воплощение индустриализма в незападном регионе – социализм – также является формой модернизации, ориентированной на парадигму модернизма. Эта парадигма стала нормативной рамкой развития капитализма как хозяйственной системы, но одновременно и как общественного строя и типа общества, затрагивая и социалистические общества. Но эта нормативная парадигма отрывается от мира повседневности и в итоге срывается там, где для нее в повседневности были предпосылки, кое-где формирует их и нередко просто разрушает традиционное общество, не давая на протяжении длительного времени шанса ни капитализму, ни современности в обществах, далеких от данной нормативности⁴. Обсуждение парадигмы современности привело к выделению нами ведущих трансформаций, обуславливающих развитие капитализма и общества в целом, периодизации истории капитализма и общества как сменяющих друг друга типов современности.

Эти результаты и представлены в данной статье.

Источники предлагаемой концепции

Американо-венгерскому ученому Карлу Поланьи принадлежит блестящий анализ взаимоотношения общества и рыночной экономики как на ранних этапах ее становления, так и на фазе зрелого капитализма. Он показал, *что тысячелетиями рынки были встроены в систему социальных связей, не меняя их*. Рыночная экономика – сначала явление принципиально новое и сугубо европейское – была организована на принципах саморегулирования и предполагала свободные рынки труда, земли и денег. В условиях рыночной экономики человек и природа постепенно отчуждаются, становятся товаром. Становление саморегулирующейся рыночной экономики происходило достаточно бурно, и за 70 лет Англия, а также другие страны Европы вдруг осознали, что *теперь система социальных связей встроена, поглощена полностью рыночными отношениями*.

Книга о Великой трансформации, написанная Поланьи в годы Второй мировой войны, оказала на нас огромное воздействие не только своим содержанием, но и новой подлинно философской задачей – обратиться к социальным истокам эволюции капитализма. В предисловии к первому изданию книги П.М. Макайвер отмечает суть тогда новых взглядов ее автора, которые сегодня переживают свое второе рождение: «...непосредственная цель г-на Поланьи заключается в том, чтобы выявить... социальные последствия определенной экономической системы, а именно рыночной экономики, полное развитие которой наступило в XIX в. События и процессы, теории и поступки предстают перед нами в новой перспективе... Сведение человеческого существа к простой “рабочей силе”, а природы – к “земельной собственности” превращает новую историю в высокую, захватывающую драму, в финале которой ее скованный протагонист, общество, разрывает свои цепи»⁵.

Основное внимание в монографии Поланьи «Великая трансформация. Экономические и политические истоки нашего времени», опубликованной в США в 1944 г., уделено тем изменениям, которые привели капитализм к либеральной стадии и затем оборвали ее развитие.

Прослеживая эволюцию капитализма из традиционных обществ и экономик к раннекапиталистическим и классическим формам, мы опирались на анализ концепций становления капитализма и характеристику его классической формы, не только данную Поланьи, но и на труды С.Н. Булгакова, С.Ю. Витте, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, П.Б. Струве с его «Заметками об экономическом развитии России», М.И. Туган-Барановского, в частности на его работу «Русская фабрика и причины английского кризиса», особенно важных сегодня в связи с развитием незападного капитализма, многих современных российских авторов, а также западных исследователей – М. Вебера, В. Зомбарта, Ф. Броделя, И. Валлерстайна и Дж. Арриги, У. Бека, С. Лэша, Дж. Ури, Э. Гидденса, П. Бергера, З. Баумана и др. Нас особенно интересовали работы, в которых раскрывалась роль двух форм распространения капитализма – модернизации и глобализации, была дана трактовка прогресса, типов модерна (современности). Мы стремились также следовать духу Маркса, его взгляду на капиталистическое производство как производство определенного типа социальности, его убеждению, что изменение социального способно породить новые экономические отношения. Все это сохраняет непреходящее значение. Мы старались также обратиться к менее известным теориям, убедившись, что «с экономикой в особенности дела обстоят так, что большинство экономистов даже никогда не слышало – и им неоткуда услышать – о Броделе, Валлерстайне, Джованни Арриги и историко-географическом понятии мирозкономики»⁶. Мы пытались расширить представления о данной проблеме и о диапазонах объяснения капитализма. Нас особо интересовали те точки зрения, в которых значимыми представлялись моральные, культурные, политические и социальные факторы развития капитализма.

В своих концепциях ряд ведущих западных авторов анализируют понятие модерна, современности, характерное для модернизационной теории. Сегодня они выделяют первую и вторую современность: первая датируется иногда с Нового времени, иногда с XIX в. до глобализации, начавшейся в 1990-е гг., вторая возникает с ее наступлением. Начало такой периодизации положил Э. Гидденс в основном для обоснования нового лейборизма (Третьего пути) в связи с трудностями социал-демократии, вызванными глобализацией: капитал в условиях второй глобализации, начавшейся в 1990-е гг., стал убежать туда, где выгодно, и налоговая база социал-демократического перераспределения исчезла. Гидденс заявил, что Запад уже 500 лет находится в состоянии современности, и сегодня мы можем считать, что наступила вторая, новая современность. Левые силы должны выработать новую программу, в которой признается эта реальность и строится новая модель социальной политики с учетом глобализации. Современность, определенная *ad hoc* для некоторой цели, получала распространение на ситуацию в целом. Она подправлялась, в том числе и самим Гидденсом, с помощью понятий «поздняя современность» (завершение первой современности) и «поздний капитализм» (адекватное ей состояние капитализма), «рефлексивная современность», идеей о перспективах других типов современности и стадий капитализма, их многообразия.

Конструирование новых типов современности *ad hoc* сказалось и на понятии «рефлексивная современность», впервые предложенном У. Бекком и развитым им совместно с Э. Гидденсом и С. Лэшем. Это понятие выстроено Бекком также «на пути к другому модерну» в книге с аналогичным названием. Речь шла о замене простого онаучивания общества в условиях «второй современности» рефлексивным, самокритичным, реагирующим на риски, общественно опосредованным и включающим не только научную, но и вненаучную рефлексию.

Эти инновации относительно понятия «современность» конкретизировали чуть ранее ясно высказанную Ю. Хабермасом мысль о незавершенности «проекта модерна».

Существенный выход за рамки позиции *ad hoc* в трактовке современности предложил немецкий социолог П. Вагнер. Он утверждает, что в истории современного общества, современности было два кризиса: 1) с конца XIX в. до конца Первой мировой войны; 2) с конца 1960-х гг. Периодизация строится вокруг этих точек. Исследователь выделяет три эпохи развития современности: 1 – либеральная современность – XIX век; 2 – организационная современность – между обозначенными кризисами; 3 – ожидаемая либеральная современность, где предполагается ослабление институционализации и большая связь с человеческой деятельностью⁷.

Мы критически переработали взгляды Вагнера при попытке заменить понятия современности *ad hoc* целостным теоретическим построением.

К методологии исследования

Предлагая новую концепцию трех Великих трансформаций капитализма, рассматривая экономические и политические истоки трех его последовательно сменяющихся фаз, мы решаем задачу макросоциального исследования капитализма в прошлом, настоящем и будущем. Нами предложены сценарные прогнозы будущего. Эта концептуальная работа базируется на тщательном анализе экономической и социальной истории конца XIX – начала XXI в.

Данная тема важна сегодня потому, что при нынешней неразличимости фаз развития капитализма в его дискурсе смешались причудливым образом прежние и новые представления. Для одних он остался формой эксплуатации, хотя сегодня представление о классах ушло на задний план, и главной формой эксплуатации сегодня считается «бразилизация» – игнорирование, которое проявляют верхние, в том числе и властные круги в отношении своего населения, и богатые страны Запада (Севера) в отношении стран Юга. Для других капитализм – это основанная на накоплении капитала и рынке инновационная хозяйственная система. Но капитал сегодня понимается уже не только как накопленный материальный ресурс, но и как концентрация человеческих, культурных, символических и других ресурсов. Причем эта ситуация одними используется для доказательства всемогущества капитализма, другими – для показа вытеснения материальной мощи иными ее видами и в итоге становится аргументом в пользу ослабления капитализма.

Некоторые исследователи все еще оперируют понятиями постмодернизма – пестрота, хаос на долгое время, смесь всяких удавшихся и неудавшихся тенденций. Но на то философия и другие науки существуют, чтобы этот «вызов Дьявола», как говорил про такие тенденции А. Тойнби, не состоялся. Он может возникнуть вследствие пандемий, генетических мутаций, климатических катастроф, терроризма и прочих нежелательных и непредсказуемых процессов, но его невозможно планировать, так как управляемый хаос таких масштабов в чьих-то интересах организовать нельзя. Речь идет о сложных системах, где самое малое возмущение, не говоря уже о большом, может, в отличие от простых систем, вызвать гигантские изменения катастрофического характера. Здесь мы целиком разделяем интенцию Ю. Хабермаса, который пишет: «Именно вызов, брошенный неоструктуралистской критикой разума, создает перспективу, в которой я пытаюсь шаг за шагом реконструировать философский дискурс о модерне. В этом дискурсе модерн – с конца XVIII столетия – был поднят до уровня философской темы»⁸.

Многие привязаны к давним словам Д. Белла о «постиндустриальном обществе», даже забывая, что речь у него шла о Западе. И не видят сегодня выросшего гиганта – индустрии Азии, а в целом – международного разделения труда, при котором Запад осуществляет управленческие функции, создав у себя «общество знания» и «экономику знания». Все это знаменовало собой, по словам Хабермаса, «конец общества труда» на Западе и его развитие в новых странах капитализма в посткоммунистическом мире и в

индустриальных странах Азии. Большинство ученых еще не видят того, что мир уже не догоняет Запад, а включен в глобальный капитализм на его (Запада) предварительных (но не окончательных) условиях.

Еще не исчезли туманности «постмодернизма» в сознании теоретиков, питаемые изрядной долей хаоса преобразований и драматических перемен, фрагментами смыслов и прежней жизни, новыми историческими акторами, но уже выстраиваются строгие линии рациональной борьбы за лидерство, успех и признание. Новые акторы глобализации включаются в дискуссии о правилах мирового порядка. Споры об идентичности стран и о Вестфальской системе национальных государств еще имеют вариации, но одновременно устремлены к выработке четкого вектора, характеризующего их направленность. На месте распадающегося аналитического дискурса прежнего капитализма (с его эвфемизмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они) сегодня выстраивается рациональный дискурс «нового капитализма», охватывающий не только экономику, но и общество в системе новых категориальных сетей. Изучивший большое число новой и пока мало известной западной литературы по проблемам капитализма английский исследователь Т.М. Кепле отмечает: «Подобно тому, как анахроническая риторика постиндустриализма, постмодернизма и даже постколониализма дала толчок к тематике глобализации, консьюмеризма и империи, они (люди, пытающиеся создать некапиталистическую теорию. – *Авт.*) возрождают концептуальный и критический словарь, принимающий во внимание – или дискредитирующий – позднейшие трансформации “нового капитализма”»⁹.

Мы полагаем, что не допустить этой дискредитации можно лишь распутывая «дискурс капитализма» на его повседневную и аналитическую части, уделяя внимание преимущественно последней как в генезисе капитализма и формировании его стадий, так и на сегодняшнем этапе. Мы хотим показать, как меняется капитализм, когда стало очевидным, что «культура имеет значение» (используем здесь название книги с шокирующим в пору неолберализма и неомодернизма заголовком), что общество имеет значение, идентичность народов имеет значение, этика имеет значение, антропологические особенности имеют значение. Наш категориальный аппарат: капитал и его разновидности, включающие его внеэкономические формы; фазы развития капитализма (капитализм либеральный и организованный и «новый», суть которого и переход к которому мы пытаемся определить); социальные стратификации на каждой из фаз; способы и системы целерационального действия (экономика, техника, политика); социальный порядок и экономика; капитализм новых стран и глобальный капитализм, государство и идентичность как факторы развития капитализма; сценарные прогнозы.

Три Великие трансформации и три фазы современности и капитализма, которые мы вводим, это – концептуальные рамки, которые вмещают аналитический аппарат исследования каждого этапа и различают его прежде всего по тому основанию, экономика ли определяет общество или общество определяет ее.

Первая великая трансформация

Все материальные технологии и процессы, происходящие в экономической среде западных капиталистических обществ, со временем по мере

---

⁹ Книга с таким названием опровергла демиургическое и абсолютное значение экономики и показала ее собственную зависимость от общества, культуры, политики, идентичности людей и народов. См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харисона и С. Хантингтона. М., 2002. Продолжением стало утверждение о существовании разных способов включения стран разной культуры в глобализацию. См.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004.

развития капитализма стали оказывать давление на институты общества и вели в конечном счете к их трансформации и принятию адекватных социальных технологий. Индустриализм, роль государства в формировании «модульного» человека Запада (Э. Геллнер), т. е. автономного и ответственного индивида, но вместе с тем произведенного как часть модели для сборки общества, образование западными государствами буржуазных наций, первая глобализация 1885–1914 гг., роль знаний и технологий следовали изначально избранной траектории саморазвития, основанной на рынке. *Первая великая трансформация* началась посредством замены рынков традиционных обществ, подчиняющихся этим обществам и способствующих их воспроизводству, все большим превращением их в свободные рынки, участвующие в изменении самого общества, чему способствовала система суверенных национальных государств, индустриализация, роль государства. Капитализм явился формой поступательного развития, прогресса, создавшего лучшие условия жизни и увеличения населения. Маркс, будучи критиком капитализма, отмечал его цивилизующую миссию. Ренессанс, Реформация и Просвещение подняли Западную Европу за счет, по существу, одного нового ресурса – автономного, рационального индивида, взявшего на себя ответственность за собственную жизнь.

Первая великая трансформация включает генезис капитализма, его вызревание и развитие классической фазы, появление первой глобализации и охватывает в основном период XIX–XX вв. вплоть до Первой мировой войны. Эта трансформация привела к слому традиционного уклада жизни и естественной скорости эволюционного развития. Индустриализация способствовала миграции больших масс населения в города, а переделка культуры коренным образом изменяла жизнь. Рост экономики увеличил в конечном итоге продолжительность жизни и численность проживающих на Земле людей, их комфорт и социальные условия, хотя цена этого была чрезвычайно велика. Поланьи вывел основной закон *социальных трансформаций*, реагирующий на количество сломленных судеб: *необходимость согласования скорости перемен и темпов адаптации населения к переменам.*

В ходе первой глобализации капитализм нанес смертельный удар тем институтам, в которых воплощалось социальное бытие человека. Подчинение труда рынку разрушило прежние органические связи. И когда либерализм и первая глобализация пали под ударом таких системных оппозиций, как национализм, коммунизм, фашизм, некоторые ученые посчитали, что либерализм сам подготовил причины своего крушения.

В основе модернизации, осуществляемой при Первой великой трансформации, лежала смена форм ментальности. Движение от ценностно-рационального к целерациональному отношению к миру (согласно М. Веберу) составляло предпосылку и содержание модернизации. Ценностная рациональность – имманентное свойство традиционного общества, предполагающее приоритет ценности над целью. Господство традиции и религиозно-мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное общество организовано как целое. Ценностная рациональность – это рациональность целого, когда индивид ориентируется на общие ценности, не выделяя себя четко из целого. Его рациональная собственная позиция состоит в том, чтобы следовать рациональности общества, обеспечивающей его выживание, функционирование, существование и в определенной мере – развитие. В современном, т. е. модернизированном или модернизирующемся, обществе рациональность представляет собой способность достигать поставленной цели. Это общество эффективно в реализации целей, формирует приоритет индивидуальных целей и делает цель – достижение интересов, а не следование ценностям – своей главной предпосылкой и основным содержанием. В таком об-

естве разрабатываются все технические, практические, экономические содержания, и его гигантские культурные достижения являются технической переработкой смысловых содержаний предшествующих эпох.

Важная роль науки в капиталистическом обществе формирует установку на утилизацию знания. Капитализм XIX в. трансформировал общества в экономические. Свободные рынки труда, ресурсов и капитала означали, что важнейшие жизненные субстанции – люди, живущие в обществе, окружающий человека природный мир и созданный его руками мир второй природы – были вовлечены в процессы обмена и производства и представляли только ресурсами промышленно-производственных трансформаций. Поланьи обратил внимание на то, что имеются два принципиально отличных понимания экономического. Одно из них формальное: экономическая наука – наука об эффективности. Формальное определение экономики акцентирует внимание на отношении между целями и средствами их достижения, которыми характеризуется эффективность. Другое – субстанциональное – утверждает наличие физической среды, дающей человеку средства к существованию. Эти два определения не обязательно существуют совместно. Человек может получать все необходимое, но не слишком заботиться о максимальной эффективности. В либерализме оба эти определения слились. «В слиянии двух значений в единую концепцию, конечно же, нет ничего особенного, пока мы отдаем себе отчет в ограниченности построенной таким образом концепции. Однако, как только мы начинаем думать, что единая концепция “ограниченности материальных ресурсов и их экономии” верна для всех условий, то сразу становится намного труднее ниспровергнуть... заблуждение», которое «заключается в тенденции отождествлять экономическую деятельность человека с ее рыночной формой»¹⁰. Однако либерализм производит это отождествление и санкционирует понятие «экономический человек», которым вытесняется «модульный человек».

Экономическая деятельность является первой системой целерациональной деятельности, т. е. такой, которая ориентирована на достижение целей при рациональном, разумном и законном выборе средств. В соответствии с формальным определением экономики, сросшимся с субстанциональным или даже доминирующим над ним, можно заключить, что экономика образует систему целерационального действия. *Ориентация на эффективность явилась основным механизмом рационализации общества в целом.* Это была «рациональность снизу», идущая от целей рядовых акторов экономических отношений, трансформирующая все формы жизни и общественное сознание.

Либеральный капитализм XIX – начала XX в. сложился в своей классической форме, но не оставался неизменным: его эволюция заложена была уже в том, что он достиг определенной, по-своему завершенной фазы. Генезис капитализма, XIX в. (индустриальная революция, образование буржуазных наций и первой глобализации 1885–1914 гг.), переход к которым является *Первой великой трансформацией, формирует Первую современность*, которую можно назвать *Первой либеральной современностью*.

Изменения либерального капитализма и Первой либеральной современности сочетают эволюционное развитие и прохождение точек бифуркации, ломающих его траекторию. Теоретически различить эти два процесса – эволюции и радикальных сдвигов – очень трудно. Это похоже на описанное известным социологом З. Бауманом упражнение, которое давалось студентам-социологам. На экране фигура кота преобразовывалась постепенно в фигуру пса. Невозможно было ответить на вопрос, когда кот превращается в пса, однако это превращение происходило.

Вторая великая трансформация

1914–1990 гг. – время между глобализациями. Переход к данному этапу мы называем *Второй великой трансформацией, а вторую, построенную*

на этом пути современность – организованной современностью, завершающейся с начала 1970-х гг. резкой дезорганизацией. Здесь выделяется вторая целерациональная система общества – техника, обеспечивающая доминирование техноструктур и организационного принципа, сменяющаяся дезорганизацией в конце этапа.

История, как говорит Поланьи, оказалась под грузом перемен. В 1947 г. он писал: «Историку не составляет труда безошибочно определить станцию, на которую мы прибыли. Путешествие называется “индустриальная цивилизация”. Первая стадия нашего путешествия уже позади, и мы находимся на второй... Первая стадия этого периода имела много названий, таких как “либеральный капитализм” или “рыночная экономика”; название следующей стадии мы еще не можем точно определить»¹¹. «Станция», на которую «прибыли» в 1947 г., на самом деле известна и начала строиться после окончания Первой мировой войны. Ее название – *организованная современность, организованный капитализм* – место, где требование экономического роста предшествующего этапа начало сменяться социал-демократическими представлениями о справедливости распределения. В 1950-е гг. Запад перешел к обществу потребления, и старая проблема экономического роста соединилась с проблемой экономической справедливости.

Основы организованной современности черпались не из рынка, а из техники. Прежде казалось, что нет необходимости определять, что такое техника. Она рассматривалась как продолжение человеческих сил и способностей. Но «новое индустриальное общество» нуждается в более детальном определении техники, все более вторгающейся в человеческую жизнь. Вторгается она и тем, что, будучи второй целерациональной системой капитализма, внедряет в общество новые принципы рациональности, среди которых организованность занимает центральное место в отличие от самоорганизации либерального капитализма. Эта способность техники присуща ей уже потому, что технические решения разделяют любую задачу на составные части, и техника, таким образом, осуществляет не только функции производительных сил, но закладывает сам принцип организации производства и общества путем разделения существующих задач. Это своего рода формализация, которая представляет собой редукцию сложного явления к ряду простых черт, позволяющих сделать это явление готовым к управлению, к подчинению некоторым действиям, коммуникациям, работе с людьми определенной квалификации, интенций¹².

Дж. Гэлбрейт еще в 1970-е гг. предлагал наряду с рыночными структурами выделять плановый сектор экономики. В «Теории индустриального общества» он говорит об управлении со стороны «техноструктур» – групп специалистов, принимающих решения в крупных корпорациях и сотрудничающих с властью¹³.

В крупной корпорации осуществляется процесс принятия групповых решений. Здесь существуют, как и в технике, те же принципы разделения проблемы на части, которые обсуждаются разными группами специалистов, т. е. в самой социальной организации техноструктуры поддерживается принцип техники, что и позволяет ее назвать техноструктурой. Со второй половины XX в. не рынок, а хозяйственные организации доминируют в экономике. Бюрократия, которая предшествовала техноструктурам и сопутствовала им, оказалась также фактором, сформировавшим организованную современность.

В этот период развивается потребительское общество на Западе как перенос производителя в сферу потребления, обеспечивающего развитие производства. Растет массовое общество, устраняющее как модульное, так и экономического человека и заменяющее их человеком потребляющим.

Что же позволило Гэлбрейту использовать термин «новое индустриальное общество», что нового произошло во второй половине XX в. с производством и обществом, которые были индустриальными с XIX в.? Как мы видели, исчез либерализм в экономике. Очевидны и другие перемены: деятельность корпораций, прежде связанная с масштабными производствами, теперь осуществлялась в производствах любого типа; экономические циклы потеряли разрушительную силу на спаде; разросся аппарат внушения и убеждения; ослабла деятельность профсоюзов; выросло значение науки и число лиц, получающих высшее образование; усложнились технологии и оборудование; во многих случаях осуществлялось государственное и корпоративное планирование; началась эпоха техноструктур. На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения, т. е. техноструктуре. Гэлбрейт говорит, что в эпоху либерального капитализма было точно известно, к чему стремится «экономический человек». Поскольку мы считаем его идеальным типом или абстракцией, которую нельзя онтологизировать, скажем, лучше «модульный человек». (Хотя до сих пор авторы обычно различали «модульного» и «экономического» человека, но здесь мы не будем чрезмерно детализировать эти нюансы.) К чему стремится техноструктура, является вопросом. Остатки либерализма удаляются из техноструктуры, к тому же пути к исследованию ее целей в большинстве случаев остаются закрытыми, в отличие от прежде понятной роли максимизации прибыли, характерной для либеральной современности. Цели организации не сводятся к экономическим мотивам. Организация предстает как система сознательно согласованных действий или сил нескольких лиц¹⁴. *Отсюда организованный капитализм и вторая организованная современность могут быть определены нами как капитализм и общество, в котором согласованы цели разных групп трудящихся и разных социальных слоев.* Например, социал-демократия Запада представляет собой такую организацию, которая согласует позиции социальных слоев общества и создает тем самым признаки организованного капитализма. В этом отношении техника приобретает более широкое значение, чем орудия производства, становясь системой согласованных действий также и в социальной сфере. Упомянутый ранее Вагнер называет организованной современностью как раз пришедшую на смену либерализму «организацию современности (modernity) как широкомасштабную конвенциализацию» и как «строительство технико-организационных систем»¹⁵.

Однако организованная современность взрывается кризисом 1970-х гг. и резкой дезорганизацией. Вагнер отмечает: «...кризисы существуют, когда не выполняются репродуктивные нужды системы... (не работают. – *Авт.*) институты как стабильные сети социальных конвенций, и мы можем смотреть на образование таких институтов как на процесс конвенционализации, и кризис будет отмечен тенденцией к реконвенциализации, за которой следует следующая сеть конвенций... Кризисы тогда могут быть объяснены как периоды изменения индивидами и группами своих социальных практик...»¹⁶

Кризис 1970-х гг. вызывал процессы, которые нельзя объяснить в рамках старых концептуальных средств. А это значит, что он был действительно кризисом. Это – вызов Азии, подъем Японии и других азиатских «тигров», студенческие бунты конца 1960-х гг., направленные на дезорганизацию организованной современности. И постмодернистские умонастроения, и объяснения, не создающие новой конвенции.

Третья великая трансформация

Доклассический капитализм показал, что традиция имеет значение, и рынки – это всего лишь новый экономический механизм. Классический либеральный капитализм показал, что рынки и экономика имеют преобладающее значение и подчиняют себе общество. Неклассический организованный капитализм XX в. попытался высвободить общество, поставить его

над или рядом с рынками и экономикой. Трансформация к постнеклассическому капитализму направлена на высвобождение общества вместе с движением на значимые места политики, этики и культуры.

Это позволило нам выделить новые изменения, называемые нами Третьей великой трансформацией. В отличие от Первой великой трансформации, сформировавшей капитализм и доведшей его до либеральной классической фазы, и от Второй великой трансформации, оборвавшей либеральный капитализм в пользу организованного, Третья великая трансформация – 1990-е гг. – начало XXI в. и ее последующее, как нам кажется, очень длительное продолжение первоначально проявилось как неомодернизм, догоняющая модернизация незападных стран, пытавшихся реализовать идеал либерального капитализма XIX в., но быстро – за два десятилетия – свернула в сторону, более близкую ко Второй великой трансформации – антилиберальной фазе, обещающей новые повороты и бифуркации как в развитии капитализма и общества, так и в протекании и понимании прогресса.

Ренессанс либерализма как начало Третьей великой трансформации характеризовал и западные страны в отмеченный период. Сходство с капитализмом XIX в. определила новая – вторая глобализация, которая явилась победой либерализма в глобальном масштабе, победой капитала над национальными интересами отдельных стран. Этот капитализм не вписывался в представления современности классической теории модернизации.

Насущная задача анализа Третьей великой трансформации капитализма совпадает с объективно начавшимися изменениями – убыванием значимости либеральной идеологии как в США, так и в странах посткоммунистического блока, появлением новых капиталистических стран в Азии, ослаблением тенденций второй глобализации. Эти тенденции мы обозначаем как начало Третьей великой трансформации, которая вновь решает прежде нерешенные и вновь возникшие вопросы. Мы говорим не об одной лишь «невидимой руке» рынка, но и о «невидимой руке» общества, морали, культуры, которые обуславливают не столько рыночные, сколько иные виды саморегуляции, возвращая и социализируя человека не только в ближайших средах семьи, родства, соседства, его профессионального коллектива, но и в обществе в целом, которое не может быть подменено экономикой или сведено к ней. Третья великая трансформация только проявляется своими первыми признаками, но уже есть основания для предположений о ее возможном ходе, инновации в понимании прогресса и модернизации, большего внимания к ценностям и опасений, что отсутствие решения ряда проблем – экологической, этической, нехватка справедливости – угрожает человечеству. Эволюционные и революционные изменения капитализма, как и прежде, связаны с человеческим выбором, с сознательным осмыслением прошлого, настоящего и будущего.

Конец 1990-х гг. – настоящее время – начало Третьей великой трансформации. Вначале она во многом повторяла неолиберальный этап в развитии капитализма. Однако вскоре все быстро изменилось, проявились такие присущие ей черты, как становление капитализмов в рамках национальных государств разного типа; появление автохтонных капитализмов в посткоммунистическом мире и ряде стран Азии, где под автохтонными тенденциями (термин предложен нами) мы понимаем местные с любого рода специфичностью – территориальной, национальной, культурной; развитие хозяйственных демократий при авторитарном или коммунистическом правлении (Китай, Вьетнам). *Все это позволило нам утверждать, что Третья трансформация глобального капитализма привела к новому типу современности, который мы называем Третьей современностью.*

«Станция», на которую мы «прибыли» сегодня, имеет много названий. Среди них – «индустриализм азиатских и латиноамериканских обществ»,

«постиндустриальное общество Запада», «информационное общество», «вторая глобализация» – конец 1990-х гг. – настоящее время. Все вместе сохраняет статус «техногенной цивилизации» (термин В.С. Стёпина), которая вышла за пределы только индустриального производства.

Современная нам эпоха характеризуется вторым дыханием системы национальных государств, традиционно именуемой «Вестфальской» (по Вестфальскому миру 1648 г., когда она была сформулирована). На этом этапе происходит выделение целерациональной системы политики как основы развития незападных автохтонных капитализмов.

Основываясь на анализе развития глобального капитализма, в рамках тех концептуальных средств, которые разработаны нами, мы можем предложить макросценарии развития незападных автохтонных (местных) капитализмов. На макроуровне их два:

1) Удержание странами незападного капитализма, индустриализма и хозяйственных демократий рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной или политической специфичности. Макросценарий основан на обеспечении политической и цивилизационно-культурной защиты общества от господства западной экономической машины, которую стремятся применить как автомобиль «Мерседес». Например, сегодня Китай пытается удержать вторжение рынка в общество политически и цивилизационно-культурно. Пока это удается в достаточной мере, хотя 25 % населения в городах изменили свой образ жизни.

В плане перспектив отношений капитализма и социализма выдвигаются различные предположения на основе сценарного прогноза, в том числе и возможность ослабления значения этих понятий, если реализуется макросценарий удержания рыночного механизма в рамках имеющейся социально-культурной специфичности. Но в этом случае ситуация может повернуть не к выбору между социализмом и капитализмом, а к традиционно-рыночной экономике, похожей на ту, какая была в Китае в XVIII в. (и что отмечалось А. Смитом), с разницей в ее технико-организационной стадии и высоте технических средств.

Но поскольку на Западе в Первую великую трансформацию была такая же позиция автономии рынков, самостоятельности обществ, но не удалось сдержать господства экономики над обществом, возможен второй макросценарий.

2) Новое Новое время для незападных стран. Незападные капитализмы начнут эволюционировать в сторону подчинения общества экономике. Этот макросценарий распадается на три возможных микросценария:

а) эволюция многообразных национальных незападных капитализмов или хозяйственных демократий по типу той, которую претерпел Запад, начиная с Нового времени. Их ждет индустриализация, становление буржуазных наций, формирование «модульного человека», превращение Запада в один из многих вариантов воплощения капитализма Третьей современности;

б) микросценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели развития для всего азиатского региона либо имеющий мировое значение. Подъем и сходство моделей развития стран БРИК (Бразилии, России, Индии и Китая), присоединение к их пути Индонезии и других незападных стран;

в) микросценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом. Использование труда и людских ресурсов Азии при ориентации на политические системы и технику Запада, устранение отчуждения на Западе посредством развития концепции человеческого капитала, заметный экономический рост в странах незападного капитализма.

В создании этих сценариев большую помощь оказало обращение к идеям А. Смита, которые сегодня становятся снова методологически востребо-

ванными. Смиа все цитируют, но мало кто читал. Сегодня его начинают читать заново.

Итак, мы выделили три Великие трансформации и три типа современности: становление капитализма XIX в. (индустриальная революция, образование буржуазных наций и первой глобализации 1885–1914 гг.), переход к которым является Первой великой трансформацией и формирует Первую либеральную современность.

1914–1990 гг. – между глобализациями, переход к данному этапу мы называем Второй великой трансформацией, а Вторую, построенную на этом пути современность – организованной современностью, завершившейся в 1970-х гг. резкой дезорганизацией.

1990 г. – настоящее время – Третья великая трансформация с ее начальным неолиберальным этапом и последующим развитием капитализма, индустриализма и хозяйственных демократий как национальных государств разного типа, образование Третьей современности как второго дыхания Вестфальской системы национальных государств и различных сценариев развития капитализмов и обществ в них.

В каждом типе современности выделяется отрезок кризиса, переводящий его в другую стадию. Так, Первая либеральная современность излишне «перебирает» в подчинении общества экономике, но за это ей приходится платить переходом к организованной современности. Организованная современность лишает общество способностей к самоорганизации, подчиняет экономику социальной сфере, но за это она получает дезорганизационный взрыв 1970-х гг. Ответом на этот взрыв явилась начальная фаза Третьей современности, где вместо дезорганизации свобода оказалась представлена неолиберализмом, столь радикальным, столь отрывающим экономику от общества, что возобладали новые тенденции Третьей современности – различные типы национальных государств, капитализмов и хозяйственных демократий с разными перспективами развития, в которых общество, культура, этика начинают иметь значение.

Многие, особенно А.И. Неклесса, констатируют сохранение, но уменьшение роли государства; рост значимости транснациональных корпораций (ТНК) и других самоорганизованных субъектов; переход к постмодернистской эклектике; непригодность старых методологий. Мы констатируем в некоторой мере противоположное – сворачивание глобализации, рост влияния государств и национальных интересов, неустранимость в ТНК и пестроте социальных инноваций и группирований национально-государственного видения или его следов. Мы также утверждаем необходимость смены методологий, но понимаем эту смену иначе – нужно перейти от констатации эклектического состояния и иронии невнятного постмодерна к внятной нововому Третьему модерну как самого Запада, так и незападных стран.

¹ См.: Wagner P. Modernity, Capitalism and Critique // Thesis Eleven. 2001:66:1. <http://the.sagepub.com>. P. 3–4.

² См.: Федотова В.Т. Хорошее общество. М., 2005. С. 227–327; Федотова В.Г., Федотова И.И. Вторая великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени. Послесловие к монографии: Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007; Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журн. социологии и соц. антропологии. 2006. № 3.

³ См.: Jameson F. A Singular Modernity. Essay on the Ontology of the Present. London; New York, 2002. P. 15–96.

⁴ См.: Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 12. № 2.

⁵ Макайвер П.М. Предисловие редакторов издания // Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 6.

⁶ Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М., 2006. С. 33.

⁷ См.: Wagner P. Sociology of Modernity: Liberty and Discipline. London, 1994.

⁸ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 5.

⁹ Kerpel T. M. Spirit of Late Capitalism // Theory, Culture and Society. London; Los Angeles; New Delhi; Singapore, 2007. Vol. 24 (3). P. 147.

¹⁰ Поланьі К. Два значення термина «эканамічэскі» // Неформальная эканаміка. Россия и мир / Ред. Т. Шанин. М., 1999. С. 500.

¹¹ Поланьі К. О вере в эканамічэскі детэрмінізм // «Великая трансфармацыя» Карла Поланьі. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2006. С. 29.

¹² Wagner P. Sociology of Modernity. P. 26.

¹³ См.: Гэлбрейт Дж. Новое індустрыяльнае грамадства. М., 2004; Он же. Эканамічэскія тэорыі і цэлі грамадства. М., 1979.

¹⁴ См.: Гэлбрейт Дж. Новое індустрыяльнае грамадства. С. 199.

¹⁵ Wagner P. Sociology of Modernity. P. 69–81.

¹⁶ Ibid. P. 30.

Поступила в редакцию 23.07.08.

М.І. МУШЫНСКІ,

ЧЛЕН-КАРЭСПАНДЭНТ НАН БЕЛАРУСІ, ДОКТАР ФІЛАЛАГІЧНЫХ НАВУК, ПРАФЕСАР (МІНСК)

ПАЭМА ЯКУБА КОЛАСА «НОВАЯ ЗЯМЛЯ»: ГІСТОРЫЯ ПЕРАКЛАДУ НА РУСКУЮ МОВУ

Рассматривается история перевода классической поэмы народного поэта Беларуси Я. Коласа «Новая земля» на русский язык, устанавливаются объективные и субъективные причины, обусловившие серьезные недостатки переводного текста. Дано обоснование необходимости нового, более качественного перевода, адекватного оригиналу.

Considered is the history of a Russian translation of the classical poem «New Land» written by a national poet J. Kolas; the objective and subjective reasons which determined some grave shortcomings of the translated text are established. A necessity to have a new, more qualitative translation which should be adequate to the original is given grounds for.

Адной з дзейсных форм узаемаўзбагачэння нацыянальных літаратур з’яўляецца мастацкі пераклад, які дапамагае лепшыя мастацкія творы таго ці іншага народа зрабіць агульным здабыткам. Натуральна, перакладацца павінны лепшыя творы, якія годна прадстаўляюць нацыю, яе духоўнае аблічча. Што датычыць беларускай літаратуры, дык адным з такіх твораў з’яўляецца паэма Якуба Коласа «Новая зямля» (1911–1923) – сапраўдны шэдэўр нацыянальнага ліра-эпасу, эпохальная з’ява ў гісторыі не толькі айчыннага мастацтва слова, але і ўсёй культуры.

А ў апошні час даследчыкі творчасці Якуба Коласа ахвотна цытуюць у сваіх працах радкі з ліста паэта ад 5 ліпеня 1948 г. да галоўнага рэдактара выдавецтва «Советский писатель» П.І. Чагіна: «Считаю, что славянскими народами будет с интересом прочитана эта поэма. Она – основная поэма во всем моем поэтическом творчестве»¹. Прыведзеная аўтахарактарыстыка блізкая і зразумелая прыхільнікам таленту народнага песняра. Але добра вядома, што спадзяванні аўтара часта здзяйснююцца не адразу. Вось і ў дадзеным выпадку «Новая зямля» на рускай мове ўпершыню пабачыла свет у 1934 г., ды толькі гэта быў скарачаны варыянт, а поўнага выдання давалося чакаць яшчэ цэлых пятнаццаць гадоў. Тэрмін, што і казаць, не малы. На польскую мову паэму пераклаў Чэслаў Сэнюх у 1991–2001 гг., на ўкраінскую – Валерый Стралко ў 2003–2005 гг. з наступнымі публікацыямі твора ў перыядычным друку і асобнымі выданнямі.

Як бачым, шлях выдатнага твора беларускага паэта да блізкіх суседзяў з славянскага свету быў даволі працяглы, а гісторыя ажыццяўлення перакладу – складаная, драматычная. Што датычыць гісторыі самага першага, рускамоўнага, варыянта «Новай зямлі», тут можна вылучыць наступныя этапы: першы, які прыпадае на 1933–1936 гг., другі – на 1945–1949 гг., трэці звязаны з падрыхтоўкай і выданнем у Маскве Збору твораў Якуба Коласа на рускай мове ў 4 т. (1951–1952), куды ўваходзіла і паэма. Кожны этап вызначаецца сваёй адметнасцю і патрабуе грунтоўнага вывучэння.

«Мне хочацца бачыць пераклад “Новай зямлі” па магчымасці ў лепшым выглядзе...» – гэтыя словы належаць непасрэдна Якубу Коласу і ўзяты з яго ліста ад 2 красавіка 1948 г., адрасаванага перакладчыку Сяргею Гарадзецкаму². Трэба адразу сказаць, што сур’ёзныя намаганні Коласа пазнаёміць рускамоўнага чытача з паэмай яскрава сведчаць пра складанасць працэсу развіцця беларуска-рускіх і руска-беларускіх літаратурных сувязей у 1920–1930-х гг. і паэмы, у тым ліку і ў галіне мастацкага перакладу. Не выпадкова пісьменнікі з нацыянальных рэспублік вымушаны былі браць на сябе ініцыятыву ў справе арганізацыі перакладу ўласных твораў – шукаць перакладчыкаў, тлумачыць незразумелыя назвы, асаблівасці побыту, звычаяў, характэрных для таго ці іншага народа. Пераклад «Новай зямлі» якраз і можа служыць наглядным пацвярджэннем справядлівасці сказанага. Так, у лістах Коласа, адрасаваных Гарадзецкаму, які ў 1933 г. згадзіўся перакласці на рускую мову «Новую зямлю», якраз тлумачацца незразумелыя словы нахштальт «судзіна», «паўасміна» і г. д. «Я с удовольствием буду консультировать Вас в этом смысле и в дальнейшем, если только будут у Вас затруднения»³. А цяжкасцяў перад Гарадзецкім, які не меў вопыту перакладу вялікіх жанравых форм, узнікала нямала. І ўзровень яго ведаў беларускай мовы, як мы далей пераканаемся, пакідаў жадаць лепшага.

Якуб Колас востра ўспрыняў адсутнасць магчымасці выдаць поўны пераклад паэмы: «Конечно приходится сожалеть, что Вы как переводчик, а я как автор поставлены перед фактом урезок и кастрации»⁴. Вымушаны змірыцца з непазбежным скарачэннем, паэт, каб кампенсаваць страты, прасіў «дорогого Сергея Митрофановича» «снабдить перевод вступительной статьей», дзе тлумачылася б, чым выкліканы «урезки» і «чтоб... читателю видно было лицо поэмы в ее целом»⁵, бо паасобныя раздзелы, натуральна, не маглі даць поўнага ўяўлення пра ідэйна-мастацкую канцэпцыю твора.

Наўрад ці адважыцца хто з чытачоў кінучь маўклівы дакор Якубу Коласу за тое, што ён хацеў, каб «Новая зямля» ў перакладзе на рускую мову выйшла ў свет якраз напярэдадні першага Усесаюзнага пісьменніцкага з’езда (17 жніўня – 1 верасня 1934 г.). Зразумела, не прага асабістай славы кіравала тут Коласам! Народны паэт Беларусі ведаў цану свайму твору. І таму натуральным было яго імкненне пазнаёміць пісьменніцкую супольнасць, у тым ліку і ў асобе 582 дэлегатаў ад болей чым сарака літаратур народаў СССР, з гэтым творам. Нездарма ж на Беларусі «Новая зямля» адразу па выхадзе ў свет была пастаўлена побач з агульнапрызнанымі шэдэўрамі сусветнай класікі – з «Яўгенам Анегіным» А. Пушкіна і «Панам Тадэвушам» А. Міцкевіча. Паэма беларускага класіка ўносіла ў славянскі ліра-эпас свае адметныя фарбы.

Са здзіўляючай глыбінёй, у лепшых традыцыях гуманістычнага мастацтва, у яскравых мастацкіх вобразах малявала яна жыццё народа, духоўна багатага селяніна-працаўніка, які прагне волі, свабоды, хоча быць гаспадаром сваёй зямлі, настойліва шукае дарогу да шчаслівага жыцця. Калі ацэньваць паэму па вялікім рахунку, дык яна цалкам сугучная тым ідэйна-эстэтычным заповітам, якія павінны былі ўспрыняць і прадоўжыць нацыянальныя літаратуры на новым этапе свайго гістарычнага развіцця. Вось гэты момант, на наш погляд, недастаткова ўсведамлялі даследчыкі, што ў сваю чаргу ў спрошчаным, аднабаковым выглядзе падае спробы паэта прыспешыць з’яўленне рускамоўнага варыянта «Новай зямлі»: складваецца ўражанне, што тут дамінавалі вузкаасабістыя інтарэсы аўтара. У сапраўднасці ж пераклад мастацкай энцыклапедыі народнага жыцця на рускую мову павінен быў узбагаціць ідэйна-эстэтычны, гуманістычны патэнцыял усёй тагачаснай савецкай літаратуры, падтрымаць і ўзмацніць у кожнай нацыянальнай літаратуры ідэю *народазберажэння, народазахавання, ідэю абароны і падтрымкі працоўнага сялянства*, якое ва ўмовах

масавай, прымуовай калектывізацыі ў 1930-я гг. было пастаўлена перад пагрозай вынішчэння. Ігнаруючы закранутыя тут аспекты, мы не здолеем да канца зразумець ні глыбінных прычын з'яўлення скарачанага варыянта «Новай зямлі», ні сэнс канфлікту паміж Гарадзецкім і Коласам. Але пра гэта размова пойдзе ніжэй.

Няпоўны варыянт перакладу паэмы выйшаў з друку ў другой палове 1934 г. і, вядома, не мог прынесці Якубу Коласу вялікага задавальнення. У верасні таго ж году паэт звяртаецца з просьбай да Гарадзецкага «справіцца в ГИХЛе, что слышно о “Новой земле”, о ее включении в план на 1934 г. для полного перевода»⁶. Але, як цяпер відавочна, выдавецкае начальства не збіралося аператыўна рыхтаваць «полный перевод», а тым больш у верасні ўносіць карэктывы ў план, зацверджаны на пачатку года. Праўда, на пачатку 1936 г. Колас звяртаецца да загадчыка рэдакцыі творчасці народаў СССР Я. Мазалькова з прапановай перакласці «Новую зямлю». Але ініцыятыва паэта не знайшла належнага водгуку, не мела практычнага ажыццяўлення. Ажно праз чатыры месяцы пасля звароту Мазалькоў паведамляў Коласу аб намерах рэдакцыі ўключыць у план выдання 1937 г. вялікі зборнік твораў беларускага паэта, куды маглі б увайсці і ўрыўкі з «Новай зямлі» і «Сымона-музыкі». На яго думку, выдаваць (размова ішла тут пра «Сымона-музыку») «полностью отдельной книгой в настоящее время мы не считаем целесообразным. В идейном отношении поэма не может быть признана полноценной. Как тематически, так и по своему идейному содержанию она является характерной для дооктябрьского периода Вашего творчества (хотя эта поэма и была Вами заново переработана в 1924–1925 гг.). Об этом свидетельствуют элементы “правдоискательства”, черты народнического сентиментализма, имеющиеся в поэме»⁷. Хаця вынесены адказным выдавецкім работнікам суровы прысуд, здавалася б, датычыў толькі паэмы пра музыку, але фактычна гэта была і ацэнка «Новай зямлі», у якой хапала народніцкага сентыменталізму, а таксама нібыта мела месца паэтызацыя хутарскай гаспадаркі, услаўленне прыватнаўласніцкіх ідэалаў беларускага селяніна. Хто ж адважыцца прызнаць такі твор паўнацэнным «в идейном отношении»? Якуб Колас усё добра зразумеў і на працягу другой паловы 1930-х – першай паловы 1940-х гг. пытаўся пра поўны пераклад «Новай зямлі» ўжо не ўздымаў.

Такім чынам, у сярэдзіне 1930-х гг. першы этап яго клопатаў пра поўны пераклад фактычна закончыўся.

Другі этап спроб пісьменніка давесці да канца раней задуманае ахоплівае 1945–1949 гг. І тут Коласа падсцерагалі новыя цяжкасці, непрадбачаныя перашкоды. У тугое вязьмо спляліся як суб'ектыўныя, так і аб'ектыўныя фактары, якія не давалі магчымасці без затрымкі і на высокім прафесійным узроўні выдаць рускамоўны варыянт «Новай зямлі». Суб'ектыўныя фактары звязаны з асобай Гарадзецкага, індывідуальнымі рысамі характару паэта, які ўжо перажыў пік творчай дзейнасці. Гарадзецкаму пры ўсіх яго заслугах усё ж не ставала самапатрабавальнасці, крытычнага да сябе стаўлення: самалюбства часта брала верх над неабходнасцю ісці на разумны кампраміс. Як перакладчык ён схільны быў уносіць у вобразны лад твора элементы, чужыя эстэтыцы аўтара гэтага твора. Нельга не сказаць і пра тое, што Гарадзецкі злоўжываў цяжкімі велікадушнага Коласа, не ўмеў даражыць дружбаю.

На завяршальным этапе ўзніклі цяжкасці з захаваннем моўна-стылёвага адзінства паэмы, паколькі да перакладу, апроч С. Гарадзецкага, далучыліся і М. Ісакоўскі, Я. Мазалькоў, П. Сямынін, П. Радзімаў. Кожны з іх як пісьменнік, натуральна, прытрымліваўся сваіх эстэтычных прынцыпаў і арыента-

---

⁶ Больш падрабязна пра гэта гл.: Мушы́нскі М. Якуб Колас і яго акружэнне // Бел. думка. 2006. № 11. С. 116–117.

цый. Да паслуг групы перакладчыкаў Колас вымушаны быў звярнуцца ў выніку неспрыяльнага збегу жыццёвых абставін. Маюцца на ўвазе яго спадзяванні на тое, што Ісакоўскі «возьмет на себя труд по переводу непереведенной части поэмы»⁸, але, на жаль, Ісакоўскі не змог гэтага зрабіць. Прычыны актыўнасці Коласа тлумачацца яшчэ і тым, што Беларускае дзяржаўнае выдавецтва ўключыла пераклад паэмы ў план выдання на 1946 г. І 28 верасня 1945 г. паэт збіраўся нанесці візіт да сакратара ЦК КП(б)Б па ідэалогіі Ц.С. Гарбунова з мэтай атрымаць дазвол на выданне «Новай зямлі». «Думаю, что он возражать не будет, – гаворыць Колас у лісце да Гарадзецкага. – Тогда надо заключать договор. Дело лишь в том, что без вас (маскоўскіх перакладчыкаў. – М. М.) это сделать трудно, но как-нибудь не обидим вас. В начале октября буду в Москве»⁹.

Трэба адзначыць, што ні кіраўніцтва СП Беларусі, ні ўплывовыя асобы, якія публічна абвяшчалі сваю любоў да народнага песняра, рэальнай дапамогі Коласу, якому ўжо споўнілася больш за 60 гадоў, не спыталіся аказаць. Паэт меў маральнае права спадзявацца на тое, што, напрыклад, адпаведныя службы пісьменніцкага саюза вызваліць яго ад неабходнасці на працягу многіх гадоў(!) весці перапіску з перакладчыкамі, вырашаць арганізацыйныя, фінансавыя пытанні, а па сутнасці – прыніжацца перад тымі, ад каго залежаў лёс рускамоўнага варыянта «Новай зямлі». Паўтараю: на працягу многіх гадоў, бо запланаваны на 1946 г. пераклад паэмы пабачыў свет толькі ў 1949 г. Пабачыў, але якім дарагім коштам, якімі незваротнымі стратамі душэўных сіл! «Я как-то моральна устал и утратил, что называется, смак к жизни. Сейчас понемногу работаю над сказками. Часто приходится присутствовать на разных собраниях, комиссиях. Приходится много времени тратить на чтение пьес, присланных на конкурс. А их набралось более полусотни. Творческая моя работа зачахла и захирела, и это меня сильно огорчает»¹⁰ Вядучы ж матыў ягоных пасланняў – лёс перакладу паэмы. «Как живешь ты, мой добрый друг? Как подвигается работа по переводу “Новой земли”?»¹¹ – гэта з ліста да Гарадзецкага ад 24 лютага 1946 г. «Как движется перевод “Новой земли”?» – гэта пытанне ўжо да Мазалькова, зададзенае 4 мая 1946 г. У ліпені зноў да таго ж адрасата: «Как обстоит дело с переводом “Новой земли”? Как принят Ваш перевод?»¹² А 17 ліпеня Колас накіроўвае Сямыніну разгорнутае «толкование некоторых слов и выражений, которые не вполне понятны»¹³. У іх ліку: «Чорт кожны вяжыцца слатою»; «шэй-на катрынка»; «направа сцежачка сляпая», «вядзе балотцам на ачосы»; «ідзе свяржэнскімі маргамі»; «памдзей – аб'ездчык і мыслівы, на пачастункі памаўзлівы»; «і сэнс духоўнай карталюшкі паправіць ліпкаю мянушкай»; «тэж, проша пана»; «закладаліся на кварталы»; «ты маеш, значыцца, хаўрусы»; «і ў бег пускаецца старэчы»; «бадай ён быў курам прысніўся»; «мондры», «зухаваты», «сядзіць надзьмуты, звераваты»; «ягамосцю», «камора»¹⁴.

Гэта «толкование» тэксту толькі аднаго раздзела («Сесія»). На падставе прыведзеных тлумачэнняў можна ўявіць, якую вялікую працу па ўдасканальванні перакладу паэмы правёў Колас і якой каларытнай, метафарычна-вобразнай была яго мова, як шчодро выкарыстоўваў ён лексічнае, стылістычнае, выяўленчае багацце народных гаворак. Сямынін з удзячнасцю прымаў дапамогу, і ў далейшым паміж імі склаліся шчырыя сяброўскія адносіны. А вось з Гарадзецкім адносіны пагаршаліся, што бачна з ліста Коласа ад 29 ліпеня таго ж года да Мазалькова: «Прислал мне письмо Сергей Митрофанович, да такое нервное, злое. И все из-за денег. Просил 6000. Издательство послало ему. Он их раздал переводчикам и теперь мечет громы и молнии, почему не послали ему. Но об этом он ничего не писал мне. Ходил в субботу в издательство. Обещали послать лично ему 10000 сегодня, 29.VII»¹⁵.

Праз два тыдні Колас палічыў магчымым задаць ранейшае пытанне: «Как обстоит дело с переводами? Когда они будут готовы окончательно? 20 сентября состоится сессия Верховного Совета СССР, и я буду в Москве»¹⁶. Тут варта прывесці і наступны фрагмент ліста, каб канкрэтызаваць думку пра выключную складанасць умоў, у якіх у 1946 г. знаходзіўся Колас як творчая асоба. «Сейчас много разных дел, далеко отстоящих от литературы. Целые долгие часы приходится проводить в приемных министров по делам Академии наук. В Академии, кроме меня, никого из состава президиума нет. Мне приходится заниматься делами Академии. Сейчас из Германии прибыло оборудование для целого завода по изготовлению точных приборов. Склада нет»¹⁷. І далей ён са схаванай горыччу распявае пра адсутнасць пад'ёмнага крана, адсутнасць брызенту, якім трэба накрыць каштоўнае абсталяванне, што знаходзіцца пад адкрытым небам. Вось якімі гаспадарчымі справамі непасрэдна займаўся дэпутат Вярхоўнага Савета БССР і СССР, віцэ-прэзідэнт АН БССР і член шматлікіх камісій, «далеко отстоящих от литературы». А між тым уласна літаратурныя праблемы самі па сабе не вырашаліся. Гэта датычыла і перакладу паэмы.

Пятага ліпеня 1947 г. Якуб Колас занёс пераклад у Дзяржаўнае выдавецтва БССР.

Здавалася б, у гісторыі перакладу нарэшце можна паставіць доўгачаканую кропку. Дык не ж! І на гэты раз спадзяванні аўтара былі заўчаснымі: 5 ліпеня ў дзённіку з'явілася кароткая занатоўка: «На души заспакоенасці наконта якасці перакладу няма»¹⁸. А ў лісце да Гарадзецкага ад 6 ліпеня Колас паведамляе «дарагому Сяргею» пра сваё рашэнне яшчэ раз уважліва перачытаць пераклад і ўнесці папраўкі. Напрыклад, у першы раздзел:

1) «“В твоём уюте отдыхаю” заменил строкой оригинала: “И там душой я отдыхаю”».

2) «<<...>> слово “погребаю” заменил словом “провожаю”. “Погребаю” слишком панихидно.

“Таких исправлений, – адзначае Канстанцін Міхайлавіч, – в дальнейшем будет немало. Ведь когда читаешь сосредоточившись, то видишь яснее места, нуждающиеся в исправлениях”»¹⁹.

Каштоўнасць разваг і меркаванняў Коласа ў тым, што ў іх раскрыта адна з галоўных прычын, якія абумовілі недахопы перакладу паэмы на рускую мову: «смысл и значение» многих «слов и выражений» для перакладчыкаў, прынамсі для Гарадзецкага, былі «в той или иной степени не вполне ясны»²⁰. Сваю думку Колас сфармуляваў вельмі выразна: «Ведь и в “Новой земле” многие недочеты перевода идут от этого истока»²¹. Сапраўды, недасканалае веданне жывой народнай мовы і мовы арыгінала якраз і прадвызначыла невысокі мастацкі ўзровень перакладу паэмы на рускую мову. Паколькі Якуб Колас, можа, і са спазненнем разабраўся ў прычынах, якія абумовілі многія істотныя пралікі перакладчыкаў, ён вырашыў самастойна заняцца выпраўленнем выяўленых недахопаў і, трэба прызнаць, многае зрабіў у згаданым кірунку таму, што «перевод <<авторизованный>>. А это кой к чему обязывает»²².

Уносячы папраўкі, Колас як патрабавальны мастак не перабольшваў свае магчымасці. Ён добра разумеў, што тут патрэбна яшчэ і дапамога перакладчыкаў-прафесіяналаў. Вядома, у паэта быў даволі значны перакладчыцкі вопыт: «Палтава» А. Пушкіна (1937), «Дэман». Ч. 1. М. Лермантава (1939); шэсць паэм, балады і вершы Т. Шаўчэнкі (1938–1939), балада А. Міцкевіча (1940) і інш. Праблема ж у дадзеным выпадку заключалася ў тым, каб «Новая зямля» стала зразумелай рускаму чытачу, каб яна ўспрымалася ў традыцыях рускага прыгожага пісьменства. Вось адкуль ішла апеляцыя аўтара паэмы да перакладчыкаў-прафесіяналаў! Зрэшты, у Коласа хапіла б творчага патэнцыялу і майстэрства выдаць паэму ў аўтаперакладзе, але ён не пайшоў такім рызыкаўным шляхам, аддаў

перавагу дасведчаным у гэтай справе літаратарам. На жаль, дасведчаня моцна падвялі пісьменніка! Сапраўды, не адзін год ішла праца, паэма ўрэшце рэшт была падрыхтавана да друку і здадзена ў выдавецтва, але раптам выявілася, што твор да выдання не гатовы! Інакш кажучы, уласныя прафесійныя недапрацоўкі перакладчыкі ўзвалілі на аўтара, які павінен быў самастойна шукаць паратунку.

Якуб Колас, напэўна, не раз дакараў сябе за празмерную мяккацеласць, за праяўленую слабасць, калі паверыў нядобрасумленнаму Гарадзецкаму, што пераклад дасканалы і яго варта рэкамендаваць да друку. Але ў паэта ўсё ж хапіла мужнасці заняць прынцыповую пазіцыю, праявіць характар. І ў шэрагу лістоў другой паловы 1947 г. і першай паловы 1948 г. да розных асобаў ён цярдліва растлумачвае адрасатам, чым кіраваўся, затрымліваючы друкаванне паэмы. Затрымаў, «потому, что... хочу серьёзно отнестись к изданию "Н[овой] з[емли]" на русском языке»²³.

У красавіку 1948 г. сітуацыя вакол перакладу паэмы яшчэ больш абвастралася, бо выдавецтва прыспешвала аўтара, які абяцаў здаць «Новую зямлю» ў сакавіку 1948 г. На ўскладненне і без таго няпростага становішча паўплывала рашучая адмова Гарадзецкага «в силу известных уважительных причин»²⁴ прыехаць у Мінск і дапрацаваць пераклад. Але Колас заставаўся цвёрдым і рашучым: «...без основательного исправления переводов поэма не может быть сдана в производство»²⁵. І тут упершыню агучана прыблізная колькасць паправак, якія неабходна ўнесці ў перакладны тэкст: «...исправлять потребуется по меньшей мере мест 500»²⁶. І на заключэнне Колас у катэгарычнай форме заявіў: калі неабходныя выпраўленні тэксту не будуць зроблены, «то печатать поэму я не буду»²⁷.

Адмова Гарадзецкага паставіла Коласа «в крайне трудное положение», не толькі маральнае, але і матэрыяльнае. Пісьменнік вымушаны быў несці фінансавыя страты, г. зн. дадатковую працу ён мусіў «оплачивать личными средствами»²⁸. Але ў дадзеным выпадку ён не даў волю гневу, і тут, не зважаючы на відавочнае паўтарэнне, патлумачыў прычыну затрымкі рукапісу: «Ведь эта злосчастная поэма – большой кусок моей жизни. Мне хотелось представить ее в возможно лучшем переводе на русский язык. В Белоруссии ее очень хорошо знают, поэтому люди так ревниво относятся и к тексту русского перевода. А разве ты будешь утверждать, что перевод получился на должной высоте?»²⁹

У пошуках добрасумленнага, кваліфікаванага перакладчыка, які мог бы без прымусу «подумать и поработать», Колас выйшаў на Сямініна, прапанаваўшы яму ўзяць на сябе агульнае рэдагаванне перакладзенага тэксту. Сямінін даў згоду. «Я так заранее благодарен Вам, что в Вашем лице я встретил друга, который понял меня в мой тяжкий час и пошел мне навстречу» – вось так шчыра, усхвалявана ўспрыняў Колас згоду перакладчыка. З 21 мая па 18 ліпеня, а затым яшчэ і ў верасні 1948 г. Сямінін жыў у Мінску, на кватэры Якуба Коласа, уносячы ў пераклад шматлікія змены, папраўкі, удакладненні. «Семинин много и успешно работает над исправлением переводов "Новой земли". Первые пять глав отредактированы. Поэма звучит гораздо лучше. Если Семинину удастся провести всю работу в том же качестве, ее не стыдно будет показать русскому читателю <...> От С[ергея] М[итрофановича] мало чего остается. Жаль только, что его переводы охватывают 17 глав»³⁰, – паведамляе Колас Мазалькову 2 чэрвеня. Той жа датай пазначаны і ліст да Мазалькова, дзе амаль даслоўна перададзена папярэдняя ацэнка: «На мой взгляд, то, что уже сделал Семинин, показывает, насколько выигрывает новый текст в сравнении с первым. Ведь мало кто из переводчиков, исключая Вас, знает поэму в целом. Поэтому переводы получились пестрыми»³¹.

У гэтых лістах, апрача характарыстыкі высокіх прафесійных і чалавечых якасцей Сямініна і рэзка крытычнай ацэнкі ўзроўню перакладаў

Гарадзецкага, вартыя ўвагі і выказванні Коласа на конт кепскага ведання перакладчыкамі «поэмы в целом». Письменник, няхай нават у прыватнай перапісцы, расказаў пра некаторыя сакрэты перакладчыцкай прафесійнай кухні, пра норавы, якія там існавалі, пра адносіны да правінцыйных пісьменнікаў, дасканала ведаць творы якіх («мало хто... знае поэму в целом») было неабавязкова. Зрэшты, як і ведаць мову, на якой гэты твор напісаны. Нават калі гаворка ішла пра народных паэтаў той ці іншай саюзнай рэспублікі ці пра лаўрэатаў Сталінскай прэміі. Вось так на практыцы выглядаў працэс уключэння лепшых твораў нацыянальнага пісьменства ў адзіную савецкую літаратуру.

Тым не менш прадстаўнікі нацыянальных літаратур, у дадзеным выпадку – беларускай, нягледзячы на розныя складанасці і неспрыяльныя абставіны, паводзілі сябе годна, кіраваліся высокімі маральнымі прынцыпамі. Вось і Колас, хоць «з Гарадзецкім разышоўся», палічыў, аднак, неабходным інфармаваць яго пра тое, як ідзе дапрацоўка. «Переводы, – чытаем мы ў лісце ад 25 чэрвеня, – падвергаюцца коренному исправлению. В общей сложности останется едва ли 20 % первоначального переводческого текста. Но зато перевод в новой редакции звучит совершенно по-иному»³². Далей ён высока ацэньвае працу Сямініна: «Работает очень внимательно, усердно, добросовестно, отдавая работе часов 15 в сутки». Цікава і тое, што аўтар ліста раскрывае свайму адрасату метадыку, тэхналогію ўдасканальвання перакладу. На нашу думку, разгорнутая, падрабязная гісторыя падрыхтоўкі перакладу, наяўнасць не толькі інфармацыйных, але і аналітычных элементаў, ацэнка негатыўнай ролі Гарадзецкага і, наадварот, прывабная, прафесійная і чалавечая пазіцыя Сямініна спатрэбіліся Коласу ў выхаваўчых, педагагічных мэтах. Такім чынам народны паэт дэманстраваў непаказны клопат пра развіццё нацыянальнай культуры, дзе на першым месцы павінны былі быць агульналітаратурныя інтарэсы. Колас узняўся над асабістай крыўдай, гатовы быў дараваць Гарадзецкаму пры ўмове, што той пераадолее эгаізм, уласнае самалюбства і з улікам горкіх урокаў, атрыманых у працэсе працы над перакладам «Новай зямлі», больш сур'ёзна паставіцца да сваіх прафесійных абавязкаў, да прапаганды беларускай літаратуры ў рускамоўным асяроддзі. Тым болей, што ў той час на рабочым стала Гарадзецкага-перакладчыка ляжала паэма Коласа «Рыбакова хата». Гэты момант аўтар паэмы, безумоўна, улічваў.

Але голас мудрага, разважлівага беларускага пісьменніка не быў пачуты Гарадзецкім. Больш таго, з боку апошняга прыблізна ў ліпені 1948 г., у самы разгар дапрацоўкі перакладу, быў нанесены нечаканы ўдар: Гарадзецкі, раззлаваны і пакрыўджаны тым, што перакладзеныя ім раздзелы пераглядаюцца карэнным чынам як прафесійна недасканалыя, заняў у адносінах да Коласа «совсем не дружескую позицию» – пачаў распаўсюджваць чуткі пра тое, што «Новая зямля» – гэта, маўляў, «кулацкая паэма»³³. Натуральна, напрошваўся вывад: дык ці варта ўвогуле выдаваць ідэйна заганны, чужы савецкаму народу твор? Не трэба тлумачыць, што падобная ацэнка, нават калі яна не трапіла на старонкі друку, а распаўсюджвалася толькі ў літаратурным асяроддзі, магла дорага каштаваць паэту, бо лета 1948 г. – складаны час у жыцці савецкай творчай інтэлігенцыі. Нанесены спадцішка ўдар быў вельмі балюча ўспрыняты Коласам яшчэ і таму, што ён прыйшоўся якраз на час працяглай хваробы.

Нягледзячы на цяжкі фізічны і маральны стан, Колас разам з літаратурным сакратаром пераглядае пераклад (у пачатку верасня былі перагледжаны 26 раздзелаў), уносіць праўкі, удакладненні і аддае іх для канчатковага рэдагавання Сямініну, які мусіў зноў прыехаць у Мінск. Але цяганіна вакол перакладу паэмы доўжылася яшчэ... амаль год! Нарэшце, у лістападзе 1949 г. аўтару ўручылі... тры экзэмпляры «Новай зямлі». Асноўны тыраж пабачыў свет у канцы года.

Пяцігадовая эпапея рэдагавання і друкавання перакладу на рускі язык паэмы нарэшце закончылася. Багата творчых сіл, здароўя адабралі ў паэта клопаты пра тое, каб дабіцца якаснага перакладу. Не раз давялося яму зведаць хвіліны горычы, крыўды, пакутлівага расчаравання ў блізкіх сябрах. А чаго вартая гісторыя з напісаннем прадмовы, з падрыхтоўкай ілюстрацыйнага матэрыялу! Абыякаваць, бяздушныя бюракратычныя адносіны да творчай асобы з боку чыноўніцтва рознага рангу і калібру прыніжалі годнасць паэта.

Калі меркаваць па выказваннях Коласа, дык агульная яго ацэнка перакладу даволі высокая: «Мне кажется, что перевод, отредактированный Петром Семыниным, уже не стыдно вынести на московский книжный рынок»³⁴. І ўжо непасрэдна на адрас Пятра Андрэевіча, які працаваў «так много, так честно, с чувством сознания своего человеческого достоинства и своей ответственности»: «Ведь хорошо получилась "Новая земля"»³⁵. І ўсё ж у прыведзеных выказваннях пераважаюць эмоцыі, пачуццё ўдзячнасці чалавеку, які працягнуў Коласу руку дапамогі. І аўтара паэмы, які ўклаў у рускамоўны варыянт частку сваёй душы, можна зразумець. Калі ж зірнуць на пераклад «Новай зямлі» з вышыні часу, дык стане відавочна, што ў выданні 1949 г. не ўсё так добра, як здавалася аўтару. Зрэшты, і сам ён не мог гэтага не адчуваць, пра што красамоўна сведчыць гатоўнасць «главную редактуру перевода» даручыць П.І. Чагіну. Мелася на ўвазе, што магчымаму рэдактару таксама яшчэ хопіць працы. Так яно і было ў сапраўднасці, бо перакладчыкам, улічваючы і выключную добрасумленнасць, прафесійныя навыкі Сямініна, і шчырыя намаганні Якуба Коласа, усё ж не ўдалося вырашыць праблему мастацкай якасці перакладу, яго адпаведнасці арыгіналу паэмы.

¹ Рагойша В. Проблемы перевода с близкородственных языков. Мн., 1980. С. 116.

² Гл.: Колас Я. Збор твораў: У 14 т. Мн., 1977. Т. 13. С. 528.

³ Там жа. С. 93.

⁴ Там жа.

⁵ Там жа.

⁶ Там жа. С. 105.

⁷ Расійскі дзяржаўны архіў літаратуры і мастацтва. Ф. 613. Воп. 1. Спр. 4865. Л. 19.

⁸ Колас Я. Збор твораў. Т. 13. С. 444.

⁹ Там жа. С. 446.

¹⁰ Там жа. С. 451.

¹¹ Там жа. С. 461.

¹² Там жа. С. 467.

¹³ Там жа. С. 468.

¹⁴ Там жа. С. 469.

¹⁵ Там жа. С. 472.

¹⁶ Там жа. С. 474.

¹⁷ Там жа.

¹⁸ Колас Я. Збор твораў: У 14 т. Мн., 1978. Т. 14.

¹⁹ Колас Я. Збор твораў. Т. 13. С. 493.

²⁰ Там жа.

²¹ Там жа.

²² Там жа. С. 494.

²³ Там жа. С. 526.

²⁴ Там жа. С. 528.

²⁵ Там жа.

²⁶ Там жа.

²⁷ Там жа.

²⁸ Там жа. С. 532.

²⁹ Там жа. С. 531.

³⁰ Там жа. С. 536.

³¹ Там жа. С. 538.

³² Там жа. С. 540.

³³ Там жа. С. 543.

³⁴ Там жа. С. 578.

³⁵ Колас Я. Збор твораў. Т. 14. С. 8.

В.П. КУЛТЫГИН,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ТРУДНЫЕ ПУТИ

На основе периодизации социально-политической истории XX в. рассматриваются основные этапы становления советской, впоследствии российской, социологической науки. Представлены направления и особенности обозначенных этапов, тенденции развития российской социологии.

The periods of development in social-political history of the XX century are serve the basis to consider the main stages of formation of Soviet, later Russian sociological science. The directions and particularities of the marked stages, as well as trends of the development of Russian sociology are presented in the article.

Периодизация советского этапа российской социологии

Какое-то время в освещении исторического пути, который прошла Россия после Октябрьской революции, почти безраздельно преобладала однотонная, совершенно явно пропагандистская интерпретация, когда все рисуется в абсолютно мрачных тонах и как нечто единое и однородное. Однако объективный научный подход требует, как минимум, выделения этапов, периодов в развитии тех сложных и очень дифференцированных процессов, которые происходили в стране на протяжении трех четвертей века.

Необходимо особо отметить, что 1917 г. был благоприятным как для держательного, так и для организационного развития отечественной социологии. Временное правительство, придя к власти, издало декрет о создании социологических факультетов в университетах трех российских городов – Петрограда, Москвы и Ярославля, однако для этого практически ничего не было сделано.

Первое десятилетие после Октябрьской революции можно назвать ленинским. Если говорить о социальной сфере, то в это время в ней закладывались такие принципиальные системы, как система всеобщего бесплатного и обязательного образования до определенного уровня для всех граждан; система всеобщего и бесплатного здравоохранения; развитие культуры и, в частности, издательского дела. Резко увеличилось количество студентов во всех учебных заведениях, в том числе и в области общественных наук, – следовательно, значительно обогащался интеллектуальный потенциал общества.

В самом обществоведении шла жесткая идеологическая полемика между марксистами и представителями немарксистских направлений. Однако в целом ситуация научного теоретического плюрализма в первые десять лет советской власти сохранялась, и, за исключением высылки нескольких видных обществоведов из России за их прямое участие в антиправительственной политической деятельности, дискуссия носила содержательный, идейный, а не административный характер.

С начала 1930-х гг. ситуация в стране изменилась в связи с полным укреплением авторитарной власти Сталина.

В период хрущевской «оттепели» (1954–1964 гг.) были предприняты искренние попытки воплотить в стране идеалы социализма, социалистического и коммунистического общества. Это стремление получило поддержку у народа и принесло наглядные результаты.

К сожалению, при всей своей честности и добрых намерениях Н.С. Хрущев был лишь сыном своего класса. А класс этот к началу 1960-х гг. почувствовал, что лидер слишком много отдает низам и слишком мало, по их мне-

нию, оставляет элите. Вступил в действие известный со времен Р. Михельса «железный закон олигархии». Хрущева сместили, а пришедшие к власти люди стали проводить угодную им политику, используя по-прежнему лозунги социализма и коммунизма, так как тогда это был единственный способ сохранить легитимность власти в глазах населения.

Однако к началу 1980-х гг. накопилось слишком много дисфункций в действии этой системы, с одной стороны, а, с другой стороны, окрепнув и сконцентрировав в своих руках достаточно рычагов власти, новая элита уже перестала удовлетворяться тем местом и теми рамками, которые оставлял ей социализм в структуре власти и социальных отношений. С середины 1960-х гг. власть захватывают выросшие в недрах партийной верхушки силы, главная цель которых – переориентировать, заменить социальный строй в стране. Ради осуществления этой цели они готовы пойти на самые жесткие и антинародные меры, а решающим фактором для осуществления их планов становится поддержка правящих кругов Запада.

Таковы вкратце основные этапы отечественной социально-политической истории XX в. Конечно же, они наложили свой весомый отпечаток и на развитие социологической науки в стране.

Послереволюционный период

Вернемся к самому началу советского периода. Лишь после Октябрьской революции Советское правительство создало социологические факультеты не только в ранее названных, но и еще в восьми вузах страны. По предложению В.И. Ленина, курс социологии в качестве обязательного был введен во всех средних учебных заведениях России. Начинается бурное институциональное развитие социологии. Создаются три центральных исследовательских института разной социологической проблематики. Директором одного из них – Института социологии – становится Константин Михайлович Тахтарев.

До 1920 г., и даже до 1922 г., идет очень бурное развитие как теоретической, так и прикладной социологии в стране, резко возрастает число социологических публикаций, расширяется их тематика. В академических институтах совместно работали и плодотворно сотрудничали представители марксистского и немарксистских направлений.

Необходимо отметить, что социально-политическая ситуация первых послереволюционных лет была необычайно сложной. В политизированном обществе, каким всегда в последние полтора столетия являлась Россия, проигравшие силы, не смирившись, стремились взять реванш. На первоначальном этапе Советская власть отпускала под честное слово на свободу даже генералов – инициаторов вооруженной борьбы против революции, взятых с оружием в руках на поле боя. Генералы давали слово оставаться политически нейтральными и не участвовать в борьбе, однако, оказавшись на свободе, они сразу же принимались за создание вооруженных контрреволюционных формирований. Честное слово не держали не только генералы и офицеры, но и политики, среди которых были социологи и другие общественные деятели.

Вероятно, большевики были виноваты в жестоких формах социально-политической борьбы, охвативших российское общество. Но объективный исследователь должен признать, что возлагать всю вину лишь на одну сторону было бы крайне тенденциозно.

С самого начала, как это видно по первым организационным шагам, у большевиков были прогрессивные намерения, однако в реально сложившейся борьбе в сфере обществоведения им не хватило интеллектуального авторитета, глубины интеллектуальной культуры.

1920-е гг. характерны дальнейшим бурным развитием социологии в университетах, значительным ростом прикладных исследований и использованием их результатов в практике социального управления. Наряду с этим со-

циология идеологизировалась, острые политические дебаты в конце 1920-х гг. стали сопровождаться и авторитарными организационными репрессиями по отношению к неугодным исследователям.

Начало 1920-х гг. было ознаменовано всплеском творческой и издательской активности в области социальной проблематики. Так, в 1921 г. в России было издано 4078 томов книг по социальным вопросам, что составило 51,7 % всей годовой книжной продукции¹.

Наиболее значительными общетеоретическими социологическими работами первых послереволюционных лет стали, в частности, следующие книги: К.М. Тахтарев «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их отношениях и закономерностях. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии». Пг., 1919; Н.И. Кареев «Общие основы социологии». Пг., 1919; С.В. Фарфоровский, М.В. Кочергин «Социология. Курс-справочник второй ступени трудовой школы рабочих университетов и самообразования». Казань, 1920; В.М. Хвостов «Основы социологии». М., 1920; «Вперед. Сборник статей памяти П.Л. Лаврова». Пг., 1920; П.А. Сорокин «Система социологии»: в 2 т. Пг., 1920; Н.В. Первушин «Наука социология». Казань, 1921; В.М. Бехтерев «Коллективная рефлексология»: в 2 т. Пг., 1921; П.А. Сорокин «Голод как фактор». Пг., 1921; К.М. Тахтарев «Общество и его механизмы». Пг., 1921; А.А. Богданов «Очерки всеобщей организационной науки». Пг., 1922; П.А. Сорокин «Основные проблемы социологии», Е.А. Энгель «Очерки материалистической социологии». Пг., 1923; Н.А. Гредескул «Происхождение и развитие общественной жизни», Л., 1925; А.А. Богданов. «Всеобщая организационная наука». М.; Л., 1929. Кн. 3; С.А. Оранский «Основные вопросы марксистской социологии». Л., 1929. Т. 1.

Диверсифицировалось преподавание социологии в высших учебных заведениях. Ведущим академическим центром социологии в первые годы советской власти был Петроградский университет. Здесь с 1919 г. действовал первый в России социологический факультет во главе с П.А. Сорокиным. Ведущие профессора читали курсы по широкому спектру учебных социологических дисциплин: Н.А. Гредескул – историю социологии, А.А. Гизетти – историю русской социологии, П.А. Сорокин – социальную аналитику и механику, П.И. Люблинский – уголовную социологию, Н.И. Кареев – общие основы социологии и историю социологических учений, К.М. Тахтарев – генетическую социологию.

Разработкой социологических проблем занимались и представители смежных обществоведческих дисциплин. Так, в области социологии активно работали историки М. Лемке, С. Ковалев, М. Серебряков, В. Быстрянский, А. Тюменев, Н. Андреев, Н. Державин. Плодотворно развивалось сотрудничество с психологами. В 1921 г. было учреждено и стало активно действовать «Общество за объективное изучение человеческого поведения», почетным президентом которого был избран Нобелевский лауреат, физиолог И.П. Павлов, а председателем – П.А. Сорокин.

Что же касается общего климата в российской социологии, то в начале 1920-х гг. в ней на паритетных началах работали представители различных методологических направлений, а затем, по выражению британской исследовательницы Э.Э. Вейнберг, стала происходить медленная «замена мебели». «Старая мебель» заменялась отдельными частями. Какое-то время соседствовали новое и старое².

Быстрыми темпами развивалось марксистское направление в социологии. В 1918 г. в Москве была создана Социалистическая академия общественных наук, где широко были представлены и социологические курсы. В конце 1919 г. молодые ученые Петроградского университета создали Научное общество марксистов (НОМ) со своим журналом «Записки НОМ», с середины 1920-х гг. общество становится признанным центром марксистской философской и социологической мысли. С 1921 г. стал издаваться первый

советский ежемесячный обществоведческий журнал «Под знаменем марксизма», ставший теоретическим и организационным центром развития марксистской социологии в стране.

Конец 1920-х – 1930-е гг.

К глубокому сожалению, с 1930-х гг. в теоретических дискуссиях в самых разных областях, в том числе и в социологии, начинают использоваться методы административных, а позднее и уголовных репрессий. Характерно при этом, что репрессии в отношении марксистов носят более жесткий характер, нежели против представителей традиционной академической социологии.

Менее пострадавшей областью социологии были прикладные социологические исследования, особенно обеспечивающие принятие решений в сфере социального строительства. Объективная потребность в них при построении социалистического общества была очевидной, и с самого начала им придавалось большое значение. Уже при создании в 1918 г. Социалистической академии В.И. Ленин в качестве одного из ведущих направлений ее деятельности определил развитие социальных исследований, включавших прежде всего такие области, как:

- 1) труд, особенно его условия и организация, влияние социопсихологических, образовательных и общекультурных факторов на производительность труда;
- 2) образ жизни и доходы различных категорий населения;
- 3) классовые отношения;
- 4) культура;
- 5) религия;
- 6) сбор и обработка социэкономических и социодемографических данных;
- 7) методика и техника социальных исследований.

Именно в этих областях российская социология продолжала развиваться наиболее плодотворно, получая результаты, имеющие и общемировое значение. В этой связи следует назвать создание математико-статистических методов анализа социальной информации, в частности в трудах А.А. Чупрова, детально разработавшего методики анализа выборочных совокупностей, факторного анализа, что привело к обоснованию стохастической природы многих характеристик социального знания.

В начале 1970-х гг. автор настоящей статьи, встретившись в Питсбургском университете с П. Лазарсфельдом, рассказал ему, что в Советском Союзе его считают основателем применения математических методов в социологии. Однако сам Лазарсфельд считал: главное, что он сделал в этой области, – это удачное применение тех подходов и методик, которые были созданы А.А. Чупровым еще в 1920-х гг.

Крупной фигурой того времени является **Станислав Густавович Струмили** (1877–1974), который впервые дал прогноз численности и половозрастного состава населения Советской России. Этот прогноз впоследствии оправдался с большой точностью. Он первым организовал проведение демографо-социологического исследования бюджетов времени рабочих и крестьян (1922–1923), а также изучал социально-демографические процессы в западном обществе. Широкий резонанс вызвала его книга «Трудовые потери России в войне», вышедшая в 1920 г., в которой акцент был сделан на необходимости особого внимания в социальном управлении к росту качества населения.

Фундаментальные исследования в области социальной гигиены, санитарной статистики были проведены **Сергеем Аркадьевичем Томилиным** (1877–1952), который ввел термин *воля к здоровью*. В 1927 г. он впервые в мире провел в Харькове исследование мнений о размере семьи, близкое по смыслу к выявлению желаемого числа детей. Одним из первых он сформулировал концепцию качества населения, обосновал необходимость воспитания у населения воли к здоровью.

Большой резонанс в стране получили работы по социологии управления и организации труда. Помимо концепции тектологии А.А. Богданова следует особо отметить работы П.М. Керженцева и А.К. Гастева, создавших в 1920-е гг. Центральный институт труда и исследовавших социальные и психологические аспекты производительности труда. В 1923 г. в Харькове вышла работа Ф. Дунаевского «Проблема профессионального подбора».

Условиям труда и быта различных социальных слоев были посвящены социологические исследования А.И. Тодорского, Е.О. Кабо, Вл. Зайцева, Я.В. Выдревича, Вл. Михеева, Г.С. Поляка, В.С. Овчинникова, Б. Когана, М. Лебединского.

Динамику социальной структуры населения изучали Л.Е. Минц, Л. Крицман, Ф. Заузолков, С. Вольфсон, Е.Ф. Федоров, А. Клибанов.

Интересные проблемы в области социологии здравоохранения были разработаны Н.А. Семашко, Б.Я. Смулевичем, М.В. Птухой.

Ряд оригинальных исследований был проведен по изучению театральной аудитории, в частности, в авангардистском театре Мейерхольда.

В стране регулярно издавались статистические справочники по социальной проблематике: «Социалистическое строительство в СССР», «Труд в СССР», «Труд и профсоюзное движение» и др. В то время в Советском Союзе насчитывалось несколько сотен центров, которые проводили эмпирические социальные исследования. Общая ситуация в прикладных социальных исследованиях характеризовалась обилием оригинальных идей, широтой методологической постановки проблем, их практической ориентированностью.

Однако в 1930-х гг. произошел институциональный демонтаж существовавшей системы общественных наук в стране. Очень четко проявилась общемировая тенденция – развитие социологии не совместимо с авторитарной системой государственного управления. Начало процессу институционального свертывания социологии как самостоятельной академической дисциплины было положено выходом в свет в 1931 г. работы И. Сталина «Основные вопросы марксистской социологии».

Отдельные экономические, демографические и статистические исследования проводились и в 1930–1940-е гг., как правило, в сугубо прикладных целях. После Второй мировой войны в Институте философии Академии наук СССР был открыт сектор социологии, специализировавшийся исключительно на критическом обзоре состояния зарубежной социологии.

Первые шаги по возрождению социологии

Ренессанс отечественной социологии начался лишь после осуждения на XX съезде КПСС в 1956 г. авторитарных деформаций, свойственных сталинскому этапу управления обществом. С середины 1950-х гг. стали вестись конкретные социологические исследования в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, ряде столиц союзных республик. Страну посетили с лекциями и выступлениями видные западные социологи Холландер, Фридман, Парсонс, Мертон, Морено. Вновь впервые за три десятилетия появилась возможность для направления на социологическую стажировку за рубеж отечественных ученых.

Первый социологический семинар состоялся в Ленинграде в 1958 г., а с октября 1960 г. при философском факультете Ленинградского университета стала действовать социологическая лаборатория. С этого же года в стране стали публиковаться результаты эмпирических социологических исследований. В рамках Академии наук СССР социологические исследования велись в начале 1960-х гг. в институтах философии, центральном экономико-математическом, государства и права, экономики, археологии и этнографии.

Анализ теоретических проблем сопровождался в это время возобновлением и развертыванием конкретных социологических исследований, а к середине 1960-х гг. появляются обобщающие их крупные труды. Так, было

издано пятитомное собрание работ пионера прикладных социальных исследований С.Г. Струмилина. В 1961 г. опубликована монография «Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса» по итогам первого крупномасштабного исследования на предприятиях Свердловской области. В книге «Рабочий класс и технический прогресс» (1967) на базе предприятий Горьковской области анализировалось влияние научно-технического прогресса на развитие отечественного рабочего класса, на природу трудового коллектива и его взаимоотношений с личностью. В том же году в Ленинграде была издана монография «Человек и его работа», где излагались результаты изучения ценностных ориентаций трудящихся промышленных предприятий и мотивы их деятельности.

Заметным событием в советской социологии стало проведение панельного исследования в молдавском селе³. В распоряжении исследователей был материал румынского социолога Д. Густы, собранный в довоенной Румынии. На этом примере выявилась большая значимость сравнительных исследований одного и того же объекта.

Широкий резонанс в 1960-е гг. получило изучение бюджетов времени, в частности, на предприятиях Днепропетровска, Запорожья, Костромы, Одессы, при котором анализировались также условия жизни, зависимость образа жизни от социально-бытовых и социально-демографических факторов. Большой интерес в этой связи представляет книга Г.А. Пруденского «Время и труд» (1964).

Прикладные исследования проблем брака и семьи были обобщены Л.Г. Харчевым в работе «Брак и семья в СССР» (1965).

Значительным событием в научной и общественной жизни страны стало издание двухтомника «Социология в СССР» (1966), в котором излагались результаты прикладных исследований последних лет в самых разных областях социальной жизни. Одновременно в Великобритании был издан двухтомник избранных трудов советских социологов «The Soviet Sociology»⁴, где раскрывался широкий спектр вопросов социального развития нашего общества. Впервые было проведено международное сравнительное исследование по проблемам труда в промышленности (СССР – Польша), по результатам которого была выпущена книга «Социальные проблемы труда и производства» (1970).

Институализация возрожденной советской социологии

Важным событием в деле реабилитации социологической науки стало создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации. А в 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований первоначально с пятью секторами: методологии, методики и техники социологических исследований; проблем развития социальных отношений города и села; проблем развития трудовых коллективов; социологии и социальных проблем личности; проблем общественного мнения и эффективности идеологической работы.

К концу 1960-х гг., помимо указанных центров, социология развивалась также в Томске, Казани, Горьком, Ростове-на-Дону, Красноярске, Перми, Воронеже, Иркутске и других городах. В Москве отделы социологии открылись в Институте международного рабочего движения, в редакции газеты «Комсомольская правда», в Центральном статистическом управлении Российской Федерации. Высшая комсомольская школа, создав кафедру и лабораторию социологических исследований, координировала деятельность пятидесяти социологических групп и тридцати пяти региональных молодежных центров по разработке социологических проблем молодежи.

Более десяти лет в научных журналах велась дискуссия о предмете социологии. Ряд ученых – Г.В. Осипов, А.А. Зворыкин, А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов и другие – отстаивали необходимость воссоздания социологии как самостоятельной научной дисциплины, другие же – Ю.Е. Волков, Л.Н. Коган, М.Н. Руткевич – видели в ней лишь вспомогательное средство,

питающее эмпирическими данными другие социальные дисциплины. Апогея этот спор достиг после того, как Ю.А. Левада опубликовал в 1969 г. «Лекции по социологии», а Академия общественных наук и журнал «Коммунист» в 1970 г. устроили разносное обсуждение этой работы. В результате до конца 1980-х гг. возобладала концепция социологии как преимущественно прикладной дисциплины.

В стране развивались лишь прикладные исследования отдельных проблем и аспектов социальной жизни и специализированные отрасли социологии – своеобразные теории среднего уровня.

На новом этапе российской социологии первые работы по методологии, технике, процедуре социологических исследований были написаны А.Г. Здравомысловым, Г.М. Андреевой, А.М. Румянцевым, Г.В. Осиповым, В.А. Ядовым, В.Н. Шубкиным, Б.А. Грушиным. Интенсивно развивалась социология науки (А.А. Зворыкин, Г.Н. Волков, Д.М. Гвишиани). Благодаря развитию промышленной социологии (И.И. Чангли, В.Г. Подмарков, Ж.Т. Тощенко, Ю.Е. Волков) была создана обширная сеть социологических лабораторий на крупных промышленных предприятиях. Широкое распространение получила практика разработки планов социального развития предприятия, населенного пункта, региона.

Заинтересованный отклик получили работы И.С. Кона и В.П. Тугаринова по социологии личности, А.Г. Харчева – по проблемам брака и семьи, Т.И. Заславской, Ю.А. Арутюняна, И.М. Слепенкова – по аграрной социологии.

В университетах страны (МГУ, ЛГУ, НГУ, БГУ, УрГУ и др.) и в некоторых экономических вузах (Московский институт управления, Ленинградский финансово-экономический институт и др.) были введены курсы прикладной социологии. Для студентов и аспирантов были изданы первые учебные пособия по социологии и ее истории: «Рабочая книга социолога» (1977); «Теория и практика социологических исследований в СССР» (1979); «Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях» (1979); «История буржуазной социологии XIX – начала XX в.» (1979); «История буржуазной социологии первой половины XX в.» (1979); «Критика современной буржуазной теоретической социологии» (1977) и др. Важным центром, объединяющим и координирующим усилия социологов, стал издающийся с 1974 г. журнал «Социологические исследования».

Один из организаторов советской социологии времен «оттепели» Г.В. Осипов так пишет о периоде 1960–1970-х гг.: «Если в период “застоя” социология и развивалась, то вопреки командующим методам, а не благодаря им. Более того, усилилось административно-бюрократическое вмешательство в эту науку. Правда, в какой-то мере ситуация изменилась с созданием Института социологических исследований АН СССР, в который удалось привлечь лучшие кадры социологов-профессионалов страны. Но новая “оттепель” продолжалась недолго. Бюрократической диктатуре Л. Брежнева социология была не нужна, более того, она вступала в конфликт с ведомственным отношением к социальной сфере жизнедеятельности общества. И тут возникает еще один парадокс. Институт, вызванный к жизни реальными потребностями общества, был использован как средство административного вмешательства в дела науки, торможения ее развития»⁵.

Окончательно статус самостоятельной академической дисциплины за социологией был признан во второй половине 1980-х гг. К настоящему времени в стране сложилась система подготовки социологических кадров разных уровней и специализаций, действуют более сотни социологических центров, в том числе десятки институтов.

Среди ведущих можно назвать Институт социологии и Институт социально-политических исследований РАН, Социологический и социально-психологический центр Российской академии управления, социологические факультеты Московского, Санкт-Петербургского, Новосибирского, Екате-

ринбургского университетов, Государственной академии управления, Российского государственного социального университета, Академии труда и социальных отношений, Всероссийский центр по изучению общественного мнения и др.

В России мнение социологов всегда было авторитетным именно из-за острого ощущения обществом неудовлетворенности существующими социальными отношениями. В общественном сознании главной причиной этой неудовлетворенности почти единодушно виделась сфера политики. Вот почему мощный и плодотворный интерес российского общества к новой научной дисциплине был с самого начала очень сильно политизирован и идеологизирован. Политизация помогла привлечь к социологии крупные умы, социальные и интеллектуальные ресурсы, однако она сразу же сформировала серьезную опасность для объективности и валидности получаемых ею результатов.

На начальном этапе российская социология развивалась в двух обширных областях – как академическая дисциплина, тесно связанная с научными исследованиями и подготовкой специалистов высшей квалификации, и как публицистический жанр общественно-политической литературы, где высказывались глубокие и блестящие идеи, где было сделано немало выдающихся открытий, но где кипели страсти, и нацеленность на победу своей тенденции делала эту сферу, как минимум, пограничной между наукой и политикой.

Одним из ключевых вопросов, вызывавших это кипение, было, в частности, отношение к Родине, патриотизм. В социологии, как и во всей российской социальной мысли, наметились три основные тенденции, существование которых можно проследить вплоть до настоящего времени.

Согласно первой – ее можно назвать конструктивно-западнической – полагалось, что для пользы России ей следует перенять у Европы лучшие достижения ее культуры. По второй – пессимистически западной – считалось, что русский этнос не способен ни к самостоятельному историческому творчеству, ни даже к эффективному самоуправлению. Наконец, сторонники третьей – почвеннической – энергично доказывали, что путь развития России уникален, и она должна полностью опираться в основном на собственные творческие потенции.

В XX в. развитие российского общества пошло исключительно по первому пути, что сопровождалось определенными и даже выдающимися успехами, однако в конце 1980-х гг. привело к кризису, имеющему как объективные, так и субъективные корни.

Указанная проблематика – лишь один из узловых пунктов политизации социологии, и проблем таких было достаточно много. В отечественной социологической науке, особенно в академических ее направлениях, было разработано немало альтернативных сценариев социального развития, и обращение к ним сегодня с учетом исторического опыта российского общества совершенно очевидно представляет не только интеллектуальный, но и сугубо практический интерес.

Развитие российской социологии показывает, что для универсальной общемировой системы социального знания важное значение имеют как достижения в области фундаментальной теории, так и уникальный национальный опыт реализации социальных знаний в общественной практике. Если во Франции и Германии сформировалась теоретическая социология, а в США сделали эту науку прикладной и очень разносторонней, то, скажем, такие аспекты социально-инженерной функции, как социальное благосостояние, социальная работа, социальное партнерство, с наибольшей детализацией разработала скандинавская, особенно шведская, социология. Бразилия дала уникальный пример наиболее полной реализации ценностной функции социологии в обществе. И сегодня на гербе и флаге этой стра-

ны значится лозунг О. Конта «Порядок и прогресс», а в 1920–1930-х гг. глущие социальные реформы в этой стране базировались исключительно на выводах социологии.

В России, пожалуй, в наибольшей степени реализовались социально-критическая сторона этой науки, анализ дисфункций и аномалий социального развития. Представляется, что еще не все здесь сказано, и это традиционное направление российской социологии содержит значительные ресурсы и мощный потенциал.

Еще одна характерная черта российской социологии – стремление к универсализму. В прошлом нашей социальной науки попытки сформулировать всеобщую социологическую картину развития общества часто были оригинальными и давали мощный импульс к дальнейшим поискам. Есть все основания надеяться, что и эта традиция российской социологии принесет в будущем свои перспективные творческие плоды.

¹ См.: Печать в РСФСР в 1921 г. М., 1924.

² Weinberg E. A. The Development of Sociology in the Soviet Union. London, 1974. P. 2.

³ См.: Копанка 25 лет спустя. М., 1965.

⁴ См.: The Soviet Sociology: In 2 vol. Vol. 1. Industry and Labour in the USSR; Vol. 2. Town, Country and People. London, 1966.

⁵ Осипов Г. В. Социология и социализм. М., 1990. С. 28–29.

Поступила в редакцию 25.06.08.

Н.Н. БЕСПАМЯТНЫХ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (ГРОДНО)

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: ПОНЯТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются территориальный и социокультурный подходы к понятию границы как предпосылка теоретического анализа различных типов пограничий. Охарактеризованы «пограничные исследования» и социология пограничья как наиболее представительные, институционализированные и результативные направления такого анализа.

The article deals with the territorial and socio-cultural approaches towards the notion of boundary as the background for the theoretical study of various types of borderlands. «The border studies» and the sociology of borderlands are characterized as the most representative, institutionalized and fruitful research directions of the field.

Феномен пограничья не нов: он возник тогда, когда появились границы, вокруг которых он формируется. Однако статус исследовательского объекта *пограничье* и связанная с ним проблематика приобрели относительно недавно. Теория пограничий находится в процессе становления, порождая широкий круг проблем методологического характера, связанных прежде всего с интерпретацией понятия пограничья. В современном социально-гуманитарном знании его содержание варьируется от отождествления с государственно-политическим приграничьем до предельно широкой интерпретации как универсального феномена, присутствующего во всех сферах социальной реальности и пронизывающего все области современного человеческого бытия. Такое многообразие в значительной мере предопределено смысловой вариативностью лексемы «граница», которая из повседневного лексикона перешла в разряд научных категорий и с которой этимологически и содержательно связано понятие пограничья. В этой связи перспективы изучения пограничий, в том числе отечественных, требуют более четкого теоретического анализа подходов к понятиям границы и пограничья и их методологических оснований.

Понятие границы: территориальный и социокультурный аспекты

В основу первичной классификации значений и аспектов употребления понятия границы в социальной теории могут быть положены по крайней мере

ре два основания – территориальное и социокультурное. Эти аспекты между собой связаны, но взаимно не редуцируются, сохраняя каждый свою специфику. Выявление этой специфики позволяет получить более точное понимание того, что такое пограничье, каковы его типы и возможные подходы к его анализу.

В рамках *территориального* аспекта понятия границы рассматриваются как *географическая* и *политико-административная категории*. Х. Доннан и Т. Уилсон указывают на три составляющих элемента дефиниции *государственных границ*, которые представляют собой законодательно установленные порубежные линии, разделяющие соседствующие государства; включают государственные институты, определяющие и поддерживающие границы; предполагают наличие пограничных регионов как примыкающих к границам и обладающих различной протяженностью и углубленностью в государственную территорию пространств¹. В отличие от социальных и культурных государственные и административные границы имеют исключительно территориальный характер. Вместе с тем они связаны с границами социумов и их культур. Разъединяя и соединяя соседствующие сообщества, территориальные границы выполняют функции «барьера» («стены», «забора») и «моста». При этом, как пишет М. Кемпны, явления, связанные с понятием границы, «современная социология все чаще стремится описывать посредством таких категорий, как движение, течение, плавность»². Анализ «многомерного» характера функций территориальной границы в условиях «заката национального государства», «европеизации» и глобализации, выявление их новых «супранациональных» и «интранациональных» функций³, изучение кроссграницных «фронтиров», специфики их культуры и идентичностей⁴ являются приоритетными направлениями исследований территориальных границ.

Социокультурный аспект понятия границы является предметом социологии, в том числе гендерных исследований, культурной антропологии, этнологии, социолингвистики, регионалистики и других дисциплин. Проникновение понятий «граница» и «пограничный» в область психологии и психопатологии свидетельствует об их эвристическом потенциале в исследованиях проблем антропологического характера.

В соответствии с предметом *социологии* ее исследовательские приоритеты связаны с *социальными границами*, которые «упорядочивают социальные отношения и означают принадлежность к сообществу»⁵. Понятие социальных границ имеет, во-первых, «структурное», или «классификационное», значение и определяется как «предел социальной системы, пространство взаимодействия между данной системой и одной из тех, которые соседствуют с ней»⁶. В этом значении понятие социальной границы используется для классификаций социальных структур, систем деятельности, организаций, институтов и выступает в качестве абстрактного средства их теоретического анализа. Во-вторых, оно применимо к тем аспектам исследования социальной реальности, которые связаны с групповой дифференциацией как оппозицией «мы/они», предполагают социальную идентификацию и критерии групповой принадлежности.

Понятие границы претерпевает метаморфозы в «*постклассической*» *социологии*. По Э. Гидденсу, ее задача состоит в анализе «структуральных свойств социальных систем», при том, что сами «процессы структурирования связаны со взаимоотношениями между *значениями, нормами и властью*»⁷. Исследуя их, «социология изучает не “данный” мир объектов, но такой мир, который конституируется или, иначе, создается в ходе творческой деятельности субъектов» и «реинтерпретирует этот мир в соответствии со своими теоретическими схемами»⁸. На этой основе утвердился подход к границам как социальным конструктам, имеющим символическую природу и выполняющим функцию включения/исключения представителей различных групп.

Когнитивная социология, представленная исследованиями Э. Зирубей-вела, рассматривает границы как демаркаторы, «организующие ментальные карты на основе символических различий»⁹. Дефиниция границ «как линий, которые включают либо определяют тех или иных людей, группы и предметы, исключая других»¹⁰ принята в сложившейся под влиянием идей П. Бурдые *символической социологии* (М. Лямонт, В. Молнар, М. Фурнье). Теоретическое содержание этих направлений конституируется вокруг понятия *символических границ*, которые, по М. Лямонт, «являются концептуальными разграничителями, создаваемыми социальными актерами для категоризации объектов, людей, практик и даже пространства и времени»¹¹. Символические границы выражают и маркируют социальную дифференциацию посредством нормативных предписаний, табу, культурных отношений и практик, образцов приемлемого и неприемлемого, «чистого» и «нечистого». М. Лямонт указывала на то, что понятие символических границ сближает когнитивную и символическую социологию с социологией культуры и культурной антропологией¹².

В *культурной антропологии* и «культурных исследованиях» понятие границ вводится в определение того или иного таксономического уровня функционирования культуры. *Культурные границы* имеют «троякий характер, когда они касаются: 1) внутренних сфер данной социально-культурной системы (религиозных, политических, межличностных), 2) локальных, межнациональных или даже индивидуальных границ, а также 3) границ иерархий статусов и классов»¹³. Культурологический подход к границам связан прежде всего с различными типами дифференциации смыслового содержания культурного пространства и его интерпретациями. Поэтому важное место в анализе данного понятия принадлежит *семиотике культуры*. Граница, по Ю.М. Лотману, является «одним из основных механизмов семиотической индивидуальности» пространства культуры¹⁴, включается в определение семиосферы и ее структуры¹⁵. Структуру семиотического пространства культуры образуют «объективные» и «конструируемые» *языковые* (лингвистические), *конфессиональные, стилевые, антропонимические* и другие типы культурных границ.

Подход к проблеме границ в *постмодернистской культурной антропологии* испытал влияние постструктурализма, критики «больших нарративов», концептов «детерриториализации», «воображаемого сообщества» и др. По словам П. Рикера, постмодернистская интерпретация культуры сосредоточена на ее «крайней разнородности» и, в отличие от ее просветительского понимания, приобретает «этнографический смысл»¹⁶. В «теории современности» и постмодернистской антропологии культурные границы являются ключевым понятием в связи с разработкой проблем этничности, идентичности, различия в ситуации глобализации и усматриваются на любом «пересечении» культурных сходств и различий. В «теории современности» существует проблема *изоморфизма* границ. Культурная антропология создает «особого рода карту, на которой человеческие группы и их образ жизни представляются в виде культурных различий, при этом в перспективе региональных исследований эти различия плавно переходят в топографию национальных культурных различий. Географические рубежи, культурные различия и национальные границы выявляют благодаря этому свой изоморфный характер»¹⁷.

Понятия социальных и культурных границ, хотя и близки, но не тождественны. М. Лямонт и В. Молнар выявили четыре типа их возможных соотношений: культурные границы «усиливают, поддерживают, нормализуют и рационализируют социальные границы»¹⁸, конкурируют, совпадают с ними либо замещают их. Общей особенностью социальных и культурных границ является то, что они выступают в качестве *границ идентичностей* (*идентификационных границ*). По А. Аппадурои, «культура, понимаемая как поддержание демаркационной линии, становится проблемой коллективной

идентичности»¹⁹. «Чувство границы» как «чувство положения», «чувство дистанции», «чувство того, что можно и чего нельзя “себе позволить”»²⁰ введено П. Бурдые в характеристику структуры социального пространства. Проблема взаимосвязи социальных, культурных и идентификационных границ (и их характеристик как «сильных» и «слабых», «внешних» и «внутренних», «объективных» и «субъективных», «публичных» и «частных», «воспринимаемых» и «воображаемых») продолжает оставаться предметом теоретических дискуссий (Э. Коэн, Дж. Тодд, Р. Альба).

В типологии границ, исследуемых социологией и антропологией, важное место занимают *этнические границы* (Ф. Барт, А. Петерсон-Ройс, Дж. Сандерс). Приоритет в использовании этого понятия как исследовательского инструмента принадлежит Ф. Барту, до него подход к этническим границам носил эссенциалистский характер и исходил из единства культурных и этнических границ этноса. Ф. Барт показал упрощенный характер подобного взгляда, поскольку культурные границы этноса и собственно этнические границы не тождественны, а взаимосвязь между ними неоднозначна. По Ф. Барту, «этническую группу определяют именно этнические границы, но не культурное содержание, которое они в себе заключают»²¹. В этой связи правомерно использование понятия *этнокультурных границ*, которое в каждом конкретном случае представляет собой различную комбинаторику идентификационных, социальных, культурных и территориальных границ – от их полного или частичного *изоморфизма* (что показал М. Вебер на примере «замыкания» еврейских диаспор средневековой Европы)²² до *неизоморфизма* в *символической этничности*. В социальной теории обсуждается проблема *цивилизационных границ* (Ф. Бродель, С. Хантингтон), которые в восточноевропейском ареале приобретают характер рубежей между *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Catholica*, *Slavia Byzantica* и *Slavia Latina*, хотя и не имеют однозначных определений.

Проблема статуса понятия границы открыта и продолжает обсуждаться. Исследования границ приобретают междисциплинарный характер и эволюционируют в направлении создания общей теории границ.

Пограничье как *limes*. Граница, пограничье, приграничье в «пограничных исследованиях»

Понятие пограничья как научная категория сформировалось в рамках многолетних *«пограничных исследований»* (англ. border studies), институционализировавшихся в университетских исследовательских центрах США, Западной Европы и других стран и представленных специальными изданиями («Journal of Borderlands Studies» и др.). В России в качестве эквивалента «пограничных исследований» принят термин *лимология* (англ. limology от лат. *limes* – граница). Появление на политической карте мира Российской Федерации как суверенного государства способствовало возникновению лимологии как научного направления, по теоретическим подходам и инструментарию аналогичного западным «пограничным исследованиям», начало которым было положено в 1893 г. Ф.Дж. Тёрнером в работе «Значение фронта в американской истории». В 1937 г. С. Джонс ввел термин «пограничье» применительно к определенным участкам американо-канадской границы²³. Начатые на Американском континенте, «пограничные исследования» приобрели к настоящему времени повсеместный характер.

Понятийный аппарат и методология «пограничных исследований» складывались в контексте эволюции их предметной области и исследовательских задач. Первоначально «пограничные исследования» осуществлялись в рамках политической географии, однако со временем приобрели междисциплинарный характер, включив в свой арсенал инструментарий и подходы иных социальных и гуманитарных наук. В 1990-е гг. произошел существенный поворот в развитии «пограничных исследований», обусловленный процессом «европеизации», изменением функций государственных границ и выдвиганием на первый план кроссграницных регионов (В. Колосов, Д. Ньюмен, А. Пааси).

Понятийный аппарат «пограничных исследований» составляют понятия *границы, пограничья, приграничья, трансграничности*. При всех модификациях предметного содержания рассматриваемой дисциплины ее ключевым концептом остается граница. В лимнологии приняты географический, политологический и культурно-антропологический подходы к понятию границы и соответственно классификация границ как *естественных*, совпадающих с природными рубежами, *государственных* как линий и проходящих по этим линиям вертикальных поверхностей, определяющих пределы *государственной территории*, и как «физического барьера между двумя или большим числом переплавляются в силу их взаимного контакта и экономического взаимодействия»²⁴. Понятие *пограничья* рассматривается как «переходная область, в сфере которой лежат границы»²⁵. Хотя исследователи проводят различие между пограничными и *приграничными* регионами, но из-за отсутствия убедительных критериев такого различия эти понятия зачастую отождествляются.

Содержание «пограничных исследований» сосредоточено главным образом вокруг трех областей. Первая – заложенная Ф. Ратцелем *теория границ*, исследующая их сущность, историческую эволюцию, типологию, а также изменения функций в соответствии с ролью государства и динамикой межгосударственных отношений. Вторая область составляет дескриптивный аспект «пограничных исследований» и представлена *описаниями границ*. Третья область «пограничных исследований», значимость которой возрастает, если судить по объему и характеру публикаций, связана со спецификой *пограничий (пограничных регионов)* как прилегающих к границам территорий с их населением, образом жизни, миграциями, коммуникациями.

Общим концептуальным основанием «пограничных исследований» является «граничный подход», который заключается в том, что «граница формирует свой собственный, особенный регион, превращая элемент разграничения в носитель региональной специфики»²⁶. Иными словами, разъединяя страны, граница соединяет приграничные регионы, придавая им неповторимый облик. В «пограничных исследованиях» такие регионы характеризуются как «социокультурные системы», «живые реалии», обладающие «внутренней когерентностью и единством»²⁷, как «контактные зоны», «интерфейсы», «лиминальные зоны с присущей им семиотикой»²⁸. «Граничный подход» ориентирует исследователя на выявление общих, присущих лишь пограничным регионам черт и поэтому не характерных для других мест. О. Мартинес обосновывает пять таких черт: *транснациональность*, благодаря которой пограничья разделяют ценности, идеи, обычаи и традиции населения по обе стороны границы; специфический *тип культуры* пограничья, характеризуемый *периферийностью* и *локальностью*; территориальная, социальная и культурная *сепарация* жителей пограничья от большинства населения государства и *ощущение собственной «инаковости»*; повышенная этническая и международная *конфликтогенность* пограничий²⁹.

Несмотря на обилие публикаций, по мнению одного из методологов «пограничных исследований» Э. Брюне-Жалли, «изучение границ не достигло статуса целостной научной субдисциплины, возможно, поскольку существует слишком много типов границ или слишком много эпистемологий границ»³⁰.

Пограничье как социокультурный топос.

Теоретико-методологические основы социологии пограничья

Иногда под социологией пограничья имеют в виду прикладные социологические исследования, которые проводятся в пограничных районах и выполняют служебную функцию по отношению к *пограничным исследованиям*, однако такое понимание представляется ограниченным. Социология пограничья является самостоятельным исследовательским направлением с собственным видением пограничной проблематики и методологией ее изучения, на что указывает определение ее предмета. По А. Садовскому, социология пограничья «является социологической субдисциплиной, которая занимается исследованием на пограничьях социально-культурных контактов, складывающихся меж-

ду двумя или большим числом соседних народов, цивилизаций (этническими группами), и их последствий в виде формирующейся (или существующей) там социально-культурной (экономической, политической и т. д.) реальности»³¹.

Социология пограничья разрабатывается в странах, для которых пограничная проблематика представляется актуальной и имеет свои традиции, исследовательские приоритеты, авторитеты и уровни институционализации. Одним из заслуживающих внимания «национальных вариантов» этого направления является польская социология пограничья (Г. Бабиньский, А. Клоковска, К. Кшиштофек, З. Курч, Е. Никиторович, В. Павлючук, А. Садовский, М. Чернявска), представленная научным журналом «Pogranicze».

Анализ теоретических работ по социологии пограничья позволяет выявить три содержательных компонента *ее предметной области*: пространство пограничья; сложившиеся в этом пространстве социально-культурные контакты между двумя или большим числом этносов; человека пограничья и его культуру. Вокруг этих компонентов формируются социологическая теория пограничья, ее понятийный аппарат и исследовательская проблематика. Таким образом, в каждом из компонентов правомерно выделение ключевых понятий как «центров» соответствующих теоретических проблем (и прикладных исследований). К ним относятся: понятие *пограничья*; понятийный ряд *пространственного* аспекта (*пространство пограничья, граница, приграничье, центр, периферия, малая родина, локальность, пограничный город*); понятия *социокультурного* аспекта пограничной проблематики (*социокультурный контакт, социальные интеракции; социокультурная реальность, культурная дифференциация*); человек пограничья как понятие *лично-культурного* аспекта рассматриваемой дисциплины.

Многие понятия социологии пограничья терминологически совпадают с понятиями «пограничных исследований», однако содержательно от них отличаются. Прежде всего это относится к понятию *пограничья*, которое определяется как «область сосуществования двух или большего числа культур в целом в границах данного государства, но на его периферии»³², как «соседство культур»³³, как территория, на которой складывается определенный тип сосуществования двух либо большего числа этнокультурных групп и формируется особый тип человека, сочетающего различные культуры»³⁴.

Социология пограничья дифференцирует понятия *пограничья* как места социокультурного контакта и *приграничья* как территории, расположенной вблизи границы и выделяемой по географическим и административным критериям. Если для «пограничных исследований» эти понятия определяются по их территориальной локализации, то для социологии пограничья первостепенной представляется характеристика пограничья именно как пространства сосуществования и взаимодействия культур, т. е. как этнокультурного пограничья. А. Садовский определяет «этническое пограничье как пространство, в котором имеют место устойчивые формы социально-культурных контактов между двумя или большим числом соседних наций, национальными меньшинствами либо этническими группами, не являющимися нациями, а также их последствия в виде существующей там социально-культурной реальности»³⁵. При этом топоры пограничья и приграничья могут быть идентичными (а могут и не быть), но это не меняет специфики данных исследовательских категорий.

Таким образом, социология пограничья существенно дополняет и обогащает возможности исследования пограничной проблематики. Выводя анализ пограничья за пределы его территориально-географического аспекта, социология пограничья привносит в его рассмотрение социокультурный аспект, представляя рассматриваемый ареал как место устойчивых межкультурных контактов. Их типология верифицирована многочисленными эмпирическими исследованиями в восточном и других пограничьях Польши.

«Пограничные исследования» и социология пограничья не исчерпывают существующих направлений в изучении теории границ и пограничий. Значимые результаты в исследованиях такого рода принадлежат антропологии пограничья, постмодернистским «дискурсам пограничья» и др. В условиях имеющей место «исследовательской специализации», как справедливо полагает Э. Смул-

кова, понимание и адекватное описание феномена пограничья нуждаются в сотрудничестве представителей различных социальных и гуманитарных наук³⁶.

¹ См.: Donnan H., Wilson T. Granice tożsamości, narodu, państwa / Przekład M. Głowacka-Grajper. Kraków, 2007. S. 33.

² Kempny M. Granice wspólnot i «pogranicze» tożsamości // Granice na pograniczach. Z badań społeczności lokalnych wschodniego pogranicza Polski / Pod red. J. Kurczewskiej i H. Bojar. Warszawa, 2005. S. 125.

³ См.: Newman D. Boundaries, Borders and Barriers: Changing Geographic Perspectives on Territorial Lines // Identities, Borders, Orders: New directions in International Relations Theory / M. Albert, D. Jacobson & Y. Lapid (eds.). Minnesota, 2001. P. 137–151.

⁴ См.: Kowalska M. New Europe, Identity and Frontiers As One Question // The New Europe: Uncertain Identity and Borders = La Nouvelle Europe: Identité et frontières incertaines / Ed. by M. Kowalska. Białystok, 2007. P. 11–14.

⁵ Donnan H., Wilson T. Op. cit. S. 39.

⁶ Wallman S. The Boundaries of «Race»: Processes of Ethnicity in England // Man. 1978. Vol. 13 (2). P. 206.

⁷ Giddens A. Nowe zasady metody socjologicznej. Pozytywna krytyka socjologii interpretacyjnych / Tłumaczenie G. Woroniecka. Kraków, 2001. S. 226.

⁸ Ibid. S. 227.

⁹ Lamont M., Thevenot L. Introduction: Toward a Renewed Comparative Cultural Sociology // Rethinking Comparative Cultural Sociology: Repertoires of Evaluation in France and the United States. Cambridge, 2000. P. 4.

¹⁰ Epstein C.F. Tinker-bells and Pinups: The Construction and Reconstruction of Gender Boundaries at Work // Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality / M. Lamont and M. Fournier (eds.). Chicago, 1992. P. 232.

¹¹ Lamont M. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 168.

¹² См.: Lamont M. The Future of Cultural Sociology: Broadening Our Agenda // Contemporary Sociology. 2000. № 29 (4).

¹³ Burszta W. Antropologia kultury: Tematy, teorie, interpretacje. Poznań, 1998. S. 46.

¹⁴ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 175.

¹⁵ Там же. С. 175, 183.

¹⁶ Ricoeur Paul. O sobie samym jako innym / Przełożył B. Chelstowski. Naukowo opracowała i wstępem poprzedziła Małgorzata Kowalska. Warszawa, 2005. S. 475.

¹⁷ Appadurai A. Nowoczesność bez granic: Kulturowe wymiary globalizacji / Przekład i wstęp Z. Pucek. Kraków, 2005. S. 29.

¹⁸ Lamont M., Molnar V. The Study of Boundaries in the Social Sciences // Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 186.

¹⁹ Appadurai A. Op. cit. S. 25.

²⁰ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. Н.А. Шматко. М., СПб., 2005. С. 22.

²¹ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries // Theories of Ethnicity: A Classical Reader / W. Sollors (ed.). New York, 1996. P. 300.

²² См.: Stone J. Race, Ethnicity, and the Weberian Legacy // American Behavioral Scientist. 1995. Vol. 38. № 3. P. 391–406.

²³ См.: Hocevar D. Studying International Borders in Geography and Anthropology: Paradigmatic and Conceptual Relations // Geografski Zbornik. Ljubljana, 2000. Vol. 40. P. 89.

²⁴ Alvarez R. Border Studies // Encyclopedia of Cultural Anthropology / D. Levinson, M. Ember (eds.). New York; London, 1996. Vol. 1. P. 149.

²⁵ Prescott J.R. Political Frontiers and Boundaries. London, 1987. P. 13.

²⁶ Minghi J.V. From Conflict to Harmony in Border Landscapes // The Geography of Border Landscapes / D. Rumley, J.V. Minghi (eds.). London, 1991. P. 15.

²⁷ Donnan H. Op. cit. S. 79.

²⁸ Shields R. Boundary-Thinking in Theories of the Present. The Virtuality of Reflexive Modernization // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 9. № 2. P. 223.

²⁹ См.: Martínez O.J. Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands. Tucson, 1994. P. 10–25.

³⁰ Brunet-Jailly E. Toward a Model of Border Studies: What Do We Learn from the Study of the Canadian-American Border? // Journal of Borderlands Studies. 2003. Vol. 19. № 1. P. 1.

³¹ Sadowski A. Socjologia pogranicza // Wschodnie pogranicze w perspektywie socjologicznej. Białystok, 1995. S. 12.

³² Popławski T. Peryferia a pogranicze / T. Popławski // Pogranicze: Studia Społeczne. Białystok, 1996. T. 5. S. 39.

³³ Kłoskowska A. Kultury narodowe u korzeni. Warszawa, 2005. S. 278.

³⁴ См.: Sadowski A. Pogranicze. Zarys problematyki // Pogranicze: Studia Społeczne. Białystok, 1992. T. 1. S. 5–6.

³⁵ Sadowski A. Harmonia i konflikty na pograniczach // Pogranicza etniczne w Europie: harmonia i konflikty / Red. K. Krzysztofek, A. Sadowski. Białystok, 2001. S. 11.

³⁶ См.: Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej=Памежжы Беларусі ў міждyscyплінарнай перспектыве / Red. E. Smułkowa, A. Engelking. Warszawa, 2007. S. 3.

Поступила в редакцию 27.08.08.

С.А. КИЗИМА,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (в контексте Кавказской войны 2008 г.)^{*}

В свете событий августа 2008 г. на Кавказе изучаются перспективы национального государства, на потенциал которого угнетающее воздействие оказали процессы однополярности. Названные события продемонстрировали, что в формирующейся многополярной системе национальные государства смогут вновь играть более значительную роль.

The perspectives of a nation-state are studied in the context of the Caucasian events of August 2008. The conclusion is that the unipolar processes had a negative impact of its potential. The above-mentioned events demonstrated that in the forming multi-polar system nation-states will again play a much more significant role.

Несмотря на мрачные прогнозы, касающиеся национального государства в свете развития глобализационных процессов¹, оно остается самым влиятельным актором международных отношений. На потенциал национального государства негативное воздействие оказали не процессы глобализации, а ситуация однополярности, возникшая в связи с распадом Советского Союза. В мире, где влияние одного государства – США – оказалось гипертрофированным, отсутствовали возможности для развития потенциала не только национальных государств, но и альтернативных им транснациональных корпораций (ТНК), международных или негосударственных организаций, индивидов. Вопреки риторике их расцвета на деле процветали лишь те акторы, развитие которых способствовало реализации интересов США. Располагают ли незападные ТНК таким же влиянием и властью, какое есть у западных ТНК? Нет, поскольку страны Запада препятствуют их операциям в западном мире, в частности приобретению ими наиболее ценных западных активов. Кого интересует мнение ООН, когда США не удается провести через эту организацию нужные этой стране инициативы? На практике – никого, поскольку вторжение в Ирак в 2003 г. и признание многими западными странами Косово произошли без учета мнения этой международной организации. Расцвет пережили лишь проамериканские ВТО, МВФ, Всемирный банк. Какие негосударственные организации на слуху? Прежде всего правозащитные, и то лишь тогда, когда они не берутся критиковать США, забыв о негласно существующих правилах игры. Периодически мы слышим и об акциях экологических организаций, наподобие Гринпис, которые заставляют мировую прессу выступать с резкими обвинениями в адрес бедных стран, не имеющих финансовой возможности внедрить на предприятиях современные технологии защиты природы. Какие индивиды наиболее влиятельны? Действующие и бывшие президенты и премьер-министры США, других западных стран, богатейшие люди мира и среди них те, которых можно использовать против стран, влияние США в которых небесспорно, наподобие Б.А. Березовского. Не стоит забывать и об актерах Голливуда, из которых создано мощное средство очарования.

События августа 2008 г. наглядно доказали, что могущество национального государства вовсе не кануло в лету. Россия, защитившая своих граждан в Южной Осетии, предприняла шаги, которые известный аналитик Т. Фридман, автор нашумевшей работы о глобализации «Лексус и оливковое дерево: понимая глобализацию», охарактеризовал следующим образом: «...национальное государство, Россия, атаковало другое национальное государство, Грузию, без внимания к намерениям третьего национального государства, Соединенных Штатов. Это заставляет нас думать о реальном мировом порядке». По мнению Т. Фридмана, эта дата стала концом сложившегося после окончания холодной войны «нового мирового порядка», при создании которого предполагалось, что «все серьезные страны будут хотеть участвовать в нем, и единственная угроза может прийти со стороны стран-изгоев и негосударственных акторов, таких как Северная Корея и

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (грант № Г07М-201).

Аль-Каида. Серьезные аналитики уверяли, что конфликт между национальными государствами не будет важной чертой XXI столетия². В интерпретации Т. Фридмана важен не традиционный для многих западных аналитиков намек, что Россия стала угрозой для стабильности мира наподобие Северной Кореи и Аль-Каиды, и не попытка обвинить Россию в нападении на Грузию, что не соответствует действительности; важна констатация факта, что однополярный мир более невозможен. Россия дала отпор Грузии в ходе военного конфликта без оглядки на США, претендующих на роль глобального политического регулятора и единственного легитимного источника войн против других государств. Главная черта однополярного порядка заключается именно в том, что единственное государство способно навязать миру свою волю, в частности, предствление о том, что только оно правомочно решать, какие войны могут вестись, в том числе по его инициативе, а какие в принципе невозможны. Именно в этом заключался ознаменовавший наступление однополярного мира эпизод в 1991 г., когда Ирак был поставлен на колени после попытки захватить другое национальное государство – Кувейт – без санкции США. Если такой возможности у США более нет, то нет и самого однополярного порядка. В этом контексте уместно прозвучало сделанное 27 августа 2008 г. заявление президента Франции Н. Саркози «о кончине однополярного мира», поскольку «никакая страна не в состоянии больше диктовать свою точку зрения»³.

В силу этого вполне логично выглядит поведение США, которые пытаются заставить Россию любыми средствами подчиниться, отказавшись от признания Южной Осетии и Абхазии в качестве суверенных государств. С точки зрения американской элиты, Россия совершила несколько недопустимых проступков: ущемила интересы американского союзника Грузии, показав, что дружба с США не защищает от расплаты за авантюристические военные демарши; принялась самостоятельно разыгрывать сценарий Косово в Южной Осетии и Абхазии, что ей по сложившемуся в однополярном мире статусу не положено; показала, что национальное государство вовсе не беспомощно перед силами глобализации, развитием которых США пытаются управлять. Степень стремления поставить Россию на место, восстановив желанную однополярность, можно проиллюстрировать заявлением известного геополитика З. Бжезинского, который в данный момент является советником кандидата в президенты США Б. Обамы по внешней политике. Бжезинский сравнил политику России на Кавказе с тактикой Гитлера против Чехословакии и Сталина против Финляндии. Чтобы принудить Россию к повиновению, он предлагает США ввести санкции против России, заставив присоединиться к этому и страны Европы⁴.

Но вопрос о санкциях специфичен. Что получила Россия за 17 лет подчинения американцам в однополярном мире, чего теперь может лишиться? Пресловутая поправка Джексона – Вэника так и не была отменена, несмотря на то, что евреи, для облегчения отъезда которых из СССР она была принята, не имеют никаких проблем с эмиграцией из России в любом направлении. Современные технологии западных стран России добыть не легче, чем Китаю или Индии, а передовые советские технологии были скуплены Западом за бесценок еще в 1990-х гг. Многие ведущие российские ученые поднимают науку в западных лабораториях, в российские же лаборатории потока западных ученых не наблюдается. Бывшие союзники России по ОВД почти поголовно стали членами НАТО, несмотря на обещание Б. Клинтона этого не делать. В НАТО стремятся Украина и Грузия, что вероятно осложнит геополитические позиции России. Временное присутствие США в Центральной Азии для осуществления операции против Афганистана грозит стать постоянным. Американские и европейские компании успешно осуществляют экспансию на российском рынке, вытесняя российских производителей. Россия так и не стала членом ВТО, поэтому ее не-

возможно исключить из этой организации. Единственное «достижение» – образование так называемой «восьмерки» (G-8) из прежней «семерки» (G-7). Но «восьмерка» создавалась не с целью увеличения геополитического могущества России, а для усиления западными странами контроля за ее внешней политикой и отсечения от потенциальных союзников. Выход из «восьмерки» значительно улучшит отношения России с Китаем и Индией, которые западными странами в эту организацию намеренно включены не были, несмотря на их огромный потенциал. Поэтому смысла исключать Россию из «восьмерки» странам Запада нет. Невозможно также убедить европейские страны не покупать у России газ и нефть, чтобы наказать ее экономически. В условиях сырьевого кризиса такое поведение было бы для стран ЕС самоубийственным. Все энергоресурсы, которые западные страны откажутся покупать у России, будут с благодарностью приобретены нуждающимися в них незападными странами, экономики многих из которых развиваются быстрее западных. Несомненно, за меньшую цену, но это повлечет рост российского влияния в этих странах, что для Запада опять же нецелесообразно. На деле России даже было бы выгодно сокращение доходов от экспорта энергоресурсов, поскольку это заставило бы ее руководство задуматься о реанимации снизившегося за годы дружбы с Западом промышленного потенциала. Звучащие из уст ряда политиков Запада предложения «вышвырнуть всех русских из западных университетов» или ужесточить визовый режим эффективными никак не назовешь. Запад лишь небольшая часть стремительно глобализирующегося мира, и в нем найдется немало передовых университетов, где будут рады русским студентам, а визовые санкции против Беларуси уже доказали отсутствие всякой эффективности при применении их против национальных государств. Ответное ужесточение визового режима Россией ударит намного сильнее по западному бизнесу, видящему в России неисчислимые возможности эффективных капиталовложений.

Возможно ли было такое поведение России во второй половине 1990-х гг., когда либеральные иллюзии по поводу истинных намерений Запада в отношении России стали разделяться все меньшим количеством изрядно обнищавших за годы рыночных реформ граждан? Теоретически да, в силу того, что обладание мощнейшим ядерным арсеналом и современными средствами доставки ядерных боеголовок на территорию большинства стран Запада позволяет России иметь известную свободу действий. Нужны очень веские причины, чтобы провоцировать страну с такими военными возможностями на противостояние. В то же время военные возможности не соответствовали экономическим – Россия набрала у Запада сотни миллиардов долларов в долг, а состояние экономики, разоренной рыночными реформами, едва позволяло платить проценты, не говоря уже о возврате основной суммы долга. Ужасающим было и состояние властной вертикали – тотальная коррупция, «феодализация» губерний, тенденции к сепаратизму делали ее недееспособной. Мир был действительно однополярным, а Россия, как и подавляющее большинство других национальных государств, – послушным винтиком в машине американского доминирования.

Что же изменилось сейчас? Является ли российское выступление против интересов США на Кавказе началом воссоздания двухполярного мира по образцу времен холодной войны, в котором одну сторону вновь займут государства Запада, а другую – Россия со своими союзниками? Насколько это зависит от России – нет. Если у СССР существовали задачи геополитического доминирования на большей части Евразии, то Россия о подобном и помыслить не смеет. И не только в силу амбиций западного мира, стремящегося включить в НАТО бывшие советские республики. Основным фактором, препятствующим возможности появления подобной конфигурации мира, является подъем Китая. В Центральной Азии России и НАТО предстоит

конкурировать за влияние главным образом не между собой, а с Пекином. Население Китая превосходит население России в девять с лишним раз и неуклонно растет, в то время как население России сокращается с каждым годом. Технологический потенциал Китая уже значительно выше российского, размер экономики больше в несколько раз, а темпы экономического роста в среднем в полтора раза выше. Колоссальный демографический потенциал, выверенный как швейцарские часы неуклонный экономический подъем, обладание мощным ядерным арсеналом и успешно модернизируемой армией делает Китай единственным реальным геополитическим соперником Запада в ближайшие десятилетия. В то время как Россия пытается сохранить хотя бы остатки бывшего геополитического могущества СССР, не претендуя рационально на большое, Китай наращивает свое могущество по всему миру, используя опыт, накопленный тысячелетиями. В то время как российская политическая элита пытается сделать страну с самой большой территорией в мире частью крохотной Европы, которая Россию за «подлинную» Европу высокомерно не признает, китайцы с геополитическим размахом рассматривают весь мир как поле своей деятельности. Китай в силу численности населения и успешного вовлечения в глобализацию обречен стать всепланетным гегемоном и трудно ожидать, что он согласится подчиняться геополитическим правилам, установленным западными странами в своих интересах. Поэтому однополярный мир становится многополярным, а со временем будет трансформироваться в двухполярный (Китай и его союзники против США и их союзников).

Но, возможно, Западу удастся интегрировать Китай в западную систему координат, не оставив шансов на самостоятельные геополитические амбиции? Этому нет никаких убедительных свидетельств. Приближается четвертое десятилетие строительства китайского варианта рыночной экономики, но китайцы вестернизироваться отнюдь не спешат. Напротив, цельность и духовное богатство многотысячелетней китайской цивилизации оказывают серьезное воздействие на западную культуру. Ушу и тайцзицюань, фэншуй и китайская кухня победно шествуют по западному миру. Китайские товары захватывают потребительские рынки наиболее богатых стран, разоряя многих западных производителей, сохранивших производства на территории западного мира, не успев или не пожелав перевести их в Китай с дешевой и дисциплинированной рабочей силой. Китайские финансовые структуры концентрируют триллионы долларов, ища им применение на благо Китая. Взор обращен на каждое национальное государство, в котором китайские инвестиции смогут приумножиться. Ожидается, что в 2009 г. промышленное производство в Китае превзойдет по объемам промышленное производство на территории США впервые за сто с лишним лет доминирования Соединенных Штатов в мире по этому показателю. Будет ли это случайностью? Отнюдь нет. До 1840 г. Китай на протяжении 1800 лет уже был лидером по этому показателю. При этом примечательно, что еще в 1990 г. объем промышленного производства в Китае был в 5 с лишним раз меньше ожидаемого в 2009 г. уровня⁵. Менее чем два десятилетия понадобились Китаю, чтобы совершить этот колоссальный рывок. Следующей задачей станет становление его экономики в качестве крупнейшей в мире.

Переход от однополярности к многополярности в связи с осознанием руководством России гибельности постоянных уступок Западу возрождает возможности для реализации потенциала ранее придушенных могуществом США национальных государств. У них появляются пространство для маневра между гигантами мировой политики, возможности для создания собственных идеологий и коалиций по образцу Движения неприсоединения, созданного в разгар холодной войны между НАТО и ОВД. Свидетельства о наступлении подобных тенденций были видны и до августа 2008 г. Идеологическая оппозиция однополярному миру под контролем Запада была

предъявлена в 1990-х гг. со стороны Китая, Венесуэлы, Беларуси, Кубы, Ирана, Ливии, Югославии, Северной Кореи*. Из восьми этих национальных государств США смогли одолеть военным путем Югославию, а Ливия отступила с занимаемых позиций в страхе перед военной мощью Запада. В то же время шесть государств из восьми устояли и успешно проводят прежнюю внешнюю политику. В ближайшие же годы ряды национальных государств со схожей идеологией значительно возрастут, поскольку не будет больше необходимости подчиняться командам из Вашингтона, чтобы получить западные инвестиции или доступ на западные рынки для своих товаров, так как формируется значимая альтернатива в виде возможных незападных инвестиций (китайских, российских, арабских) и доступа на все увеличивающиеся с каждым годом рынки незападных национальных экономик.

Еще одной тенденцией станет рост влияния международных организаций, негосударственных организаций и предприятий, СМИ, индивидов, преследующих интересы незападных стран. Они будут опираться на ресурсы Китая, России, исламского мира и других критически настроенных к западному господству стран. В глобальном замкнутом мире рост их влияния на мировые процессы сможет происходить лишь за счет падения влияния западных аналогичных акторов. Поэтому предсказание Ф. Фукуямы о конце истории в связи с распространением западной либеральной идеологии после распада СССР⁶ теперь можно смело заменить предсказанием, сделанным десятилетием спустя П. Бьюкененом, который был старшим советником у трех американских президентов: «Смерть Запада... уже на подходе»⁷.

Можно заключить, что в следующие десятилетия ожидается грандиозное идеологическое и геополитическое противостояние национальных государств, поскольку трудно ожидать, что страны Запада легко откажутся от привычки управлять миром и не станут болезненно реагировать на утрату своих прежних властных прерогатив. В этом противостоянии могут образоваться самые неожиданные альянсы национальных государств, преследующих свои интересы за счет примыкания к той или иной стороне.

¹ См.: Белл Д. Эпоха разобщенности // Свободная мысль. 2006. № 6. С. 6–9; Братерский М. В. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990–2005 гг. М., 2005. С. 193–194; Рублев Г. В. Основные тенденции социально-экономического устройства современного миропорядка // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2004. № 6. С. 27; Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 109.

² Friedman G. The Real World Order // New York Times [Electronic resource]. 2008. Mode of access: http://www.stratfor.com/weekly/real_world_order. Date of access: 27.08.2008.

³ Саркози заявил о «кончине» однополярного мира / Новости@mail.ru [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://news.mail.ru/politics/1976121/>. Date of access: 27.08.2008.

⁴ См.: Connolly K. Obama adviser compares Putin to Hitler // The Guardian [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/world/2008/aug/12/georgia>. Date of access: 28.08.2008.

⁵ См.: Marsh P. China to overtake US as largest manufacturer // Financial Times [Electronic resource]. 2008. Mode of access: <http://d2cft.volantis.net/d2c/0.0?feed-article-id=2aa7a12e-6709-11dd-808f-0000779fd18c>. Date of access: 17.08.2008.

⁶ См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. М., 2006; Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London, 1993.

⁷ Buchanan P. J. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. New York, 2001.

Поступила в редакцию 29.09.08.

* Теоретически в этом контексте можно вести речь и об Ираке, но учтем, что Ирак участвовал в сопротивлении однополярному миру лишь после поражения в результате «Бури в пустыне». До этого Саддам Хусейн прекрасно чувствовал себя верным союзником США, а его война с Ираном отвечала желаниям американских политиков, стремившихся отомстить этой стране за избранный антиамериканский курс после исламской революции 1979 г.

А. П. МЕЛЬНИКОВ,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ

Освещаются вопросы коммунального управления в ФРГ. Рассматриваются общинный и районный уровни самоуправления, структура, функции представительных и исполнительных органов власти на местах. Значительное внимание уделяется четырем основным моделям местного самоуправления в этой стране.

The article deals with the questions of municipal administration in FRG. The communal and regional levels of self-governance, the structure and functions of the representative and executive bodies of government are considered. Considerable attention is paid to the four main models of local self-governance in this country.

ФРГ отличается большим разнообразием форм местного самоуправления, которое здесь отнесено к компетенции федеральных земель. С организационной точки зрения в стране принята в основном двухуровневая система коммунального самоуправления: нижний (первичный) уровень составляют общины (коммуны) и второй уровень – районное самоуправление. Причем приоритет в разграничении компетенции отдается первому уровню, а районы осуществляют местное самоуправление «только в рамках отведенной им законом компетенции»¹.

Что же представляет собой общинный уровень самоуправления? Общины имеются во всех землях, входят в состав районов и представлены городскими и сельскими коммунами, различие между которыми зачастую сводится лишь к численности населения, что не всегда совпадает с действительным характером их деятельности. Общины с числом жителей более 20 тыс. относятся к городским. В Германии 90 % сельских общин и 10 % городских².

Обязательным условием, предусмотренным конституциями всех земель, является раздельное существование представительного и исполнительного органов власти. Поэтому в коммунах имеются два органа управления:

1) муниципальное народное представительство, непосредственно избираемое жителями общины на срок от 4 до 6 лет (совет общины, собрание депутатов общины, городское собрание депутатов), принимающее решение по всем важным вопросам и контролирующее деятельность административного органа ее управления; в малых общинах роль представительного органа может играть собрание всех жителей;

2) муниципальный административный орган (исполнительная власть), подготавливающий решения народного представительства и осуществляющий их. Руководители административных органов управления (бургомистр, магистрат, директор общинного управления) избираются либо народным представительством, либо непосредственно жителями на срок от 4 до 10 лет.

В некоторых землях функции председателя представительного органа и главы администрации совпадают, в других их исполняют разные лица.

Муниципальный мандат члена представительного органа является свободным, это значит, что депутаты не связаны указаниями своей партии или избирателей.

Особый статус имеют города-земли (города-государства) – Бремен, Гамбург и Берлин. Они являются одновременно землями Федеративной Республики Германии и общинами и, как и другие земли, имеют собственные конституции.

В Германии установлен такой порядок принятия решений органами государственной власти (государственных законов, решений органов исполнительной власти и др.), который исключает нарушение интересов общин.

Основным механизмом, обеспечивающим баланс интересов общин и государства, является процедура обязательного участия представителей местной власти в принятии решений государственными органами. Эта обязательность гарантируется внутренними регламентами соответствующих органов государственной власти.

Полномочия общинных органов самоуправления достаточно широки. Они выполняют даже ряд задач общегосударственного характера: запись актов гражданского состояния, проведение выборов от общеевропейского до муниципального уровня, учет военнообязанных, выдача удостоверений личности; а также осуществляют строительный, промышленный, промысловый надзор и т. д. Однако *главное в деятельности общин – обеспечение необходимых нормальных условий жизни граждан* (снабжение питьевой водой, очистка сточных вод, уборка мусора, строительство и развитие школ, больниц и т. п.).

Если говорить более подробно, то задачи муниципального управления могут быть разделены на три группы: добровольные, обязательные и порученные. К обязательным относятся функции, устанавливаемые законодательствами земель: санитарный надзор, пожарная охрана, дорожное строительство и некоторые другие. Порученные дела не являются коммунальными и образуют так называемую делегированную сферу влияния. Речь идет о праве государственных органов давать низшим структурам управления – общинам – задания. Возложение на общину выполнения государственных функций управления в каждом конкретном случае осуществляется по законодательному акту земли, в котором урегулированы и соответствующие финансовые вопросы. К порученным делам обычно относятся полицейские функции, службы уличного движения, строительный и промысловый надзор, надзор за бездомными, учет численности населения и др. К добровольным относятся дела, которые муниципалитеты решают по своему усмотрению, например, они вправе создавать объекты социально-культурного назначения: библиотеки, местные музеи, спортивные площадки, дома престарелых. К добровольным делам законодательство относит также теплофикацию, организацию определенных хозяйственных служб, некоторые вопросы образования. Таким образом, компетенция коммунальных органов ФРГ не может быть определена как нечто постоянное: допускается значительное колебание как по видам дел, так и по объему управленческой деятельности, который имеет тенденцию к росту в сфере обязательных и порученных дел³. В настоящее время, как отмечают исследователи, общины в ФРГ берут на себя решение 75–80 % вопросов управления на территории всего государства⁴.

Более высокой степенью местного самоуправления, как уже отмечалось, выступают районы, которые определяются конституцией страны как общинные объединения. Распределение компетенции между районами и общинами осуществляется по принципу, согласно которому выходящие за местные рамки работы, которые не могут быть выполнены общинами, осуществляются главным образом районами.

Органы власти района формируются по тому же принципу, что и органы самоуправления в общинах. Населением района избирается крайстаг – главный представительный орган, который формирует коллегиальный исполнительный орган – районный комитет (крайсрат). При этом следует отметить, что деятельность по решению вопросов местного значения на территории общин имеет приоритет по отношению к компетенции органов власти районов. В компетенцию последних входят дела, касающиеся всех жителей района. Основная задача этого уровня управления, который носит смешанный общественно-государственный характер, – координация межмуниципального взаимодействия и решение совместными усилиями вопросов, выходящих за пределы возможностей отдельных общин, реализация процедуры согласования интересов общин и государства.

Районные собрания (крайстаги) избираются по разным системам в зависимости от земли: от мажоритарной системы в один тур, например в Баден-Вюртемберге, до строгой пропорциональной системы по спискам в Гессене. Срок полномочий крайстага может быть от 4 до 6 лет. Структура исполнительной власти района создается примерно по той же схеме, что и в общи-

нах, однако имеются и существенные отличия. Они связаны с тем, что в районах присутствует государственная администрация: во всех землях глава исполнительной власти района (ландрат, или районный директор) одновременно возглавляет государственную администрацию на его территории.

Ландрату принадлежит право решающего голоса при равном распределении голосов, а также право опротестования решений, принятых крайстагом. Являясь начальником всей администрации района, ландрат выполняет функции главного управляющего коммунальными делами и одновременно, как уже отмечалось, выступает в роли агента земельной администрации.

Наряду с районами, включающими несколько общин, существуют так называемые города-районы. Это крупные городские центры (более 50 тыс. жителей), которые обладают компетенциями общин и районов. Всего в Германии существует 13 854 общины (включая 82 крупных города) и 323 района с общим населением 82 млн человек⁵.

Районные коммунальные органы выполняют большинство управленческих функций, среди которых можно выделить прежде всего лицензирование автотранспорта, инспектирование строительства, местное социальное обеспечение, налоговое обложение, пенсионное обеспечение ветеранов войны. В ряде случаев на районы возлагаются обязательные функции по организации профтехучилищ, ветеринарной службы и др. Решения по многим важным вопросам, таким как внеклассное обучение взрослых и библиотечное обслуживание, работа музеев, спортивных сооружений, домов для престарелых, молодежных центров, предприятий местного транспорта, принятые на местном уровне, носят необязательный характер и ограничиваются финансовыми возможностями районов. Как видим, управленческие органы общин и районов не взаимоисключают, а дополняют друг друга⁶.

После воссоединения Германии в 1990 г. местное самоуправление в восточных землях оказалось в необычайно сложном положении, поскольку оставалось единственным институтом власти в регионе в связи с упразднением центрального правительственного аппарата вместе с окружной системой управления, служившей административным стержнем партийной и государственной структур бывшей ГДР. На районы, города и деревни лег огромный груз проблем, порожденных социальной и экономической ситуацией, возникшей в результате крушения прежних хозяйственных структур и растущей безработицы. При этом органы власти на местах еще должны были быть преобразованы, чтобы соответствовать западногерманской конституционной модели. Если в рамках государственного устройства ГДР городские и деревенские учреждения рассматривались в качестве местных органов власти, подчиняющихся централизованному партийному и государственному структурам, то в соответствии с конституционной моделью ФРГ они должны были получить право управления всеми местными делами.

Создание новой системы местного управления на территории бывшей ГДР столкнулось с большими трудностями в подборе кадров. Хотя большинство прежних коммунальных служащих Восточной Германии и раньше работали в этой же сфере, более половины из них не имели соответствующего образования, что являлось недопустимым по законам ФРГ. Лишь немногие из них «прижились» в новых условиях. В результате из-за нехватки профессионалов «плюс усвоенные некоторыми «помощниками» с Запада «замашки важных функционеров» неизбежно приводили к неправильным решениям, неудачным инвестициям, разбазариванию денег на уровне общин⁷. К нынешнему моменту все эти трудности в основном позади.

Что касается финансовой стороны деятельности органов местного самоуправления Германии, то этому вопросу придается огромное значение. Расходы местных органов власти составляют $\frac{2}{3}$ от размера федерального бюджета⁸. Типичными источниками доходов для общин являются налоги, сборы, взносы, долевыe отчисления, государственные ассигнования, доходы от собственности и продаж, а также кредиты. Собственные налоги об-

щин складываются из двух основных составляющих: поземельного налога и промыслового налога (налог на предпринимательскую деятельность и частную практику). Базой при исчислении промыслового налога служит общий доход, получаемый данным лицом (предприятием) от предпринимательской деятельности. Его сбор ограничен законодательно устанавливаемым необлагаемым минимумом дохода. Оба налога могут уплачиваться как физическими, так и юридическими лицами. Эти налоги собираются только общинами; ставка налога ежегодно устанавливается советом общины.

Закон также разрешает общинам собирать потребительские налоги и осуществлять сборы (налог на увеселительные мероприятия, сбор на право разлива спиртных напитков, сбор с владельцев собак и лошадей, лицензионный сбор за охоту, рыбную ловлю и т. д.). Кроме этого, общины получают долю от государственных налогов, подоходного налога и налога с оборота. Районы не имеют заслуживающих внимания поступлений от налогов; в значительной степени они финансируются за счет средств входящих в них общин.

Таким образом, местные власти в ФРГ обладают значительной самостоятельностью, широким кругом полномочий. Однако они не бесконтрольны: за деятельностью органов местного самоуправления следят органы государственного надзора. Они могут осматривать учреждения и объекты органов самоуправления, проводить проверку дел и кассовой наличности, а также запрашивать отчеты и дела. Граждане могут обращаться с жалобами на местное самоуправление в органы государственного надзора, которые, установив правоту гражданина, имеют право потребовать отмены или изменения соответствующего решения, в свою очередь, органы местного самоуправления могут оспорить эти требования через суд.

В отношении добровольных полномочий местного самоуправления, а также делегированных им обязательных и выполняемых по поручению государственных органов полномочий государство вправе осуществлять как правовой, так и специальный надзор. Правовой надзор, в основном через систему органов МВД и его региональные отделения, заключается в контроле за законностью принимаемых решений, специальный надзор проводится по видам полномочий. В целом же общинам и районам предоставлена «своя собственная сфера самостоятельной деятельности. Они принимают самостоятельные решения в сфере их компетенции. Контроль целесообразности со стороны государства здесь недопустим»⁹.

Обобщая все сказанное об особенностях местного самоуправления в различных землях Германии, следует отметить, что традиционно различные виды устройства власти на местах сводятся к четырем основным типам: организация власти на основе магистрата; устройство, где главной фигурой является бургомистр; северогерманский совет; южногерманская модель. Рассмотрим их подробнее.

1. *Магистратное устройство.* Эта модель действует в земле Гессен, в городах земли Шлезвиг-Гольштейн, в некоторых городах Рейнланд-Пфальца и в Бремерхафене. Она традиционно используется прежде всего в городских поселениях. Что для нее характерно? В этом случае высшим органом общины является орган представительной власти – совет, избираемый путем всеобщих и равных выборов. В земле Гессен советы избираются на 4 года, все его члены выполняют обязанности на общественных началах и не связаны наказаниями избирателей. В компетенцию представительного органа входят все вопросы, не отнесенные законом к компетенции исполнительной власти.

Из своего состава совет выбирает председателя, который готовит повестку дня и ведет заседания. Одновременно совет назначает исполнительный орган из профессиональных управленцев – магистрат. В земле Гессен член магистрата не может быть членом совета; в других землях, наоборот, магистрат избирается из состава совета. Магистрат состоит из председателя магистрата – бургомистра и его заместителей, работающих

как на общественных началах, так и на штатных должностях. Число работающих на штатных должностях не должно быть большим, нежели число работающих на общественных началах.

Магистрат назначается на период от 6 до 12 лет и является коллегиальным органом исполнительной власти, все его решения принимаются путем голосования. В сферу его компетенции входит:

- подготовка и исполнение постановлений совета;
- решение текущих хозяйственно-организационных вопросов;
- исполнение законов и распоряжений, а также указаний органов надзора;
- правовое представительство (представляет общину в отношениях с гражданами, другими органами власти, в суде);
- руководство администрацией общины;
- право опротестования незаконных решений совета.

Как уже было сказано, по представлению магистрата совет назначает бургомистра. По отношению к членам магистрата бургомистр не обладает директивными полномочиями, т. е. не является их начальником, но с его должностью связан ряд особых прав. Как глава магистрата, он председательствует на заседаниях, представляет магистрат в совете, осуществляет общее руководство и надзор за деятельностью аппарата магистрата, обладает правом решающего голоса при равном распределении голосов, может опротестовывать противоправные решения магистрата или решения, противоречащие интересам общины.

Наконец, совет может распределить между членами магистрата сферы деятельности, поручив каждому участок работы, соответствующий компетенциям общины и структуре административных служб; бургомистр также может распределить сферы деятельности между членами магистрата, но не имеет права вмешиваться в распределение, сделанное советом.

2. Бургомистерская модель. Эта модель организации местного самоуправления распространена в землях Рейнланд-Пфальц, Саар и в сельских общинах Шлезвиг-Гольштейна. В ней высшим органом также является орган представительной власти – совет, который избирается жителями общины на 5 лет. Члены совета работают на общественных началах и не связаны в своей деятельности поручениями избирателей. Совет избирает из своего состава бургомистра, который одновременно является председателем совета и главой исполнительной власти общины. Параллельно совет назначает из числа профессиональных управленцев и из собственного состава управу, в которую входит и бургомистр. Задачей управы является подготовка решений совета и руководство общинной администрацией. В ее компетенцию входит также подготовка решений городского совета по проекту бюджета, по принятию устава города, финансовое планирование, разработка перспективных планов застройки города и проектов его развития, аттестация чиновников, их прием, увольнение и т. д.

В круг обязанностей бургомистра входят:

- текущее управление;
- реализация государственных полномочий;
- опротестование противоправных решений совета;
- созыв заседаний совета общины и определение повестки дня.

Бургомистр наделен также правом самостоятельно принимать те или иные меры, если очевидна неспособность совета объективно решить вопрос по причине пристрастности более чем двух третей его членов.

Бургомистерская модель так же, как и магистратная система, может быть реализована в классической и в неклассической форме. В классической модели глава местной администрации исполняет свои обязанности как почетную миссию и как продолжение своего депутатского мандата. В неклассической глава местной администрации является, так сказать, штатным управленцем и выполняет свои полномочия на профессиональной основе.

3. *Северогерманская система совета*. Эта модель действует в землях Северный Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония. Основным органом власти выступает совет общины (города). Члены совета избираются населением и работают на общественных началах. Совет избирает из своего состава бургомистра или обер-бургомистра, который председательствует на заседаниях общины и выполняет представительские функции. Одновременно совет назначает профессионального управленца на должность так называемого директора общины или городского директора. В крупных городах совет назначает также помощников директора, за которыми иногда закрепляются определенные сферы деятельности.

В функции бургомистра как главы представительного органа – совета входит право созыва совета, председательство на его заседаниях, представительство во внешних сношениях. Он назначает место и время заседания совета, совместно с городской головой определяет повестку дня.

Как глава самоуправления бургомистр наделен полномочиями:

- проводить в жизнь решения совета по регламенту;
- удовлетворять претензии общины по отношению к городской голове в случае, если тот не выполняет своих обязанностей;
- опротестовывать решения совета, если они противоречат интересам общины, приостанавливая их действие;
- потребовать от городского головы предоставления в любое время любых сведений для ознакомления с ситуацией в вопросах, касающихся интересов общины;
- в случае необходимости вместе с еще одним членом совета принимать решения, не дожидаясь созыва совета.

В компетенцию директора общины или городского директора как главы исполнительной власти входят:

- решение текущих вопросов местного управления, которые считаются делегированными городской голове советом города;
- обязанность опротестовывать противоправные решения совета и его комитетов, выполнение решений совета;
- руководство работой аппарата и распределение поручений между его сотрудниками;
- прием и увольнение с работы чиновников и работников коммунальных служб;
- представительство общины и другие задачи, решение которых возложено на него законом.

Основной недостаток северогерманской модели местного самоуправления состоит в противоречивости и двойственности, вызванной параллельным существованием двух должностных лиц: бургомистра и городского директора. Бургомистр действует на общественных началах, но является главой местного самоуправления. Директор имеет меньшие, чем бургомистр, полномочия, но организует всю текущую работу исполнительной власти. Попыткой разрешить это противоречие является практика совмещения постов в лице работающего на профессиональной основе бургомистра города.

4. *Южногерманская модель*. Данная модель существует в Баварии, Саксонии, Баден-Вюртемберге и большинстве земель бывшей ГДР. В целом здесь повторяются характеристики бургомистерской модели, но бургомистр избирается населением путем прямых и всеобщих выборов, которые проводятся по мажоритарной системе в два тура с порогом участия во втором туре. Бургомистр совмещает функции главы исполнительной власти и председателя совета. Совет частично из своего состава, частично из чиновников формирует управу или другой коллегиальный орган с участием бургомистра, подчиняющийся ему в вопросах исполнительской деятельности и участвующий в подготовке решений совета.

Как глава исполнительной власти бургомистр обладает следующей компетенцией:

- отвечает за решение текущих вопросов управления, которые не носят принципиального характера и не предполагают значительных финансовых затрат;

- реализует полномочия государства, делегированные общине федеральным законом;
- отвечает за принятие и решение бюджетных и кадровых вопросов, если они не отнесены к компетенции совета;
- отвечает за решение вопросов, которые в государственных интересах следует хранить в тайне.

Как глава совета бургомистр выполняет следующие функции:

- исполняет обязанности председателя с правом решающего голоса;
- готовит вопросы, рассматриваемые на заседании совета;
- обладает правом самостоятельного принятия решений в неотложных случаях;
- имеет право и обязан опротестовывать незаконные решения совета и его комитетов;
- представляет общину в суде.

Бургомистр может выполнять и другие обязанности, делегированные ему советом, причем совет не может произвольно лишить его этого права. Если совет захочет решить вопрос сам, он должен сначала отозвать данное бургомистру поручение.

Как видим, система местного самоуправления в ФРГ чрезвычайно разнообразна, дифференцирована; в ней учитываются малейшие особенности региональных традиций и специфики. Все это способствует наибольшему учету интересов местного населения, удовлетворению его потребностей.

¹ Сироткин М. А. Некоторые аспекты модели местного самоуправления в Германии // Безопасность в Евразии. 2007. № 3. С. 366.

² См.: Мищенко В. В., Капустян Л. А. Зарубежная практика организации местного самоуправления // Экономика и управление. 2007. № 5. С. 80.

³ См.: Маркварт Э. Организация местного самоуправления в Германии // Муниципальное право. 2007. № 1. С. 66.

⁴ См.: Местное самоуправление: немецкий опыт // Экономика сельского хозяйства России. 2004. № 3. С. 12.

⁵ См.: Местное самоуправление в Германии // Российская муниципальная практика. 2006. № 7-8. С. 123.

⁶ Там же.

⁷ Хамидов Б. Перестройка системы местного самоуправления в Германии после воссоединения // Экономика и управление. 2006. № 1. С. 21.

⁸ См.: Циммерманн Х. Почему необходимо наличие самостоятельного местного уровня власти? // Муниципальная экономика. 2004. № 4. С. 2.

⁹ Маркварт Э. Организация местного самоуправления в Германии // Муниципальное право. 2007. № 1. С. 66.

Поступила в редакцию 13.05.08.

П. С. КАРАКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

НООСФЕРНЫЕ ИДЕИ В. И. ВЕРНАДСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Раскрывается сущность экологического сознания, его роль в становлении новых направлений в сложившихся формах общественного сознания и ориентации деятельности людей на созидание ноосферы.

Revealed are the essence of ecological consciousness and its role in both the formation of new directions in the settled forms of public consciousness and orientation of people's activities to creation of the noosphere.

Необходимость «сознательного» отношения человека к биосфере

Глобальная выраженность экологической проблемы и необходимость ее решения привлекает внимание многих ученых, политиков, религиозных и общественных деятелей. Их теоретические работы и конкретные действия, направленные на ознакомление мировой общественности с кризисным состоянием социоприродной системы и возможными путями его преодоления, получают заслуженное признание. Так, в 2007 г. Нобелевской премией мира

была отмечена многолетняя деятельность бывшего вице-президента США Э. Гора по сохранению природной среды.

Причины ее современного кризисного состояния анализируются Гором с учетом данных экологии, положений философии, социологии, психологии и других областей гуманитарного знания. Такой межпредметный подход к исследованию данной проблемы позволил вскрыть объективные и субъективные факторы ее зарождения и обострения. Обстоятельно все это отражено в книге Гора «Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух» (1993). Через все ее содержание проходит мысль, что глобальный кризис окружающей среды связан с кризисом духовным. С преодолением последнего автор связывает и успешность нормализации взаимоотношений в системе «общество – природа».

Эти мысли Гора весьма близки к биосферным и ноосферным представлениям великого русского ученого и мыслителя первой половины XX в. В.И. Вернадского (1863–1945), который обосновал ведущую роль духовного мира людей в эволюции природы (биосферы). Выявление роли духовного мира человека, его сознания в становлении гармоничных отношений общества и природы и обеспечения их совместной эволюции является одним из актуальных направлений современного научного знания. В его осуществление могут внести свой посильный вклад философы, социологи, культурологи и представители других областей гуманитарного знания.

В настоящей работе исследование заявленной проблемы осуществляется на основе биосферных и ноосферных идей Вернадского. Поскольку данные идеи анализировались и освещались в монографической работе автора (см.: Карак П.С. Философия и методология науки: В.И. Вернадский. Учение о биосфере. Мн., 2007), в настоящей статье задействованы только те положения Вернадского, которые имеют непосредственное отношение к теме предлагаемого анализа. Его реализация будет осуществляться и на основе синтеза идей представителей экологии, философии и других наук, видных религиозных и общественных деятелей, классиков художественной литературы.

В теоретических воззрениях Вернадского значительное место уделялось вопросам перехода биосферы в ноосферу. Он отмечал и факторы, от которых будет зависеть успешность данного процесса, среди которых особую роль отводил сознанию человека. В работе «Научная мысль как планетное явление» (1938) ученый писал о росте сознания в процессе социализации человека и последующем его развитии. Этот рост он связывал и с успехами человечества в осуществлении «изменений социальной обстановки, и, в частности, с ростом научного знания»¹.

У Вернадского понятие «сознание» отождествлялось с понятием «разум». Вот почему в цитируемой работе он чаще всего использует второе понятие. Разум он считал «сложной социальной структурой» и важнейшим фактором перехода биосферы в ноосферу. Именно его изменение «является основным элементом, приведшим в конце концов к превращению биосферы в ноосферу явным образом, прежде всего – созданием и ростом научного понимания окружающего»². В других своих работах ученый писал, что данный процесс – дело будущего, и подчеркивал роль разума человека. При этом он отмечал и то, что эта роль будет значимой только тогда, когда разум будет включать в себя и опираться на научные знания о биосфере и обществе.

Вернадский отмечал и то, что рост знаний приводит к усилению воздействий человека на окружающую природную среду. Изменялось и положение человека в биосфере, который, как писал Вернадский, «коренным образом изменил живую природу планеты»³, причем не в лучшую сторону. Ученый называл многие области нашей планеты (Китай, Месопотамия, Малая Азия и др.), где деятельность человека не может считаться его «культурной ра-

ботой», так как она привела к «непредвиденным» последствиям. Уничтожение естественной растительности, особенно древесной, распашка огромных территорий и другие действия людей подобного характера подрывали механизмы функционирования природных систем.

Негативное воздействие человека на природную среду обитания стало заметно проявляться в период зарождения и развития техногенной цивилизации. Вернадский подчеркивал, что в период с XV до XX в. осуществлялось «мощное влияние» на природу, хотя в это время шло все усиливающееся развитие научного знания, особенно о природе, однако свои отношения с природой человек строил на «бессознательной» основе. Такая форма отношений приводит к разрушению сложившихся в ходе эволюции биосферы равновесий и усилению разрушительных процессов в ней. Все это не может способствовать переходу биосферы в ноосферу.

Созидание ноосферы Вернадский связывал со становлением качественно иного типа отношения человека к природе – «сознательного». Обоснование необходимости его осуществления составило содержание рассматриваемой нами работы Вернадского. К данной проблеме ученый обращался и в своей последней публикации, касающейся ноосферы («Несколько слов о ноосфере», 1944). В ней он писал: «Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды»⁴. Причем меняется «резко» и не в лучшую для существования биосферы сторону. Вот почему Вернадский ставит перед человеком задачу изменить свое отношение к биосфере, обеспечить сохранение всех ее ресурсов и сложившиеся механизмы ее функционирования и эволюции.

Можно только сожалеть, что голос Вернадского не был услышан его современниками и последующими поколениями, и во второй половине XX в. продолжалось «бессознательное» отношение человека к природе. В результате стало очевидным, что это становится опасным для будущего биосферы и человека. Уже к началу 1970-х гг. видными представителями Римского клуба (Д. Медоуз, Дж. Форрестером и др.) была обоснована концепция пределов роста современной цивилизации.

Последней ставилось в вину продолжающееся бесконтрольное потребление ресурсов биосферы и ее загрязнение промышленными и другими отходами. Все это подрывало исторически сложившиеся механизмы функционирования биосферы, порождало становление пределов дальнейшего существования и развития самой биосферы и человека. Основатель Римского клуба А. Печчеи по этому поводу писал, что «*истинные пределы человеческого роста*» определяются причинами «*экологического, биологического и даже культурного характера*»⁵. Вот почему человек, считал он, должен изменить свои сложившиеся привычки, нравы и характер поведения в природе. «Только качественный скачок в человеческом мышлении и поведении, – подчеркивал Печчеи, – может помочь нам проложить новый курс, разорвав порочный круг, в котором мы оказались»⁶.

Но «качественного скачка» в мышлении и поведении человека не произошло: и в начале XXI в. человек продолжает хищнически потреблять ресурсы биосферы и во все увеличивающихся размерах засорять ее отходами своей жизнедеятельности. Обо всем этом весьма убедительно пишет активный деятель Римского клуба и основатель Будапештского клуба Э. Ласло. «Деградация окружающей среды под воздействием деятельности человека, – пишет он, – нарастает с головокружительной быстротой, отбрасывая нас от желаемого устойчивого состояния. Каждую минуту мы теряем 21 гектар тропического леса, 50 тонн плодородного слоя почвы уносится с поверхности земли ветром и 12 тысяч тонн углекислого газа поступает в атмосферу (в основном в результате сжигания 35 725 баррелей нефти, используемой в качестве промышленного и бытового топлива). Каждый час

685 гектаров плодородной суши становятся пустыней, и каждый день 250 тысяч тонн серной кислоты выпадает на землю Северного полушария в виде кислотных дождей»⁷.

В настоящее время разрушение среды обитания человека особенно заметно в Китае, где все нарастающие темпы экономического роста сопровождаются катастрофическим разрушением природной среды. В научной литературе приводятся мрачные цифры ее деградации. Так, академик РАН М.Л. Титаренко отмечает, что здесь ежегодно подвергается опустыниванию 3,4 тыс. км² сельхозугодий. Фактически опустынена пятая часть всей территории страны, что приводит к значительному уменьшению пахотных земель и пастбищ. В стране 80 % всех водоемов отравлено. Бассейны трех известных китайских рек, где проживает более половины населения страны, утратили способность к естественному воспроизводству⁸. Об угрожающих темпах загрязнения и разрушения природной среды в Китае пишут и философы этой страны⁹.

Отмеченные и другие факты негативного воздействия человека на биосферу и состояние ее процессов в начавшемся новом тысячелетии вновь поднимают важность вопроса о необходимости установления «сознательного» отношения человека к биосфере. В этом плане заслуживают внимания программные установки Будапештского клуба. Среди них особое место отводится сознанию человека в определении его судьбы, характера отношения к биосфере и ее будущего: «Решающее значение при выборе нашей судьбы имеет мышление, система ценностей и восприятие индивидуумов – словом, форма нашего сознания»¹⁰.

Э. Ласло и другие члены Будапештского клуба считают, что современной «формой нашего сознания» может быть только такое сознание, в котором фиксируется признание Земли как общей родины всех людей и их ответственности за ее сохранение для будущих поколений¹¹. Подобное сознание еще не стало массовым. Оно зарождается только «на передовом созидательном рубеже общества»¹² у тех людей, которые обращают внимание и остальных членов общества на их ответственность за будущее биосферы.

Осознание этой ответственности приводит к переосмыслению характера взаимоотношений человека с окружающей его природной средой. Оно обусловило и возрастание интересов к постижению биосферных процессов, особенностей их протекания в период нарастающей антропогенной нагрузки на биосферу. «На уровне научной деятельности, – пишет Э. Тоффлер, – это привело к появлению многих исследований, направленных на познание экологических взаимоотношений, чтобы мы могли смягчить наши столкновения с природой или направлять их по конструктивному, а не разрушительному пути. Мы начали понимать значение всеобщности и динамизма этих взаимосвязей и переосмысливать свое социальное бытие в терминах повторного использования ресурсов (рециклинг), возобновляемости и оптимального использования природных систем»¹³.

Формой выражения полученных в названных направлениях исследований знаний и ориентаций человека на решение отмеченных Тоффлером социально-экологических задач стало экологическое сознание. На рубеже XX–XXI вв. в научной и учебной литературе экологическое сознание становится предметом пристального внимания многих исследователей, что свидетельствует о важности его формирования у человека. В этом плане показательными могут быть учебники по общей биологии для учащихся средней школы, изданные в Республике Беларусь и России¹⁴. В ныне действующем Законе «Об образовании в Республике Беларусь» отмечается, что одной из целей образования является формирование экологического сознания у всех обучающихся. Все сказанное позволяет поставить вопрос: как же трактуется сущность экологического сознания в современной научной и учебной литературе?

Экологическое сознание в воззрениях современных исследователей

Идеи наличия экологического сознания в воззрениях людей стали признаваться и пропагандироваться многими исследователями проблемы взаимоотношения человека и природы еще в 1970-е гг. С этого времени и термин «экологическое сознание» начинает употребляться в научной и учебной литературе. Так, известный физик-теоретик и писатель Ф. Капра в книге «Уроки мудрости» пишет, что в это время представления об экологическом сознании появляются у многих представителей научного знания: экологического, феминистского движения и движения за мир в США, в том числе и у него самого. Для Капра экологическое сознание «есть интуитивное осознание единства всей жизни, взаимозависимости всех многочисленных ее проявлений, циклов ее изменения и трансформации»¹⁵.

Как видим, экологическое сознание у Капра не носит осознанного характера, оно есть проявление интуиции. Но последующие его собственные исследования форм связей между экономикой и экологией, знакомство с представлениями других ученых о важности учета экологических аспектов развития экономики, необходимости коренного изменения существующих промышленных технологий привели его к выводу, что «одной из важнейших задач нашего времени является разработка четкой экологической концепции для нашей экономики, наших технологий и нашей политики»¹⁶.

Осуществление отмеченных задач Капра связывает с уровнем духовного развития человека, его знаниями о взаимосвязи и взаимообусловленности природного и социального развития. Вот почему и экологическое сознание, по его мнению, является «духовным в самой своей сути». Данное положение он считает очень важным для экологии и ее сближения с восточными экологическими традициями. Именно «экология, основанная на таком духовном сознании, может стать западным эквивалентом восточных мистических традиций»¹⁷.

Для подтверждения данной мысли Капра приводит содержание своей беседы с Индирой Ганди, состоявшейся летом 1982 г. Капра пишет, что она «с большим сочувствием отнеслась к мысли о необходимости становления экологического сознания как основы нового видения реальности»¹⁸. Далее он приводит и ее собственные слова: «Я всегда была очень восприимчива к природе, близка с ней. Мне посчастливилось вырасти с сильным чувством сородственности с целостным миром живого. Растения и животные, камни и деревья были моими спутниками». Она обратила внимание Капра на древнюю традицию бережного отношения народов Индии к природе.

Однако не следует делать вывод о признании наличия экологического сознания у населения Индии в прошлое и нынешнее время. Пока такого сознания нет и у граждан других стран. Некоторые исследователи высказывают по данному вопросу иную точку зрения. Заслуживает внимания трактовка экологического сознания и причин его формирования, которую обосновывают С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин. Под экологическим сознанием они понимают *«совокупность представлений о взаимосвязях в системе “человек – природа”, существующего в обществе отношения к природе, а также соответствующих стратегий и технологий взаимодействия с ней»*¹⁹. Но названные авторами формы взаимоотношений человека и природы имели место на всех ступенях развития. Вот почему они считают, что даже на самых ранних этапах социогенеза (архаическая эпоха) у людей уже было экологическое сознание. По их утверждению, в этот период оно породилось *«высокой степенью психологической включенности человека в мир природы»*. Последующие формы экологического сознания были связаны с изменением типов отношения человека к природе.

Близкую к названной позиции развивает и философ Пекинского университета Линь Я. В ее статье не фиксируется время зарождения экологического сознания, но констатируется только наличие его современной формы и выполняемой им социальной функции: «Императивом современного экологического сознания является забота о сохранении и обретении экологического равновесия, учет глубоко и объективно понятых факторов окру-

жающей среды, знания ее внутреннего движения и характера взаимозависимости природы и человека»²⁰. Но если говорить о «современном экологическом сознании», то следует признать и существование его прошлых форм – такой вывод является вполне логичным.

Современные аспекты экологического сознания не фиксируются и в тех определениях, которые приводятся в специальных исследованиях. Так, политолог и социолог профессор Белградского университета Д. Маркович пишет, что экологическое сознание есть «*сознание, которое охватывает наши представления, способы поведения, сферу деятельности, желания и ожидания, которые касаются окружающей природной среды*»²¹. Такое сознание лишено «исторического контекста». Сформулированные Марковичем критерии экологического сознания можно отнести к сознанию людей архаической и последующих эпох человечества.

Нельзя согласиться с определением экологического сознания, которое дают авторы российского учебного пособия по курсу «Экологическое сознание» для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экология». Свое окончательное определение сущности экологического сознания они выразили в следующей формулировке: «Экологическое сознание – это отношение к природе»²². Но отношение человека к природе – одно из важнейших условий бытия человека на всех ступенях его развития.

Вызывает возражение и то определение экологического сознания, которое приводится в достаточно интересной и значимой для восприятия и осмысления современной экологической проблемы книге украинского философа Н.Н. Киселева «Мировоззрение и экология». По его утверждению, «экологическое сознание выступает как совокупный природопреобразующий опыт человечества»²³. Подобный «опыт» закреплён в установках на «покорение» и «преобразование» природы, которые получили обоснование и стали реализовываться в момент зарождения и дальнейшего развития техногенной цивилизации. Современные экологические проблемы как раз и порождены «природопреобразующим опытом человечества».

Как видим, вопросы сущности экологического сознания стали предметом внимания исследователей многих стран мира. Но анализ только определения этой формы сознания свидетельствует, что вкладываемый в него смысл весьма далек от того содержания, которое вкладывал Вернадский в выражение *сознательное отношение человека к природе*. К тому же у Вернадского *сознание* носило и конкретную историческую обусловленность. Он подчеркивал, что такое сознание – это будущая форма осмысления характера взаимоотношения человека и природы и установки на качественно новые формы поведения человека в природе и потребления ее ресурсов. Авторы процитированных здесь работ упускают из виду тот факт, что проблема экологического сознания возникает в период резкого обострения противоречий в системе «общество – природа» и в самой природе, а также в момент зарождения современного экологического кризиса и необходимости их преодоления.

Игнорирование конкретно-исторического подхода к осмыслению проблемы экологического сознания не позволило названным и другим авторам определить предмет и статус экологического сознания, его социальные функции и т. д. Отсутствие ответов на названные вопросы дезориентирует преподавателей средней и высшей школы в плане осмысления ими сущности экологического сознания, определения методических средств его формирования у учащихся и студентов. Вот почему представляется важным перейти к выяснению сущности экологического сознания.

Сущность экологического сознания

Для осуществления заявленного исследования первостепенное значение имеет обоснование формы экологического сознания. Поскольку одной из целей современного образования в Республике Беларусь является формирование экологического сознания у всех обучающихся (в школах, вузах и т. д.),

а в конечном итоге – у всего населения страны, постольку это сознание выступает в форме общественного. Какими дополнительными положениями мы можем подкрепить высказанную точку зрения?

Ими могут стать и те положения, которые будут получены при выявлении и обосновании ведущих критериев выделения экологического сознания из других форм общественного сознания. При этом самым существенным из них является предмет отражения этим сознанием. Во многих исследованиях экологического сознания подчеркивается, что именно в нем отражается природа. Наиболее четкое выражение эта точка зрения получила у авторитетного специалиста в области философии и социальной экологии – Э.В. Гирусова. Под экологическим сознанием он понимает «совокупность взглядов, теорий и эмоций, отражающих проблемы соотношения общества и природной среды в плане оптимального их решения применительно к конкретным социальным и природным возможностям»²⁴.

Какие существенные моменты фиксируются в цитируемом определении? В нем прежде всего указывается предмет отражения экологического сознания – система «природа – общество». Причем это отражение осуществляется в форме «совокупности взглядов, теорий и эмоций». Внимание обращается и на социальную функцию этого сознания, заключающуюся в оптимизации отношений общества и природы. Таким образом, анализируемое определение дается с учетом важнейших критериев разграничения форм общественного сознания. Но можно ли безоговорочно принять предложенное определение? На наш взгляд, нет. В определении экологического сознания Гирусова дан узкую трактовку предмета его отражения, не учитывает и некоторые особенности других критериев выделения данной формы сознания – все это не позволяет считать определение приемлемым для использования в учебной работе.

Личный опыт автора настоящей работы по формированию экологического сознания у студентов БГУ в процессе преподавания философии и социальной экологии позволяет дать более содержательное определение экологического сознания, предложить реальные рекомендации его формирования. Свои суждения мы будем высказывать в ходе «разбора» приведенного определения экологического сознания.

Начнем с более четкого выявления предмета отражения экологического сознания. В определении Гирусова, да и многих других авторов, в качестве такого предмета называется общество и природа. Люди, вступая в определенные связи и отношения между собой и природой, осуществляют производство необходимых для своего существования материальных благ. Это известное положение марксистской философии, которым и руководствуется Гирусов при формулировке предмета отражения экологическим сознанием, ведь отмеченные связи и отношения составляют специфическую область общественного бытия. Отсюда и делается вывод, что экологическое сознание есть форма отражения этой области бытия в соответствующих концепциях и представлениях. Против отмеченного положения автор данной работы не возражает и полностью разделяет логику рассуждений и позицию Гирусова.

Но возникает вопрос. Может ли быть предметом отражения экологическим сознанием только «соотношения общества и природной среды», или «человек – природа»? На поставленный вопрос можно дать однозначный ответ: нет! И вот почему. Современные идеи и представления о взаимоотношениях общества и природы не могут строиться без учета данных многих наук о формах связей живых организмов между собой и окружающей их природной средой, противоречивости этих взаимоотношений. Ведь известно, что взаимоотношение живого и неживого составляет суть главного противоречия биосферы. Без выявления сущности этого противоречия нельзя понять процессы самоорганизации и развития биосферы, механизмы ее устойчивости. Человек ведь тоже является компонентом биосферы, а в настоящее время – и ее ведущим структурным образованием.

На все это обращал внимание будущих исследователей проблемы перехода биосферы в ноосферу Вернадский. В своей последней прижизненной публикации он писал: «До сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи, сознательно не считаются с законами природы биосферы – той земной оболочкой, где может только существовать жизнь. Стихийно человек от нее не отделим. И эта неразрывность только теперь начинает перед нами точно выясняться»²⁵. Закономерности организации и эволюции биосферы, «неразрывность» человека и биосферы следует фиксировать и при определении предмета отражения экологического сознания. Но и знания обо всем этом должны стать элементом этого сознания и фиксироваться в нем. Вот почему следует обратить внимание и на форму его отражения. Данный аспект является одним из критериев разграничения форм общественного сознания.

В формах отражения любого вида общественного сознания фиксируются те знания, которые получает человек в процессе познания предмета своего исследования. Поскольку предметом отражения экологическим сознанием является биосфера, особенности ее структурной организации и развития, место и роль человека в ее процессах, постольку и полученные обо всем этом знания будут являться формой экологического сознания. Знания о взаимоотношениях микроорганизмов, растений и животных между собой и окружающей средой, а также человека и общества с миром живой и неживой природы отражаются в специфических понятиях, теориях и концепциях экологии микроорганизмов, экологии растений, экологии животных, экологии популяций, экологии человека, социальной экологии и других научных дисциплин. Эти понятия, теории и концепции являются субстанциональной основой экологического сознания.

Несомненно, что такой основой выступает и биогеохимическая концепция биосферы Вернадского, его учение о переходе биосферы в ноосферу. Нельзя не учитывать и концепцию устойчивого развития, коэволюционную парадигму в науке и культуре и др.

Существенным критерием выделения экологического сознания может быть признание его особого социального предназначения, наличие у него специфичной социальной функции. Гиросов эту функцию экологического сознания видит в его служении «оптимальному решению» проблем соотношения общества и природной среды. Но это соотношение будет возможным только в процессе осуществления человеком и обществом рационального природопользования. Природопользование и есть форма выражения взаимодействия общества с природой и может быть рациональным и нерациональным. В настоящее время оно осуществляется в нерациональной форме, что и является причиной современного экологического кризиса. Выход из него видится в ориентации общества на рациональное природопользование, особенно это касается живых ресурсов биосферы. Рациональной формой потребления будет *такое их использование, при котором человек и общество получают необходимые для своего существования материальные и другие блага, поддерживая существующее биоразнообразие и повышая продуктивность живых организмов.*

Сегодня важно определить рациональные формы потребления биокосных и других структурных компонентов биосферы. В силу этого в определении экологического сознания нужно учитывать не всякое взаимодействие человека и общества с природой, а рациональное. Данное положение не всегда фиксируется в определениях экологического сознания. Так, В.И. Медведев и А.А. Алдашева в экологическом сознании видят «*систему, сформированную для решения задач установления, стабилизации или изменения взаимоотношений с природой и ее объектами, возникающих в процессе удовлетворения человеком своих потребностей*»²⁶. Для их удовлетворения человек зачастую хищнически потребляет ресурсы приро-

ды. Экологическое сознание формируется не для того, чтобы ориентировать человека на нерациональные формы потребления. В этой связи предложенное цитируемое определение экологического сознания не может считаться научным. Только в обеспечении рационального природопользования следует видеть основную социальную функцию экологического сознания.

Данная функция экологического сознания обуславливает постановку вопроса об особенностях его формирования. Осуществление рационального природопользования возможно только при овладении специалистами, руководителями предприятий и учреждений, министерств и ведомств, населением страны экологическими знаниями, их желанием и умением качественно изменить свое отношение к природе, что возможно только в процессе целенаправленного обучения и воспитания экологического сознания. В настоящее время вопросы экологического образования и воспитания находят свое выражение в социальной политике развитых стран мира. Они закреплены в национальных стратегиях устойчивого развития Республики Беларусь, России, США и многих других стран мира. Поскольку в процесс образования включается все население, постольку мы ведем речь об общественной форме экологического сознания.

Таким образом, экологическое сознание имеет свой предмет и формы отражения. Оно выполняет специфическую социальную функцию – выступает фактором, обеспечивающим рациональные взаимоотношения человека с природой, и формируется в процессе особой организации учебного и воспитательного процесса. Другими словами, мы имеем все необходимые методологические основания для выделения экологического сознания в качестве отдельной формы общественного сознания. Его можно определить как *совокупность развивающихся идей и представлений о взаимосвязях в системе «общество – природа» и в самой природе и ориентирующих общество на рациональные формы природопользования*. Именно такая форма сознания должна определять отношение людей к окружающей их природной среде. При формировании у людей такого сознания будет воплощаться и идея Вернадского о возможности их «сознательного» отношения к биосфере и «включения» в созидание ноосферы.

Структура экологического сознания

Дальнейшее постижение сущности экологического сознания предполагает выделение его основных элементов и раскрытие их взаимосвязи. Экологическое сознание, как и все другие формы сознания, имеет свою структурную организацию. В ней особое место занимают *экологические знания*, являющиеся главным структурным элементом экологического сознания, его ядром. Эти знания выступают способом существования экологического сознания, его субстанциональной основой. Наличие или отсутствие у человека экологических знаний в значительной мере определяет характер его поведения в природе и способ технологической деятельности. В силу сказанного в определение экологического сознания нами введено положение – «совокупность развивающихся идей и представлений». Вот почему и процесс формирования экологического сознания следует начинать с приобщения человека с самых ранних лет его жизни к экологическим знаниям, особенно это касается школьного периода обучения.

Следующим важным элементом экологического сознания человека выступают его *убеждения*. Ведь то или иное отношение человека к природе определяется уровнем его убеждений. В убеждениях фиксируется устойчивость знаний человека, необходимость осуществлять свое поведение и деятельность в соответствии с полученными научными знаниями. В экологических убеждениях выражается уверенность в необходимости осуществления рациональных форм природопользования и недопустимость углубления экологического кризиса. В настоящее время в системе убеждений человека должны иметь место идеи ноосферного будущего биосферы и

общества. Ноосферные представления становятся фактором целенаправленного поведения и деятельности человека в области осмысления существующей реальности и собственной деятельности. Эту сторону ноосферных идей подчеркивал и Вернадский. Ноосфера, писал он, «является основным регулятором моего понимания окружающего»²⁷. Концепция ноосферы занимала существенное место в его мировоззрении. Она определяла и стратегию научной деятельности выдающегося ученого в последние годы его жизни.

Его уверенность в неизбежности перехода биосферы в ноосферу не была подорвана и начавшейся Второй мировой войной и нападением фашистской Германии на СССР. 9 июля 1941 г. в письме к геохимику К.К. Жирову Вернадский писал: «Я уверен, что попытка Гитлера повернуть естественнoисторический процесс ноосферы безнадежна»²⁸. Уверенность в «надежности» данного процесса Вернадский подтверждает в это же время и в письме к своему ученику и соратнику Б.Л. Личкову: «Я смотрю в ближайшее будущее – в создание “ноосферы” – очень оптимистично, но это не фатализм, а эмпирический вывод»²⁹.

Эту убежденность он выразил и в своей последней публикации. В ней вновь звучит оптимистическая уверенность в неизбежности становления ноосферы, отмечается значение сознательной деятельности людей, демократических форм правления в обществе как факторов созидания ноосферы. Эти мысли завершаются выводом: «Можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим»³⁰. Отмеченные и другие положения, высказанные Вернадским, следует использовать и в учебной работе с учащимися и студентами. Уверенность в необходимости созидания ноосферы должна стать существенным элементом экологического сознания личности, ее убеждением.

В структуре экологического сознания существенное место занимает *воля*, она направляет человека на те формы деятельности, которые имеют для него ценностное значение. Наличие воли есть свидетельство осознания человеком ценности природы, важности ее сохранения. Когда все это становится элементом сознания, то и действия человека будут направляться на осуществление рациональных форм природопользования и созидание ноосферы.

На роль воли людей в переходе биосферы в ноосферу обращал внимание и Вернадский. В письме Б.Л. Личкову от 1 ноября 1940 г. он писал: «Образование ноосферы *вне* воли людей и не может быть оставлено *человеческой историей*: оно *следствие* неизбежного полного заселения *всей* планеты»³¹. В этих словах фиксируется значение воли всех жителей нашей планеты в данном процессе.

При исследовании обсуждаемой проблемы нельзя забывать и об *эмоциональной стороне* экологического сознания. В эмоциях человека отражается характер переживания им происходящих в природе процессов, дается оценка его взаимоотношений с окружающей природой. Эмоции выступают и фактором, который организует и направляет действия человека; они играют существенную роль и в формировании соответствующих программ поведения человека в природе. Вот почему формирование эмоционального отношения к природе есть важнейшая задача экологического образования и воспитания.

Когда эмоции человека приобретают устойчивый характер, они становятся его *чувствами*. Сформировавшиеся чувства выражают стабильное отношение к окружающей природной и социальной среде. В этом состоянии они начинают влиять на динамику и содержание породивших их эмоций, повышение их осознанности и формировать соответствующее поведение человека по отношению к тем факторам, которые вызывают его эмоции.

Отмеченное нужно иметь в виду всем тем, кто причастен к экологическому образованию и воспитанию. Формирование экологических эмоций и чувств приобретает в настоящее время особое значение.

Для обеспечения рациональных форм природопользования и перехода биосферы в ноосферу нужны не только глубокие экологические знания и убеждения, но и волевая и эмоциональная настроенность людей на активное участие в данных процессах. Полученные экологические знания важно уметь применить на практике. Знания и воля должны прежде всего воплощаться в конкретных формах деятельности человека (посадка лесов, уход за посевами, разработка и внедрение в производство биологизированных и экологизированных технологий и т. д.). Вот почему *практические навыки и умения строить разумные формы взаимоотношений человека и природы* есть важнейший элемент экологического сознания.

Выделенные элементы экологического сознания не изолированы друг от друга, они тесно связаны между собой. Именно сочетание экологических знаний, эмоций и чувств, убеждений и навыков рационального природопользования у отдельного человека и больших групп людей составляет сущность экологического сознания. Задача по его формированию может быть решена путем овладения всеми учащимися и студентами экологическими знаниями, превращения их в убеждения и умения практически осуществлять рациональные формы природопользования. Для выполнения этих целей соответствующим образом должен организовываться и реализовываться учебный процесс.

¹ Вернадский В. И. О науке. Дубна, 1997. Т. 1. С. 441.

² Там же. С. 441–442.

³ Там же. С. 452.

⁴ Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М., 2000. С. 314.

⁵ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 155.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Ласло Э. Макросдвиг [К устойчивости мира курсом перемен]. М., 2004. С. 42.

⁸ См.: Титаренко М. Л. Новый этап реформ в КНР // Вестн. РАН. 2006. № 12. С. 1133.

⁹ См.: Линь Я. Человек и окружающая среда: динамика взаимных изменений // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1996. № 5. С. 15.

¹⁰ Будапештский клуб // Ласло Э. Макросдвиг [К устойчивости мира курсом перемен]. М., 2004. С. 199.

¹¹ См.: Ласло Э. Указ. соч. С. 120, 166, 182, 186.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 467.

¹⁴ См.: Общая биология: Учеб. для 10–11 кл. сред. шк. М., 1993. С. 254–255; Общая биология: Учеб. пособие для 11 кл. сред. шк. Мн., 2002. С. 258–259.

¹⁵ Капра Ф. Уроки мудрости. М., 1996. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 239.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 310.

¹⁹ Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Вперед, к Природе! Слагаемые экологического сознания // Экология и жизнь. 2006. № 9. С. 12.

²⁰ Линь Я. Человек и окружающая среда. С. 19.

²¹ Маркович Д. Ж. Социальная экология. М., 1997. С. 330.

²² Медведев В. И., Алдашева А. А. Экологическое сознание. М., 2001. С. 29.

²³ Киселев Н. Н. Мировоззрение и экология. Киев, 1990. С. 127.

²⁴ Гирусов Э. В. От экологического знания к экологическому сознанию // Взаимодействие общества и природы. М., 1986. С. 150.

²⁵ Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. С. 309.

²⁶ Медведев В. И., Алдашева А. А. Указ. соч. С. 25.

²⁷ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989. С. 232.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. С. 315.

³¹ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. С. 230.

Поступила в редакцию 16.04.08.

Ж.М. ГРИЦЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ЛАБИРИНТАХ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Рассматривается концептуализация общественного мнения как предметной и объектной стороны социологии. Критической рефлексии подвергаются принципы монистического подхода к пониманию и трансляции сущности феномена общественного мнения, отстаиваются методологические принципы его субъектной и объектной плюралистичности, а также специфики позиционирования в структуре категорий общественного и массового сознания.

The conceptualization of public opinion as part of the object and subject of sociology is spoken about. The principles of the monistic approach to understanding and translating the essence of public opinion are given a critical reflection to. The methodological principles of its subject-object plurality as well as its specificity of positioning in the structure of categories of public and mass consciousness are given grounds for.

Мировое социологическое сообщество обсуждает проблему контекстуальности как центральную в методологии социальных наук. Речь, собственно, идет о содержательной плюралистичности глобализирующегося мира и необходимости учета конкретных последствий данного процесса для отдельных стран (их культурно-исторической специфики), в особенности в методическом обеспечении социологических сравнительных исследований¹.

Справедливости ради надо признать, что современные тенденции в самой социологии отмечены не менее выраженным концептуальным плюрализмом. Из ряда известных сегодня достаточно назвать лишь три социологические парадигмы – социология повседневности, социология риска, социология жизни, чтобы убедиться в том, что проблема методологической контекстуальности существует в самой социологии, так как каждое из названных направлений эксплицирует свое прочтение предмета и объекта социологического познания, свой категориальный аппарат, осуществляет свою специфическую акцентировку на актуальных закономерностях общественного развития. Все представлялось бы вполне логичным, если бы названные направления замыкались в рамках теорий среднего уровня и не касались социологии в целом.

Однако так происходит не всегда, и объективированные в ряде случаев заявки на теоретическое переосмысление принятых за аксиому постулатов, возможно, стимулируют к поиску той самой истины, которая, собственно, и является критерием научного познания. В этой связи обращает на себя внимание последняя из опубликованных в нашем профессиональном журнале статья мэтра российской социологии Ж.Т. Тощенко, в которой предметная выраженность социологии как науки связана с изучением общественного сознания и поведения людей².

Очевидно, что фокусировка сделана на субъективной, а еще точнее – на интересубъективной определенности предмета социологии. Ибо, что для социолога есть общественное сознание в своей непосредственной данности, как не объективированный в результатах исследования актуальный срез мнений населения (а точнее, его определенных групп, слоев, сегментов) по существу тех или иных проблемных аспектов социальной реальности? Как раз это и позволяет, помимо прочего, углубить понимание категории «общественное мнение» в контексте социологического познания, усилив ее

смысловую акцентировку не на инструментальной, а на концептуальной ценности. Впрочем, оба значения не исключают, а, напротив, дополняют друг друга: инструментально, потому что концептуально, и концептуально, потому что инструментально.

Замечу, что для социолога общественное мнение концептуально существует в двух ипостасях: предметной и объектной. Последнее подтверждает данное эссе, представляющее собой попытку осмыслить феномен общественного мнения как объект научного познания. Кстати говоря, представленный в социологии во всей полноте своей эмпирической вариативности: от проблем социологии семьи, религии, искусства до социологии политики, экономики, образования и других аспектов проблемного социального поля. Если задаться целью и поднять отечественную базу эмпирических данных, то легко убедиться, что по меньшей мере на 80 % имеющийся эмпирический арсенал инструментально обеспечивался различного рода опросами (анкетный, интервью и пр.). А по своей функционально-инструментальной направленности опросы независимо от их тематического сюжета стимулируют респондента на суждения оценочного характера, что есть не что иное, как мнения по существу оцениваемого объекта.

Другими словами, **предметная** выраженность общественного мнения (в контексте социологии) связана с тем, что последнее выступает для социолога как **своеобразный угол зрения, матрица**, социологический **габитус** видения и прочтения социальной реальности массовым сознанием.

Справедливости ради замечу, что факт субъективного переживания социальной реальности как феномен сознания не менее объективен, чем сама социальная реальность. А для социолога именно данный социальный факт как раз и является первостепенной реальностью, ибо в конечном счете, соответствуя классическому «как кому кажется, так оно и есть», не исключено, что именно данные факты самоощущения, переживания, самооценки как раз и станут мощным мотивом дальнейшего социального действия или поведения. Возьмем, к примеру, диаметрально противоположное разночтение между общественным мнением и данными статистики (как объективной количественной параметризации социума) в вопросе удельного веса среднего класса.

Практика социологических опросов убеждает в том, что мера самоидентификации респондентами себя как среднего класса (в отдельных случаях достигающая 62 % в зависимости от ситуации) значительно превосходит ту, которая обозначена в нашей статистической базе (около 20 %). Какой из этих двух научных фактов (социологический или статистический) уязвим с точки зрения своей достоверности? Никакой. Либо, напротив, оба. Но с оговоркой, что социологический факт уязвим своей субъективной объективностью в случае, например, недостоверности полученного результата, транслирующего искаженную или ложную оценку массовым сознанием того или иного объекта восприятия.

Уязвимость факта статистического, напротив, может быть выражена через объективную субъективность. Статистику формируют люди, которым свойственно ошибаться (в критериях, параметрах, их сборе и обработке и т. п.), поэтому объективность статистики может быть с «налетом» выраженного субъективизма. С методологической точки зрения для нас в этом сравнении статистических и социологических данных принципиально лишь одно: их предметная разноплановость, если не сказать противоположность. Объективность социологических данных в их субъективной достоверности. Это последнее выступает для социолога абсолютной и неопровержимой реальностью. Потому не исключено, что завтра «сработает» именно социологический факт (62 %), объективируя себя в итогах избирательной кампании: народ выберет того политического лидера, стратегическая линия которого обеспечила ему такое оптимистическое самоощущение. И формальная ста-

тика здесь окажется абсолютно не у дел. Так оно, собственно, и происходит в случае, например, с феноменом А.Г. Лукашенко, алгоритм успеха которого в общественном мнении связан, помимо прочего, и с данным, вполне осязаемым и реально-оптимистичным для массового сознания фактом.

Потому социология, имея дело с интерсубъективной определенностью социальной действительности, тем и ценна, что вооружена знанием актуального содержания общественного сознания в его конкретном преломлении в общественном мнении по поводу многоаспектной социальной реальности.

Даже демографический блок любой социологической анкеты, несмотря на его ориентацию на снятие «объективки», не исключает наверняка возможности получить в итоге набор субъективных точек зрения. Может ли социолог отказать в праве женщине-респонденту отметить свои возрастные параметры не по паспортным данным, а по психологическим самоощущениям или просто желанию скрыть истинное положение вещей? А где гарантии того, что все полученные ответы абсолютно искренни? Поэтому если и можно обвинить социологию в оперировании артефактами, то не в силу субъективности полученных результатов, а по причине их возможной недостоверности. И коль скоро мы стали обсуждать проблемы социологического образования на страницах своего профессионального журнала, то надо признать, что первостепенная наша задача – внедрить в сознание студентов истину о субъективности той реальности, с которой будет связана его профессиональная деятельность и абстрагироваться от которой он не сможет и не имеет права в силу специфики предмета социологии. Другое дело, что методически грамотно решать проблемы валидности исследовательского процесса на всех его этапах (от валидности инструментария до валидности полученного результата в его субъективной версии прочтения своего проблемного поля) и далее постигать онтологию окружающего его мира мнений, подключая для этого весь арсенал средств понимающей социологии, – вот это все и есть реальная перспектива его социологической деятельности.

Обозначенные концептуальные рамки общественного мнения в контексте социологического научного познания требуют методологической проработки целого ряда категорий, прежде всего содержательной дифференциации категорий «общественное сознание», «массовое сознание» и «общественное мнение». Отметим сразу, что они расположены по мере убывания их объема. Самое широкое по содержанию «общественное сознание» традиционно представлено следующими основными формами: экономика, политика, право, искусство, наука, религия, мораль. Понятно, что массовому (т. е. обыденному) сознанию подвластна лишь часть из перечисленного. По меньшей мере сфера науки как органичная часть общественного сознания может быть полностью исключена из области оценок массовым сознанием ввиду ограниченности порога его компетентности. Что касается общественного мнения, то в сравнении с массовым сознанием его объектная ограниченность будет еще более выразительна ввиду подключения целого ряда факторов воздействия – информированности, интереса, компетентности. Иными словами, массовое сознание, объективно присутствуя в широком поле интересов общественного сознания как его органичная составляющая, может вовсе не иметь мнения по существу интересующего социолога объекта интереса.

Символично, что предметная направленность социологических исследований охватывает практически все из перечисленных содержательных сфер общественного сознания. Однако обязательное присутствие в социологическом инструментарии альтернативы «затрудняюсь ответить» четко разграничивает количественные пределы наличествующего мнения по вопросу, демонстрируя тем самым объектную ограниченность общественного мне-

ния, не говоря уже о том, что факт наличия мнения еще не гарантия его значимости как таковой.

Таким образом, с формально-логической точки зрения содержательное соотношение анализируемых категорий (общественное сознание, массовое сознание и общественное мнение) может быть отражено кругами Эллера, где самое узкое из них – общественное мнение – позиционируется как часть массового сознания, именно та его часть, которая способна продуцировать мнение.

Все эти замечания получили подробное описание в известных методологических постулатах П. Бурдьё, для которого важность объектной ограниченности общественного мнения порогом компетентности носила настолько принципиальный характер, что выразилась в эпатажном тезисе: «Общественного мнения не существует». Очевидно, что, оценивая концептуальную нагруженность категории «общественное мнение» именно как предметно-объектный контекст социологии, мэтр французской социологии предупреждает о том, что производство мнения не является процессом, общедоступным для массового сознания, как, впрочем, и для самого исследователя в плане его воспроизводства. В последнем случае речь идет о социальной значимости полученного социологом результата, а также о правомерности постановки сформулированного исследователем вопроса³.

Думаю, что та настороженность, с которой социологи подходят к проблеме социологической концептуализации общественного мнения, выталкивая его на периферию методологии науки, рассматривая преимущественно как частный случай исследовательского интереса, в решающей мере обусловлена проблемой субъекта общественного мнения, которая до настоящего времени остается дискуссионной.

Сегодня, как никогда ранее, очевидна правомерность плюралистического подхода. А это означает лишь то, что количественно-качественные характеристики субъекта общественного мнения отошли на периферийный план с точки зрения своей обязательности как атрибутов субъектного статуса выраженного мнения. Таковыми они являлись в монистической парадигме, традиционной для отечественной социологии в прошлый (доперестроечный) период ее функционирования⁴. Сегодня ни количественный (большинство населения), ни качественный (мера продвинутости) критерии не играют принципиальной роли в статусном позиционировании мнения как общественного по определению.

С одной стороны, понятно, что в многообразии высказанных мнений, инспирированных декларируемыми демократизацией, гласностью, открытостью и т. п., большинства может просто не быть. Например, получили широкую известность данные расстановки политических сил в Республике Беларусь, которые были актуальны на протяжении целого десятилетия. Президент имел поддержку в среднем – 42 %, оппозиция – 16 %, не поддерживали никого 38 %, затруднились в определении своей позиции 4 %⁵.

С другой стороны, очевидно, что в представленном эмпирическом срезе можно констатировать лишь сравнительное большинство (42 %). Для традиционной в рамках отечественной социологии монистической парадигмы, где лишь доминирующее большинство получало статус субъекта общественного мнения, приведенные данные проблематичны с точки зрения субъектной статусной определенности. Вывод о том, что проиллюстрированные данные могут служить достаточным основанием для утверждения, что общественное мнение в приведенном примере не сформировалось в связи с отсутствием доминирующего большинства, представляется тупиковым ввиду константности тенденции на протяжении солидного временного интервала (более десяти лет).

Аналогично качественные параметры мнения, прописанные в монистической парадигме как остросюжетный социально значимый политический план, также требуют коррекции.

Всегда возникает вопрос: где критерии социальной значимости измеряемой посредством опросов проблемы? И что сегодня более важно: стратегический политический курс государства или реальные последствия терроризма? Или, скажем, работа городского транспорта? Хотя и банальный сюжет, но вполне реальный как с точки зрения повседневного существования, так и с точки зрения возможности обозначить конкретность общественного мнения по существу проблемы.

Куда менее реальным представляется локализация на страницах социологического инструментария общественного мнения по перспективам экономической стратегии государства или рейтинга политических партий. Первое, хотя и отмечено чрезвычайной важностью, все же нужно признать, находится вне порога компетентности массового сознания и, следовательно, общественного мнения. Здесь и экспертное мнение, скажем Гайдара с Чубайсом, мало что значило, как показала практика. Второе вообще за рамками интереса массового сознания, озабоченного «наличием рубля в кармане» и стремлением просто выжить в это трудное время социальных трансформаций. Все наши политические партии, застывшие на этапе агрегации и невнятности своих интересов, ограниченных элитарными притязаниями, оказались вне сферы интересов массового сознания. И тем не менее мы часто транслируем его, осуществляя тем самым элементарный акт символического насилия над теми, кто сидит по ту сторону телевизионного экрана.

Впрочем, наша исследовательская логика очевидна: коль скоро опрос проведен и мнения объективированы в количественных величинах, за которыми стоят немалые финансовые издержки, то почему бы не предать их гласности? Тем более что результаты количественных методик, на которых в основном и базируются данные массовых опросов, очень эффективны с точки зрения регистрации социальных фактов, отражающих тенденции и закономерности, чего, кстати, и ожидают от социолога. А вопрос о качественных параметрах эмпирически фиксируемого среза общественного мнения, его значимости/незначимости остается как бы за кадром, на совести исследователя. Честно говоря, мы по-прежнему редко задумываемся о природе незрелости общественного мнения, его очевидной амбивалентности, правомерности заданных вопросов, сюжетов, валидности полученных результатов.

Таким образом, качественная определенность высказанного мнения никак не может быть критерием статусных характеристик мнения: считать ли его общественным или просто мнением, полученным в ходе социологического опроса. Мнение любой группы, которое, по сути, есть **объективированное оценочное суждение** в рамках субъект-объектных отношений, невзирая на свои количественные и качественные характеристики, может быть классифицировано как мнение общественное, даже если его разделяют всего 4 % опрошенных. Более того, согласно авторитетному мнению П. Бурдые, если эти 4 % опрошенных «выпали в осадок», аккумулируя потенциал неопределенности своего мнения в традиционной для социологического инструментария альтернативе «затрудняюсь ответить», последнее еще ничего не говорит о качественной стороне вопроса. Как раз наоборот: за этим сознательным «уходом» от конкретики ответа может стоять более значимое для оценки общественного мнения содержание⁶. Например, чувство социального страха, вполне закономерное в ответах на опросы по политическим сюжетам. Не случайно по удельному весу не определившихся в своих ответах респондентов можно судить не только о пороге их компетентности, но и о мере их настороженности по отношению к инспирируемой нами искренности ответов. Практической социологии хорошо известны примеры, когда обострение политической ситуации в обществе автоматически

повышало массив респондентов, затруднившихся в определении своего мнения по существу политического сюжета. Поэтому проблема реактивности социологического инструментария особенно остро стоит именно в политической социологии. Одновременно социологические опросы в контексте таких социальных сфер, как семья, любовь, мораль, образование и воспитание детей, гендерная проблематика, в меньшей степени подвержены последствиям неопределенности полученных результатов. Здесь срабатывает как наличие практически у каждого опыта, закономерно повышающего порог компетентности массового сознания, так и относительно меньшее влияние фактора социального напряжения по поводу последствий за высказанное мнение.

В такой плюралистической трактовке субъекта общественного мнения весь арсенал эмпирических данных, предопределяющих становление любой теории среднего уровня, а также ее дальнейшее развитие, представляет собой объективный срез общественного мнения с предельно широкой объектной направленностью. Практически каждая социологическая теория среднего уровня, имея свой собственный объект изучения, в своей предметной плоскости будет иметь общую для всех контекстуальность – оценку своего объекта с позиции его восприятия различными слоями и группами населения, а следовательно, общественным мнением как органичным конструктом общественного сознания.

Например, социология политики в своей предметной направленности ориентирована на восприятие и оценку гражданским обществом объекта власти и ее функции – политики⁷. Именно поэтому социологию политики, в отличие от политологии, можно определить как критическую рефлексию социологической практики, так как общественное мнение как социальный институт аккумулирует в себе огромный рефлексивный потенциал, в том числе и критический, более того, осуществляет контроль над составом политических элит общества.

Таким образом, обозначенная в настоящем эссе методологическая контекстуальность состоит в необходимости достижения консенсуса в научном дискурсе относительно концептуализации феномена общественного мнения как **сущностной**, в первую очередь **предметной**, стороны социологии.

Мотивированный исключительно желанием быть понятым, автор эссе не боится довести идею до очевидного абсурда, утверждая, что единственно, с чем имеет дело социолог в своей повседневной практике, так это с миром мнений. При этом совершенно безразлично, является ли это мнение продвинутым или, напротив, – незрелым. Куда более принципиально для социолога искренность высказанного мнения. Этот мир мнений о мире, в глубинных лабиринтах которого позиционирует себя социология, является для нее первостепенной реальностью. Ее интерсубъективная качественная определенность как раз и отражает ценность социологии как науки, так как задает, несмотря ни на что, реальные перспективы движения общества. В конечном итоге именно общественное мнение, а ничто иное определило в августе 1994 г. перспективы развития нашей страны на десятилетия. Сегодня мы можем сколько угодно спорить о его продвинутости, компетентности, искренности, но найти аргументы, которые могли бы поставить под сомнение факт его достоверности и абсолютной реальности, невозможно.

Предвидя возможные нарекания в чрезвычайно узкой трактовке предметного аспекта социологии, сведенного, по существу, к общественному мнению, хочу заметить, что не все так просто, как может показаться. Здесь обозначен лишь один из предметных аспектов социологии, хотя и, безусловно, сущностный.

При этом нельзя сбрасывать со счетов лишь упомянутые объяснительные принципы понимающей социологии, в задачу которой входит интерпре-

тация онтологии (природы) выраженных закономерностей массового сознания. Последнее, будучи частью более объемного содержания общественно-го сознания, конечно же, не может быть понято адекватно вне комплексного подхода к его анализу и учета, если не всех, то многих тенденций общественного сознания в целом, а вместе с тем и отраженных в них закономерностей современного бытия. Как, например, объяснить причину выраженного оптимизма наших граждан в завышенных самооценках своего материального уровня как соответствующего стандартам «среднего класса» вне разрешающего наше понимание потенциала экономического сознания и современных тенденций экономического мышления, что, в свою очередь, увязано в единый смысловой блок с уровнем экономического развития общества? Не говоря уже о традиционных для отечественного общественного сознания стереотипах, привычно оценивающих свое личное экономическое положение путем сравнения с положением своего соседа, когда кажущаяся проигрышность его уровня закономерно позиционирует меня в собственном мнении на порядок выше, что вполне может соответствовать в моем определении «среднему классу». И тем не менее эта **реальность** собственных самоощущений становится **реальностью социальной**, ибо не ограничивается рамками **индивидуального** сознания. Приобретая черты типичности, она распространяется, если не на общество в целом, то наверняка на один из его сегментов, транслируя **плюралистичную субъектность** общественного мнения. Приоритетность диспозиции социолога в научном мире в том и состоит, что он об этом знает. Ибо это – специфика его предмета.

¹ См.: Кравченко С. А. К итогам VIII Конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. 2008. № 2; Титаренко Л. Г. Актуальные теоретико-методологические проблемы социологии. К итогам 38-го конгресса Международного института социологии // Социология. 2008. № 2.

² См.: Тощенко Ж. Т. Чему учить социолога и с чего начинать // Социология. 2008. № 2.

³ См.: Бурдые П. Общественное мнение не существует. Эссе // Социология политики. М., 1993.

⁴ См., например: Социология: Учеб. пособие для студентов вузов / Под общ. ред. проф. А. Н. Елсукова. М., 2003. С. 419.

⁵ См.: Грищенко Ж. М. Онтология успеха и поражения // Социс. 1998. № 9.

⁶ См.: Бурдые П. Указ. соч.

⁷ См.: Тощенко Ж. Т. Политическая социология: Учеб. М., 2002. С. 6–16.

Поступила в редакцию 12.08.08.

Л.А. ГУЦАЛЕНКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

ТЕРРОРИЗМ: КТО ЕГО «РОДИТЕЛИ» И «ДЕТИ»?

Рассматриваются истоки, предпосылки и проявления терроризма как наиболее опасной угрозы современному социальному миру. Considered are the sources, prerequisites and developments of terrorism as the most dangerous threat to modern social world order.

Во всех проблемах прошлого и современности в той или иной мере наблюдается противостояние носителей добра и зла. К сожалению, человечество до сих пор не выработало эффективных механизмов обеспечения безоговорочного перевеса позитивной стороны этого общеисторического противоборства. Более того, к сохраняющейся опасности крайней формы данного конфликта – термоядерного апокалипсиса – добавляются новые угрозы социальному миру. Человечество «обзавелось» своеобразным мутантом войны – терроризмом. Если Беларусь это страшное явление обходит стороной, то это еще не означает, что мы не должны заниматься «информационной» и иной профилактикой данного опасного «вируса». Ведь его предпосылки, как мы покажем далее, в определенной степени носят всеобщий характер и подобны эпидемии. Проблема исподволь из локальной превратилась в глобальную.

Соответственно нарастает тревога по поводу того, что террористы могут заполучить ядерное оружие, если учесть неспокойную обстановку, скажем, в таких, имеющих данное оружие странах, как Пакистан. Тогда «герои святого дела» – шахиды с их «зарядами» на поясах покажутся вполне безобидными.

Но уже и сегодня международный терроризм жестокими насильственными действиями против людей, правительств, государств существенно подрывает стабильность и миропорядок почти во всех регионах Земли.

В связи с этим целесообразно рассмотреть истоки, факторы и проявления терроризма, обратив внимание на те моменты, которые в литературе освещены пока что недостаточно.

Естественно-природные и социально-исторические истоки терроризма

В естественно-природных константах человеческого существа и их социально-историческом развитии не заложены фатальные начала агрессивности и злобы. Нередко, когда речь идет о преемственности свойств человека и животного, особенно об инстинктах, люди настораживаются, заведомо предполагая в этих элементах био- и нейрофизиологии нечто дикое, негативное. Однако это не так. Сама природа позаботилась о формировании у живых существ, тем более представляющих организмы высшего типа, жизнеохранительных функций. Так, всемирно известный физиолог И.П. Павлов, называвший инстинкты безусловными рефлексам, видел в них архетипы преимущественно позитивного порядка. Он выделял такие рефлексы человека, которые можно истолковывать естественно-природными предпосылками, осознаваемыми нами как ценностно-смысловые жизненные ипостаси (основы), ориентиры. В частности, ученый выделял рефлекс «свободы»,

* Настоящей публикацией редакция открывает новую рубрику журнала, где будут помещаться разделы из новых монографий, учебников, которые авторы готовят к печати. Первым мы публикуем раздел из новой монографии профессора Л.А. Гуцаленко «Человек – мера добра и зла», которая выходит в ноябре 2008 г. в издательстве «Право и экономика».

«исследовательский», «цели» и т. д. Последний он вообще считал формообразующим, актуализирующим все человеческое бытие, придающим жизни ореол первосущности, неприкосновенности, самоценности. «Вся жизнь, – отмечал И.П. Павлов, – есть осуществление одной цели, именно сохранения самой жизни...»¹ Рефлекс цели объединяет в жизненном архетипе человеческий организм, его функции, среду, процесс существования и развития. Это уже не пассивно-природная, а творимая во взаимодействии с другими социальными деятелями социокультурная среда совершенствования и реализации социотворческих способностей человека.

При всем богатстве содержания интегративного понятия «социальность человека» оно в принципе означает прежде всего способность личности совместно с другими, т. е. во всем многообразии социальных связей и взаимодействий, «выстраивать», «конструировать» такую реальность, в которой каждый индивид мог бы испытывать удовлетворенность жизнью. Когда М. Вебер в качестве важнейшего признака социального действия выделил его смысловую соотнесенность с действиями другого лица или других лиц², он отнюдь не исключал при этом возможности коллизий³. Исход конфликта может быть не всегда позитивный для личности и социальной группы. Однако в своей норме социальные действия и взаимодействия людей предполагают ради собственной также социальную безопасность для других. Это означает готовность к компромиссу, взаимному признанию, «пониманию» (по Веберу) интересов, прав и достоинств участников социальных отношений и процессов. Иными словами, за человеком всегда остается выбор, какие качества и средства использовать для достижения своих целей. Рассогласование между тем и другим, как отмечал Р. Мертон, толкает субъектов на путь негативной социальной девиации⁴.

Вместе с тем природно-естественные предпосылки общественного человека сами по себе нейтральны к моральным и социальным оценкам. Характер ценностей они обретают в процессе социализации и индивидуализации человека. Взаимовлияние особенностей, врожденных свойств индивида, типов социализации и социальной системы в целом на выходе дает нам или базисную (характерную для общества), или деформированную, асоциальную личность. Но дело в том, что, когда общество оказывается в неблагоприятной, кризисной, аномической исторической ситуации, во многих своих аспектах и чертах оно само является деформированным. Такой социум не в состоянии обеспечить успешную социализацию личности. Так, американский философ и психолог, исследовавший социально-психологический портрет Гитлера, считал, что его чрезвычайная деструктивность была следствием двух основных обстоятельств: во-первых, это отличавшие его психологический склад «озлобленность и беспощадность», во-вторых, «недостаточная социализация»⁵.

В контексте весьма сложного, многоступенчатого, многофакторного, противоречивого взаимодействия естественно-природного и социального начал в человеке представляет интерес сравнение *Homo sapiens* и животного, проделанное, в частности, немецким антропологом и философом Х. Плеснером. Он обосновал один из основных способов существования и развития человека под названием «закон эксцентричности». Если животное всякий раз здесь и теперь однозначно, целостно, то человеку свойственно сомнение в своей самотождественности, идентичности своей самости. Это сомнение, понятно, «не поможет преодолеть зачаточного раздвоения, которое пронизывает самобытие (Selbstsein) человека, ибо оно эксцентрично, так что никто не знает о себе самом, он ли еще это, кто плачет и смеется, думает и принимает решения, или же это уже отколовшаяся от него самость, Другой-в-нем, его отражение и, возможно, его полная противоположность»⁶.

По нашему мнению, ученый подметил, если можно так выразиться, факт своеобразной децентрализации самоидентичности, воспринимаемой чело-

веком. Той децентрализации, которая, согласно Протагору, характерна для восприятия человеком мира вещей, находящихся в постоянном, так сказать, гераклитовском движении, изменении своего содержания, формы – всех количественно-качественных мерных параметров. Тем более изменчив несравненно более сложный в своей статике (структуре) и динамике (деятельности, развитии) такой феномен, как человек.

Каким же образом, под влиянием каких факторов может измениться свойство человека и он в целом, чтобы отрицать собственную естественно-природную идентичность, которая, повторяем, изначально в ценностно-этическом отношении нейтральна. Тот же инстинкт агрессии, в зависимости от того, на что и как он нацелен, может служить защитником или разрушителем жизни, т. е. быть «направленным на нанесение ущерба или уничтожение объекта наступления»⁷.

Факторы самопорождения терроризма человеком

Исходя из философского и психологического принципа проявления внутреннего феномена через внешний, субъективного – через объективный и наоборот, правомерно считать все формы деятельности, в том числе и такую, как терроризм, главным образом продуктом, созданным самими людьми. Не об этом ли свидетельствует, в частности, *религиозный фактор*?

Стоит более внимательно присмотреться к архетипическому символу обеих ведущих мировых религий в аспекте дихотомического раздвоения природы человека на «свет» и «тьму», добро и зло, «богоугодное» и греховное. Мы имеем в виду мифический образ Авраама. О его значении для общей теистической картины мира свидетельствует посвященное ему обширное повествование в первой книге Ветхого завета Библии – «Бытие». Весьма подробно изложен один из наиболее назидательных подвигов этого слуги божьего – готовность принести Господу в жертву своего сына. «Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всеожжение... Авраам... связав сына.. положил его на жертвенник... И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего». Скажем откровенно – испытание для отца земного весьма далеко от милости отца небесного, причем лишь для того, чтобы Господь убедился в преданности ему Авраама. Только после этого произошло чудо: и в жертву был принесен ягненок. И Бог в награду за это устами ангела провозгласил: «...Я благословляю тебя... И благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего»⁸.

Из данного сюжета вытекает несколько допущений. Во-первых, безоговорочная готовность отца в знак доказательства преданности Богу по велению владыки небесного совершить жертвоприношение, собственными руками убив родного сына, свидетельствует о допустимости с позиций религиозной морали чудовищного злодеяния – детоубийства, лишь бы оно было богоугодно. Во-вторых, поскольку Авраам (Абрахим) в Коране считается прародителем арабов (как и евреев) и предшественником Мухаммеда⁹, то почему бы террористам, приверженцам ислама, во имя Аллаха не совершить то же самое, с холодным расчетом, умышленно, скажем, захватив в заложники сотни детей – школьников Беслана? Разве нет здесь прямой связи? Это один из многочисленных примеров самопорождения зла человеком, в данном случае под прикрытием религиозных мотивов. Можно напомнить и недавний случай. Хотя и в другой форме, готовы были принести в жертву пятерых детей несколько десятков человек, именующих себя «истинно православными». Они замуровали себя под землей возле села Никольское Пензенской области в России. Фанатики надеялись встретить там «конец света» в мае 2008 г., но пробыли только до апреля, поскольку стал обрушиваться потолок пещеры. Кстати, там оказалось и несколько человек из Беларуси¹⁰.

Думается, религиозно-культовые и некультовые версии противоречивого сочетания в человеке добра и зла – это, по сути дела, фантастическая форма выражения дихотомичной природы индивида вообще.

Действительно, известную долю деструктивности в данную сферу жизни современного человечества вносит любая религия. Так, рассуждая о «жажде всесильности» как важной формообразующей компоненте любого терроризма, Д. Белл констатирует: «Религия основывается именно на ней... Религия убеждает людей, что они правы в своей вере, что в будущей жизни они неминуемо обретут Царствие небесное и что каждый из них – это один из тех избранных двенадцати (или пятисот, или ста сорока четырех тысяч), кто твердо стоит на стороне Бога в войне со злом...»¹¹

Было бы не совсем верно каждую из трех основных религий мира интерпретировать в одинаковой готовности оправдать «жажду всесильности», будь то в отношении диктатора или террориста. Думается, меньше всего к этому предрасположен буддизм – самая миролюбивая религия в позиционировании добра и зла. Его основатель Сидхартха Гаутама учил: основной путь к нирване (счастью) – это срединный путь между крайностями, иными словами, «точка» золотой середины», который проповедовали и многие античные философы, в частности Аристотель. Любопытно само совпадение по времени активной разработки данной концепции в воззрениях античности и эпохи Гаутамы – 2500 лет назад. Симптоматично и то, что в свое время Индия добилась независимости от Британии не насильственным путем, а благодаря мудрой стратегии, предложенной величайшим гуманистом Махатмой Ганди. Кстати, сам он погиб от рук фанатика-террориста. Впрочем, «золотая середина» и не означает, что все непременно и всегда будут ее придерживаться. У каждого человека сугубо индивидуальный взгляд на данное правило, как и на многое другое, что тоже не противоречит формуле Протагора, в которой в разных пропорциях сочетаются свое- и общечеловеческое.

Одновременно мы разделяем позицию авторов, обнаруживающих в исламе больше позитивного, чем отрицательного в социально-этическом аспекте. Благодаря исламу исповедывающие его народы обеспечили свою духовную, национальную, государственную и союзническую идентификацию. Так, уже при жизни его основатель пророк Мухаммед «стал главным фактором объединения Аравии и создания надэтнической конфессиональной общности мусульман»¹². Затем по мере исторического становления входящих в это объединение этносов выделялись группировки суннитов, шиитов, хариджитов. Каждая из них вырабатывала собственную концепцию власти, обоснование чего искала в исламе. В VII в. раскол завершился гражданской войной. Но как бы различные этнорелигиозные группы ни приватизировали истинность веры, она по-прежнему, невзирая на противоречия, оставалась и остается сегодня одним из существенных возможных факторов объединения мусульманских народов и стран в их нелегкой судьбе. Это возможно, в частности, благодаря пяти основным «столпам» ислама, выработанным еще их общим прародителем: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммеда; ежедневная пятикратная молитва; пост; налог в пользу бедных; паломничество в Мекку¹³.

Однако такая солидарность относительна, а разногласия названных группировок по поводу предпочтительной позиции в истолковании религиозных догматов постоянны, что и не позволило мусульманам образовать более или менее устойчивые конфессиональные институты и прежде всего церковный, который бы упорядочивал социально-конфессиональные отношения между общностями, обществом и светской властью. Судя по этому факту, а также по тому, что, например, в православной и католической ветвях христианства, несмотря на разногласия между различными их группами, все же удалось создать центральные церковные органы, можно заключить о большей степени конфликтогенности, заложенной в мусульманском вероучении. Внутренний источник напряженности, заложенный в символах

любой, в том числе исламской, веры, при определенных обстоятельствах неблагоприятно воздействует на ценностные, мировоззренческие и поведенческие диспозиционные установки ее приверженцев.

Свою долю негатива вносят в ситуацию также *социально-экономические факторы*. Как известно, многие арабские страны располагают богатыми запасами полезных ископаемых, особенно нефти и газа. Казалось бы, это, дарованное природой богатство, кроме блага его обладателям ничего не сулит. Но почему тогда эксперты называют такие государства «странами-паразитами»? Бывает горе не только от ума, но и от большого богатства. Оно, всегда пребывающее в наличии – натуре или деньгах, не побуждает владельца предпринимать сколько-нибудь активные, творчески направленные усилия для развития интеллекта, технологии, культуры, образования. Правящие круги «нефтедолларовых» стран не торопились делиться с населением баснословными доходами от сбыта «черного золота». Зато золотом отделаны многочисленные дворцы (особенно экс-диктатора Ирака Саддама Хусейна). И тут выясняется одна, но весьма многозначительная деталь. Оказывается, «террористическую сеть “Аль-Каида” составляют отнюдь не бедняки или лишенцы. Это очевидно, если говорить о ее главе: бен Ладен родился в семье, богатство которой составляет более 5 миллиардов долларов. Нечто похожее наблюдается и в отношении многих из его ключевых сообщников, таких как его заместитель – бывший каирский хирург Завахири, выходец из высших слоев египетского общества. Его отец был известным профессором Каирского университета, дед – главным настоятелем “Аль-Азхар” (в важнейшем в арабском мире центре основного направления в исламе)...»¹⁴. Далее, весьма осведомленный главный редактор американского еженедельника «Ньюсуик интернешнл» Фарид Закария уточняет, что на четырех самолетах, которые были использованы для тарана башен Торгового центра в Нью-Йорке, из 19 террористов 15 были выходцами из Саудовской Аравии – крупнейшего экспортера нефти.

Такой факт может навести на мысль, что в общем наборе целей террористов «защита ислама» от его «врагов», по всей видимости, стоит не на первом месте. Очевидно, речь скорее идет о защите нефтеносных бассейнов от действительных или мнимых посягательств на них со стороны крупнейших держав мира.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Судя по заявлениям Усамы бен Ладена и его сподвижников, акт 11 сентября – это месть Соединенным Штатам за поддержку Израиля, который буквально со времени его основания в 1948 г. находится в конфронтации с арабами.

В том же году из 700 тыс. беженцев-палестинцев большая часть была буквально изгнана из своих домов. В 1967 г. еще до 300 тыс. палестинцев и около 90 тыс. сирийцев пополнили ряды беженцев. Во всех случаях в подготовке к войне США оказывали своему союзнику ощутимую помощь. К примеру, в 1967 г. она составила 1,6 млрд долларов¹⁵. Безусловно, месть со стороны исламских воинов Аллаха часто принимает откровенно варварский характер. Однако ни один израильтянин не был изгнан арабами даже с территории, захваченной его собратьями. Несопоставимы также потери обеих сторон в военных столкновениях, поскольку автоматом арабов противостоят новейшие виды воздушных, танковых и артиллерийских войск Израиля.

Вообще-то корни религиозно-этнического противостояния на Ближнем Востоке уходят в глубокую древность. Об этом свидетельствуют, в частности, рукописи, обнаруженные в Кумранской пещере в 1947 г. Они принадлежат иудейской секте ессеев, которая основала свою общину в иудейской пустыне в первой половине II в. до н. э. Ессеи считали себя святыми избранныками, «сыновьями света», которые будут участвовать в истребительной войне с врагами Израиля, «сыновьями тьмы». Все это излагается в учении о духах справедливости и порочности, упоминаемых в «Руководстве

по дисциплине» данной секты, а в «Военном уставе» детально описывается военное имущество, сигналы во время сражения и т. д. Как видно, евреи уже тогда демонстрировали присущую им компактную организацию мысли и действия, готовясь к «Войне сыновей света против сыновей тьмы» (так назван документ), которая должна была состояться в «конце света»¹⁶.

Государственный терроризм и его последствия

Прежде чем говорить о современных формах государственного терроризма, стоит вспомнить о его прецедентах в прошлом. В отличие, скажем, от геноцида – массового истребления населения преимущественно по этническому признаку государственный терроризм предполагает то же самое преимущественно по социально-политическому признаку. В этом случае типичным примером может послужить практика большевистского режима с самого начала его существования. Нельзя одобрить террористических акций его противников. Однако же ответные меры В.И. Ленина и его соратников были больше похожи на карательные экспедиции оккупационных войск, чем на справедливое воздаяние. Не будем говорить о многомиллионных репрессиях против собственного народа в сталинский период. Вот эпизоды ленинского периода. В ответ на убийство Урицкого 17 августа и покушения на Ленина 28 августа 1918 г. по постановлению Петроградской ЧК было расстреляно 500 (по некоторым источникам – 1300) человек заложников из числа мирного населения¹⁷. А вот содержание 4-го пункта Воззвания к населению в октябре 1920 г. за подписью особо уполномоченного по югу России К. Ландера: «В случае массового выступления отдельных сел, станиц и городов мы вынуждены будем применить к этим местам массовый террор: за каждого убитого советского деятеля поплатятся сотни жителей этих сел и станиц»¹⁸. А примеры «усмирения» газом восставших против грабительской «продразверстки» тамбовских крестьян в 1921 г.

Относительно государственного терроризма нашего времени надо признать, что хотя американские войска не истребляют непосредственно мирных жителей Ирака, но делают они это руками религиозных фанатиков. Под надуманными предлогами и уже совсем фальшивым – об угрозе изготовления Ираком оружия массового уничтожения – США вторглись в суверенную страну, потеряли 4 тыс. своих солдат и фактически развязали там гражданскую войну. Иностранное вмешательство реанимировало религиозно-этнические распри суннитов и шиитов, которые до тех пор ограничивались в основном спорами, кто из них более ревностный мусульманин. Теперь они перешли к применению массового террора, которому не видно конца, как и внутриконфессиональному спору. По этому поводу американский профессор Ф. Белл делает вывод: «И я уверен: пройдут годы, но это решение (вторжение США в Ирак. – Л. Г.) будет расценено как самое большое зло, совершенное в период пребывания у власти Дж. Буша-младшего»¹⁹.

Не меньшего сожаления достойно перемещение Соединенными Штатами своего, мы бы сказали, «государственного терроризма» в самый центр Европы – на Балканы. Как обычно, в таких случаях переплетаются политические и экономические интересы, так или иначе затрагивающие религиозно-этнические мотивы либо как «оболочку» данных интересов, либо как часть их «начинки». Тем, кто стремится не столько усовершенствовать миропорядок в эпоху глобализации, сколько воспользоваться последней для установления своего контроля над ним, давно, по крайней мере после окончания Второй мировой войны, не терпелось внести коррективы в сложившееся тогда распределение «сфер влияния». Надо сказать, что помехой этим гегемонистским устремлениям правящих кругов США и Европы в серьезной степени служил тогда Советский Союз. С распадом СССР эти круги значительно активизировались. Воспользовавшись тяжелым социальным, этнонациональным и этноконфессиональным наследием, оставленным диктаторскими режимами в Югославии (Тито, Милошевич), и связанными с

этим соответствующими внутренними междоусобицами, США, Евросоюз, НАТО решили: час пробил. Пробил для того, чтобы ликвидировать в Европе достаточно значительное и независимое в своей политико-экономической ориентации государство – Югославию. Учитывая существование в Европе наряду с Югославией Болгарии, Чехословакии, Польши, их исконные социокультурные связи с Россией, стратеги, замышлявшие бомбовые удары по коммуникациям Балканской страны, понимали, что одновременно бьют по всем социально-историческим коммуникациям славян Южной, Центральной и Восточной Европы, России в целом.

Трудно сказать, входил ли в этот план замысел оставить от большой славянской страны одну лишь Сербию? Или еще предполагалось перессорить между собой бывших сограждан в объединенных этнических сообществах, а заодно и с другими славянскими государствами. Во всяком случае после сепаратистского, по сути дела, в обход ООН отрыва Косово от Сербии уже сумели столкнуть ее с другой славянской страной – Болгарией, одной из первых в угоду США и НАТО признавшей сепаратистов. С той Болгарией, которой освободиться от турецко-османского ига помогали все славяне и Россия в особенности. С той Болгарией, которая молится в таких же храмах, как и те 1300 храмов, церквей на территории Косово, которые она своим признанием этого «троянского коня» в сердце православия обрекла на произвол судьбы.

В довершение всего США под предлогом противостояния ракетным атакам террористов решили на территории славянских стран соорудить целый пояс установок противоракетной обороны (ПРО). «Террористическое» ракетное оружие как угроза США пока что выглядит мифически, особенно если учесть, что террористы рокового для Северной Америки 11 сентября прибыли в Америку на... американских же самолетах. А вот возможное разворачивание ПРО в сторону России – серьезного социально-исторического оплота славянской культуры – в немалой степени реально, особенно в «нештатной» ситуации. Той самой ситуации, которая уже однажды роковым образом сработала в Югославии.

Снова напрашивается мысль, которая многим, в том числе таким здравомыслящим американским патриотам, как Д. Белл, Ф. Закария и другие, приходит в голову, когда речь идет о целиком провальной акции США в Ираке: а тем ли они занимаются, чего от них требует действительная, а не спекулятивная борьба с терроризмом?

О том, что некоторые акции наших западных партнеров, когда они ссылаются на угрозу терроризма, иногда надуманны и служат прикрытием истинных намерений, свидетельствуют не только приведенные нами соображения, но и факты из реальной жизни. «Посещал я Косово и после оккупации, – вспоминает профессор, белорусский писатель И.А. Чарота, – и свидетельствую, что видел со стороны властей как Федерации, так и Сербии, а прежде всего со стороны сербского населения края не просто веротерпимость и гражданскую толерантность, не только наличие условий для мирного сосуществования, но и заботу о культуре албанского национального меньшинства»²⁰. Выходит, не было серьезных оснований обособлять албанцев от «недружественных» сербов.

С какой стороны ни подходи к трагедии Косово, ее сделали де-факто политические комбинаторы. Они не посчитались не только с объективными, но и субъективными, моральными факторами. Все знают, что некогда в трудный для «албанского меньшинства» час сербы приютили их беженцев на своей земле.

Приведенные факты говорят сами за себя. Определенные социально-политические силы, действующие на международной арене сегодня, не содействуют ликвидации причин терроризма, а их умножают. А основные причины известны: низкий, продолжающийся ухудшаться уровень жизни населения развивающихся и отсталых стран; нежелание их лидеров проводить

реформы, модернизацию экономических и политических структур – соответствующих социальных институтов; постоянные уступки, а иногда и прямая помощь исламским фундаменталистам; игнорирование высокопоставленными представителями исламских государств исторических, этнических, религиозных особенностей, традиций, взаимоотношений различных мусульманских групп, сообществ внутри и между странами данного региона²¹. Потенциально социальная база терроризма охватывает всю планету, если учесть, что ислам является второй из трех основных мировых религий. Численность ее сторонников достигает 1 млрд в более чем 120 странах. В 35 из них они составляют 85 % жителей²². Почти в каждом из этих государств экстремисты, причем не только мусульманского толка, располагают устойчивой системой организаций и движений.

Учитывая мнение экспертов о превращении терроризма в XXI в. в глобальную угрозу всему миру, настало время создания адекватной ей программы и механизма противодействия. Недопустимо и далее положение, когда многие страны вынуждены в одиночку бороться в этом явлением.

Проблемами международного сообщества, связанными с терроризмом, должна заниматься специальная международная организация в составе ООН, которая смогла бы координировать спецподразделения, уже созданные в структуре многих национальных вооруженных сил. Но это лишь часть вопроса. Соответствующая программа будет действенной, если в ней предусмотреть комплекс мер экономического, политического и социокультурного порядка, ибо, когда ограничиться только ответом силы на насилие, тогда, кроме умножения зла, иного результата ждать не приходится.

Вместе с тем мировое сообщество поступит верно и дальновидно, если пресечет все попытки под видом борьбы с терроризмом решать интересы отдельных национальных или региональных политических групп. В современном, обремененном конфликтами, рисками, кризисами мире любой компромисс с силами зла чреват необратимыми последствиями. Всегда лучше не выпускать джина из бутылки, чем пытаться загнать его туда обратно.

¹ Павлов И. П. Полное собрание сочинений. М., 1951. Т. III. Кн. 1. С. 308.

² См.: Вебер М. Избранные сочинения. М., 1990. С. 603.

³ Там же. С. 626

⁴ Подробнее см.: Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.

⁵ См.: Кох-Хиллбрехт М. Ното Гитлер: психогрмма диктатора. Мн., 2003. С. 32, 121.

⁶ Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 130.

⁷ Шапарь В. Б. Новейший психологический словарь. Ростов н/Д., 2006. С. 8.

⁸ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. Лондон, 1922. С. 15.

⁹ См.: Алексеев И. А., Коротаев А. В. Ислам // Религиоведение: словарь. М., 2007. С. 179.

¹⁰ См.: Игошин А. Погановский конец света уже наступил? // Аргументы и факты. 2007. № 52. С. 20.

¹¹ Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 86.

¹² Алексеев И. А., Коротаев А. В. Ислам // Религиоведение: словарь. М., 2007. С. 180.

¹³ Там же.

¹⁴ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 143.

¹⁵ См.: Мосов С. Война и мир – выбор за человечеством. Киев, 2007. С. 97, 99.

¹⁶ Военно-исторический словарь. М.; Мн., 2005. С. 105.

¹⁷ См.: Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. 4-е изд. Нью-Йорк, 1989.

¹⁸ Там же. С. 72.

¹⁹ Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 11.

²⁰ Чарота И. А. Косово как колыбель и ризница сербской духовности в историческом и современном сознании восточных славян // Социология. 2007. № 4. С. 26.

²¹ См.: Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М., 2004. С. 145–156.

²² Там же. С. 181.

Поступила в редакцию 16.04.08.

О.Н. КИСЛОВА,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (ХАРЬКОВ, УКРАИНА),
Л.Г. СОКУРЯНСКАЯ,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (ХАРЬКОВ, УКРАИНА)

ЦЕННОСТНЫЙ МИР ПОСТСОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

На основе анализа эмпирических данных, в том числе с помощью ИАД, сделан вывод, что тенденция «модернизации» и «постмодернизации» ценностного мира украинского и белорусского студенчества свидетельствует о становлении его субъективных характеристик, являющихся важнейшим фактором и одновременно показателем социокультурных изменений, происходящих на постсоветском пространстве.

The results of the empiric data analysis, including the IDA method, lead to a conclusion that the tendency of «modernization» and «post-modernization» of the Ukrainian and Belarusian students' value world is evident of the formation of its subjective characteristics which are the most important factor and at the same time – a showing of socio-cultural changes taking place on the post-soviet area.

Изучение динамики аксиодискурса современного студенчества, содержания и направленности этого процесса становится сегодня все более важной темой социологического теоретизирования и эмпирических исследований на постсоветском пространстве. На наш взгляд, это обусловлено той ролью, которую призвана сыграть и уже играет студенческая молодежь в экономических, политических и социально-культурных преобразованиях. В данном контексте мы имеем в виду не столько конкретные проявления студенческой активности, как это было, например, во время «оранжевой революции» в Украине или подобных акций в других республиках бывшего Советского Союза, сколько тот социокультурный потенциал, реализация которого в будущем позволит значительной части выпускников высшей школы позиционировать себя в качестве интеллектуальной элиты общества. Роль последней в развитии социума трудно переоценить. Именно интеллектуальная элита продуцирует и распространяет нормы и ценности, культуру общества в целом.

«Власть интеллектуальной элиты коренится в совокупности тех идей и идеологий, которые присущи определенному обществу на том или ином этапе его развития и представляют собой его креативный потенциал и своеобразные защитные механизмы»¹. Что именно будет защищать будущая элита общества: демократию или авторитаризм, ценности самореализации каждой личности или отношение к человеку как «винтику» государственной машины? Чем будут отличаться общественные системы стран, возникших после распада СССР? Ответы на эти вопросы мы в той или иной степени можем получить уже сегодня, исследуя ценностные ориентации современного студенчества. Ведь через десять-пятнадцать лет это поколение возьмет на себя основной груз ответственности за общественное развитие, именно его ценности будут доминировать в обществе.

Говоря о молодежи, в том числе студенческой, как об актуализированном будущем, мы имеем в виду, что ценностный мир сегодняшних студентов во многом предопределяет завтрашнее состояние общества. Исследуя ценности и ценностные ориентации молодежи, социологи по существу реа-

лизуют прогностическую функцию своей науки. Социологическое прогнозирование, прежде всего краткосрочное, – задача сложная и крайне редко реализуемая. Обоснованность таких прогнозов во многом зависит от надежности методов получения и обработки социологической информации. Данное обстоятельство предопределило поиск авторами этой статьи методологии социологического анализа, наиболее адекватной решению сформулированной задачи. Такой методологией, на наш взгляд, является интеллектуальный анализ данных (ИАД).

Цель данной работы – показать общее и различия в ценностном дискурсе студенчества двух постсоветских стран – Украины и Республики Беларусь, основываясь на результатах применения такой методологии обработки социологической информации, как интеллектуальный анализ данных. При этом особый акцент будет сделан на постмодернизации ценностного сознания студенческой молодежи, поскольку именно эта тенденция характеризует ценностный сдвиг в глобальной перспективе.

Прежде чем обратиться к полученным результатам, нам представляется необходимым коротко охарактеризовать сущность ИАД, специфику его методов, позволивших выявить латентные причины постмодернизации ценностных ориентаций постсоветского студенчества.

Понятие «интеллектуальный анализ данных» (Intelligent Data Analysis – IDA) появилось в процессе развития теории искусственного интеллекта². Под искусственным интеллектом (artificial intelligence) обычно понимается свойство автоматических систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека, находить нетривиальные решения задач, формулировать гипотезы и т. п. Однако название, содержащее слово «интеллектуальный», часто вводит в заблуждение. Видимо, этим обусловлены попытки заменить термин «интеллектуальный анализ данных» другими понятиями, отражающими содержание соответствующих процедур. Так, Г. Пиатецкий-Шапиро предложил название «knowledge discovery in databases» (KDD) [4], которое конкретизирует содержание процесса ИАД, акцентируя внимание на его результате – получении нового знания. Еще один вариант названия – «discovery-driven data mining» (DDDM), в котором подчеркивается исследовательский характер процесса ИАД и его отличие от статистической проверки априорных гипотез. Однако в странах СНГ наибольшее распространение получил термин «интеллектуальный анализ данных», поэтому именно его мы используем в своей работе.

Характеризуя сущность интеллектуального анализа данных, прежде всего подчеркнем, что ИАД – это процесс, позволяющий осуществить переход от данных к знаниям. Ядром этого процесса является Data Mining – применение разнообразных методов выявления закономерностей, скрытых в исходных данных³. Ключевым понятием ИАД выступает «новое знание», имеющее в контексте ИАД формальный характер – «интересная» закономерность. С точки зрения социологии новое знание – это концептуальная модель исследуемого социального феномена, которая может быть построена в процессе интерпретации закономерностей, найденных в массиве социологической информации. При этом социологическая теория выполняет функцию базы знаний для оценки степени «интересности» интерпрети-

² Начиная с 2001 г. в Киевском политехническом институте ежегодно проводятся международные конференции «Интеллектуальный анализ информации». Информация об этих конференциях доступна на сайте: <http://ntu-kpi.kiev.ua/>; Научно-теоретический журнал «Искусственный интеллект» Донецкого государственного института искусственного интеллекта содержит интересные статьи по ИАД. Режим доступа: http://www.cs.unm.edu/kdd_cup_2006/; «AI NEWS (Новости искусственного интеллекта)» – научно-практический журнал, издающийся Российской ассоциацией искусственного интеллекта. Сайт данного журнала содержит электронные версии статей, в том числе и по ИАД: <http://www.ainews.ru/ru/index.php>

³ «Интересность» является интегральной мерой ценности закономерности с точки зрения обоснованности, новизны, полезности и понятности⁴.

руемой закономерности. Другими словами, новое социологическое знание, выявляемое ИАД, представляет собой модель, построенную на основе эмпирических закономерностей, найденных методами Data Mining.

Акцентирование значимости средств искусственного интеллекта в процессе ИАД иногда вводит в заблуждение относительно методов, применяемых для обнаружения нового знания в массиве исходных данных. Подчеркнем, что методы, используемые в процессе ИАД, весьма разнообразны: это и классические статистические процедуры, и собственно интеллектуальные алгоритмы, и специфические методы визуализации многомерных данных. Общим свойством всех этих методов является потенциальная возможность осуществления эксплораторного анализа исходных данных.

Наш опыт использования ИАД связан с исследованиями ценностных ориентаций студенчества, проводившимися в 2002–2004 гг. и 2005–2007 гг.⁴ Последовательно применяя методологию ИАД, мы проанализировали ценностные ориентации студенческой молодежи с целью выявления закономерностей их формирования⁵. Для этого были использованы традиционные статистические методы ИАД (многомерное шкалирование⁶ и кластерный анализ⁷), которые дали возможность построить эмпирическую типологию, отражающую артикуляцию в сознании украинских и белорусских студентов традиционалистских, модернистских и постмодернистских ценностей, и свести ценностный континуум к двум шкалам – «идеализм – прагматизм» и «коммунализм – индивидуализм».

В предыдущих публикациях⁸ мы акцентировали внимание на ценностной дифференциации украинского студенчества. Поэтому в данной статье в большей степени сосредоточимся на сравнительном анализе ценностных предпочтений украинских и белорусских студентов, используя при этом такую разновидность методов ИАД, как многомерная визуализация.

Заметим, что визуализацией данных называют графические изображения, генерируемые компьютерной программой, в которой контент изображения определяется цифровыми данными. Обычно данные представлены в числовой форме, но существуют программы, способные визуализировать понятия, заложенные в текстовых документах. Программы визуализации организуют геометрические фигуры (точки, линии, круги и прямоугольники) таким образом, чтобы они представляли собой интерпретацию считываемых исходных данных. Атрибуты графического изображения (относительное расстояние, размер, цвет и т. п.) отражают отношения между геометрическими фигурами, которые задаются визуализируемыми данными.

Визуализация данных, как отмечают многие исследователи, является не просто средством представления анализируемой информации, а эффективным инструментом анализа эмпирических данных⁹. К задаче визуализации данных относится проблема представления в наглядной форме результатов как эмпирического, так и теоретического исследования. Традиционные инструменты в этой области – графики и диаграммы – плохо справляются с этой задачей в тех случаях, когда возникает необходимость отразить данные, имеющие более трех измерений. Поскольку в нашем исследовании фигурируют данные, имеющие 44 измерения, каждое из которых представ-

---

⁴ Речь идет о международном исследовании «Высшая школа как субъект социокультурной трансформации» (2002–2004 гг.), проведенном сотрудниками социологического факультета Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (по репрезентативной выборке были опрошены 1972 студента украинских вузов и 981 студент Беларуси, кроме того, было проведено 14 фокусированных групповых интервью со студентами харьковских вузов, собрано около 200 биографий воспитанников этих вузов), а также о международном исследовании «Высшее образование как фактор социоструктурных изменений: сравнительный анализ посткоммунистических обществ», проведенном в 2005–2007 гг. в вузах Украины, России и Беларуси (по репрезентативной выборке были опрошены 3057 студентов вузов Украины, 780 студентов вузов Беларуси). В России опрошены 578 студентов.

ляет определенную ценностную ориентацию, то возникла необходимость использовать такой классический метод визуализации, как лепестковые диаграммы, а также различные виды пиктографиков, которые относятся к методам когнитивной визуализации.

Когнитивная визуализация данных – это совокупность приемов и методов образного представления, которое позволяет либо сразу увидеть закономерности и структуры в анализируемой информации, либо получить подсказку для их обнаружения. Развитие методов когнитивной компьютерной визуализации является одним из наиболее актуальных направлений искусственного интеллекта. А.А. Зенкин сформулировал три основные задачи когнитивной компьютерной графики:

1) создание таких моделей представления знаний, которые давали бы возможность с помощью единообразных средств представлять как объекты, характерные для логического мышления, так и образы-картины, которыми оперирует образное мышление;

2) визуализация знаний, для которых пока невозможно подобрать текстовые описания;

3) поиск путей перехода от наблюдаемых образов-картин к формулировке некоторой гипотезы о тех механизмах и процессах, которые скрыты за динамикой наблюдаемых изображений¹⁰.

В нашем исследовании при помощи когнитивной визуализации решались первая и третья задачи. При этом методы визуализации дали возможность подтвердить результаты предыдущего анализа и сформулировать гипотезы относительно детерминант дифференциации по кластерам.

Итак, обратимся к результатам исследования ценностной дифференциации постсоветской студенческой молодежи. Исходя из социокультурного (цивилизационного) критерия, было выделено пять кластеров: по два кластера «модернистов» и «постмодернистов» и один кластер традиционалистов (рис. 1)¹¹.

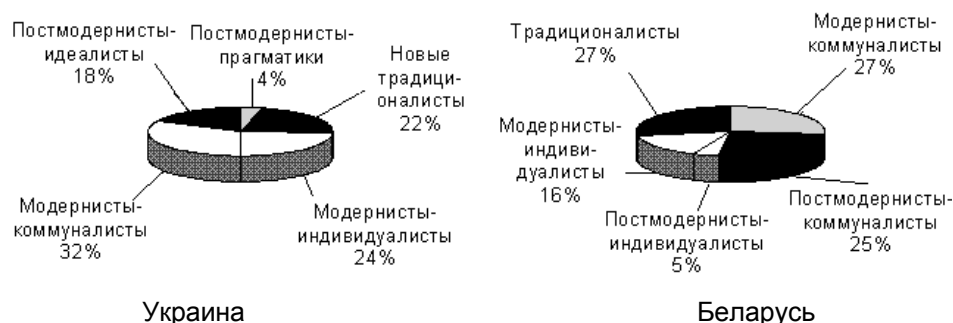

Рис. 1. Объемы выделенных кластеров

Выделенные кластеры достаточно сильно отличаются между собой по совокупности 44 переменных, ставших основой их формирования (18 терминальных и 26 инструментальных ценностей). Это хорошо видно на рис. 2 и 3, визуализирующих межкластерные отличия.

¹⁰ Построение графиков из пиктограмм (пиктографиков) является одним из наиболее распространенных методов когнитивной визуализации, позволяющих представить многомерные данные в виде некой картинки («звезды», «профиля» или «лица»).

¹¹ Для интерпретации характерных особенностей представителей выделенных кластеров и отличий между ними в исследовании применялись так называемые лепестковые диаграммы и пиктографики («звезды», «лица Чернова», «профили»), которые являются средствами визуализации многомерных данных.

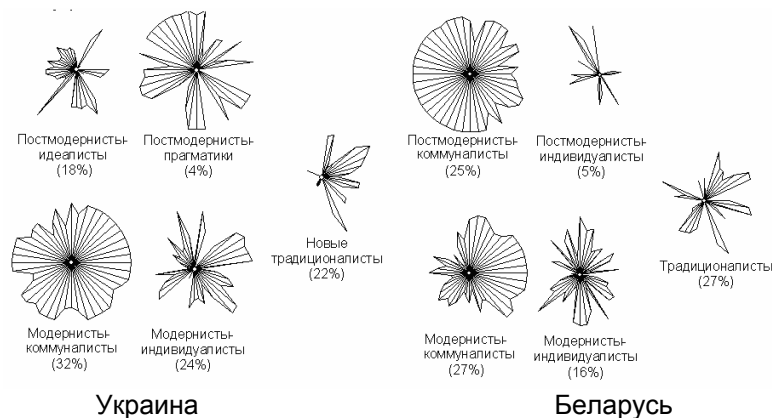

Рис. 2. Визуализация кластеров в виде пиктографиков «звезды»

Анализ количественных характеристик выделенных кластеров свидетельствует о более высоком уровне артикуляции постмодернистских ценностей белорусскими студентами. В сумме постмодернистские кластеры в Беларуси составили 30 %, в Украине – 22 %. В то же время у белорусских студентов менее выраженным оказался модернистский ценностный дискурс (среди украинских студентов «модернистов» – 56 %, среди белорусских – 43 %). Что касается «традиционалистов», их несколько больше в Беларуси (27 % по сравнению с 22 % в Украине).

Рис. 3. Диаграмма «лица Чернова», представляющая различия между кластерами по 18 терминальным ценностям

«Звезды» – пиктографики кругового типа. Для каждого наблюдения (в нашем исследовании – кластера) рисуется пиктограмма в виде звезды; относительные значения переменных соответствуют относительным длинам лучей каждой звезды (по часовой стрелке, начиная с 12:00). Концы лучей соединены линиями. Пиктографики «звезды» были построены на основе значений 44 ценностей, перечень которых представлен на рис. 4.

При построении диаграммы «лица Чернова» для каждого наблюдения рисуется отдельное «лицо»; при этом относительные значения выбранных переменных соответствуют форме и размерам определенных его черт (например, длине носа, изгибу бровей, ширине лица). В нашем исследовании были заданы такие параметры: ширина лица соответствует выраженности такой ценности, как «интересная, творческая работа»; уровень расположения уха – «материальное благополучие»; высота лица – «хорошие, добрые отношения с окружающими людьми»; эксцентриситет верхней части лица – «польза, приносимая обществу»; эксцентриситет нижней части лица – «участие в общественной жизни, решении проблем, стоящих перед обществом»; длина носа – «образованность, знания»; расположение центра рта – «личный покой, отсутствие волнений, неприятностей»; изгиб рта (улыбочка) – «семейное благополучие»; длина рта (ширина улыбки) – «здоровье»; высота центра глаз – «полноценный отдых, интересные развлечения»; расположение глаз – «высокое служебное и общественное положение»; наклон глаз – «приобщение к литературе и искусству»; эксцентриситет глаз – «экологическая безопасность»; размер глаз – «взаимопонимание с родителями, старшим поколением»; расположение зрачка – «личная свобода, независимость в суждениях и действиях»; высота брови – «возможность развития, реализации своих способностей, талантов»; угол наклона брови – «экономическая независимость»; длина брови – «бытовой комфорт».

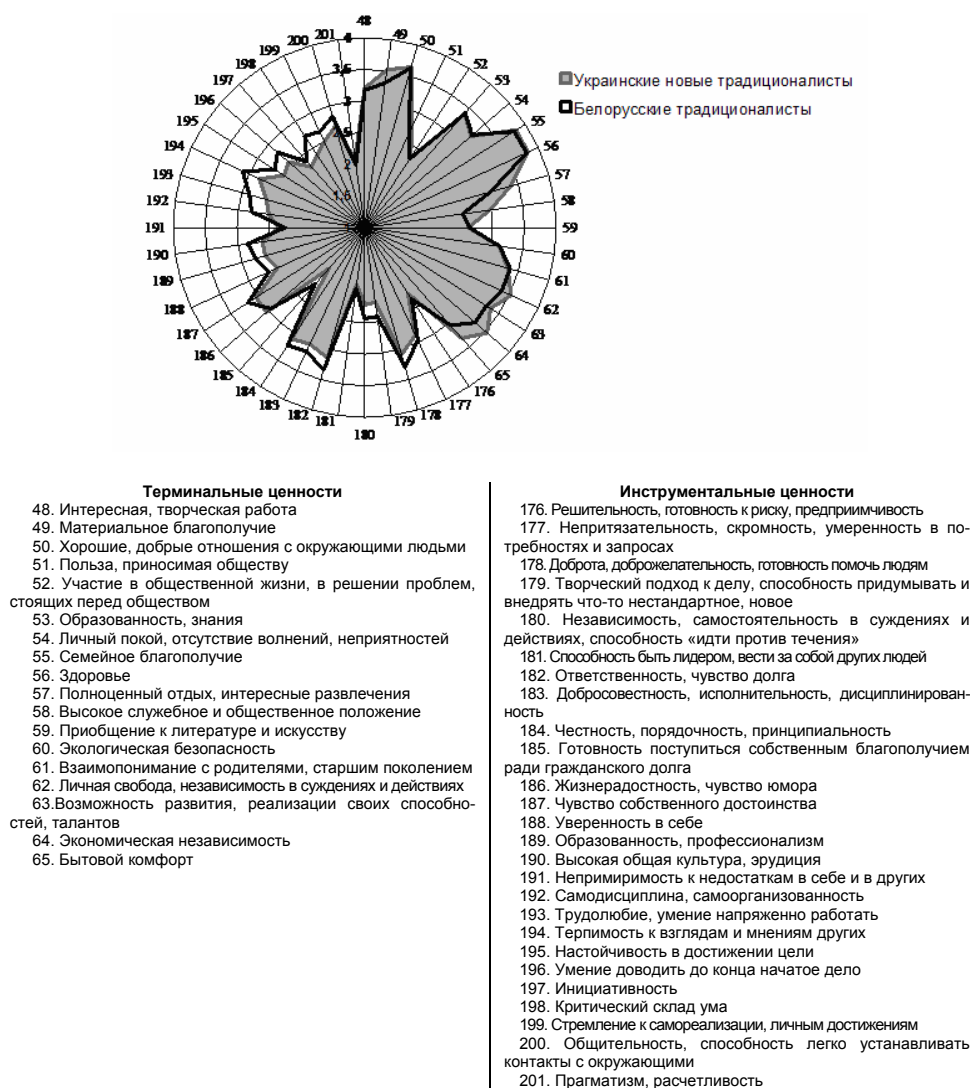

Рис. 4. Лепестковые диаграммы различий украинских и белорусских традиционалистов в 44-мерном пространстве терминальных и инструментальных ценностей*

Необходимо отметить, что «постмодернизм» и «традиционализм» украинских и белорусских студентов в значительной мере отличаются. Эти различия мы прежде всего пытались отразить в названиях кластеров. Так, постмодернистские кластеры украинских студентов были обозначены нами как «постмодернисты-прагматики» и «постмодернисты-идеалисты», то аналогичные кластеры белорусских студентов получили название «постмодернисты-индивидуалисты» и «постмодернисты-коммуналисты». Отличаются своим названием и содержанием традиционалистские кластеры украинских и белорусских студентов: «новые традиционалисты» и просто «традиционалисты» соответственно (рис. 4, 5).

* Лепестковые диаграммы являются способом представления многомерных данных. Лепестковая диаграмма имеет отдельную ось для каждого признака, причем все оси исходят из центра. Значение точек данных отмечается на соответствующей оси. В нашем случае каждая ось представляет некую ценность (48–65 – терминальные ценности, 176–201 – инструментальные ценности). Ценности измерялись по 4-балльной шкале, что тоже отражено на диаграмме. Эти диаграммы позволяют увидеть, по каким именно признакам различаются анализируемые кластеры.

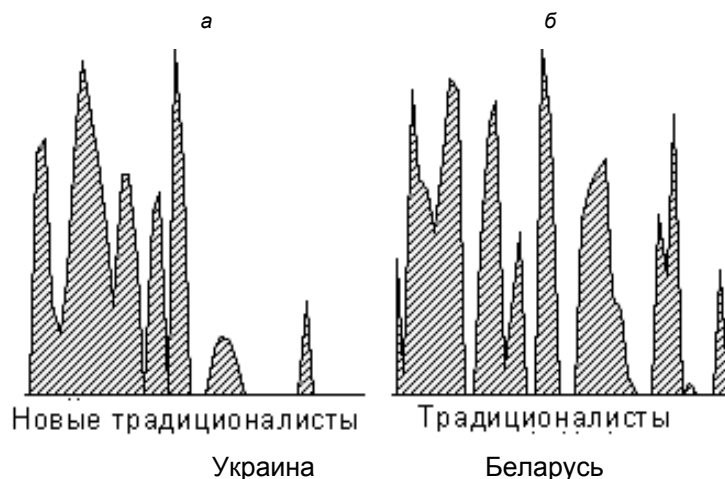

Рис. 5. Пиктограммы-«профили», представляющие различия украинских и белорусских традиционалистов по 18 терминальным (а) и 26 инструментальным (б) ценностям

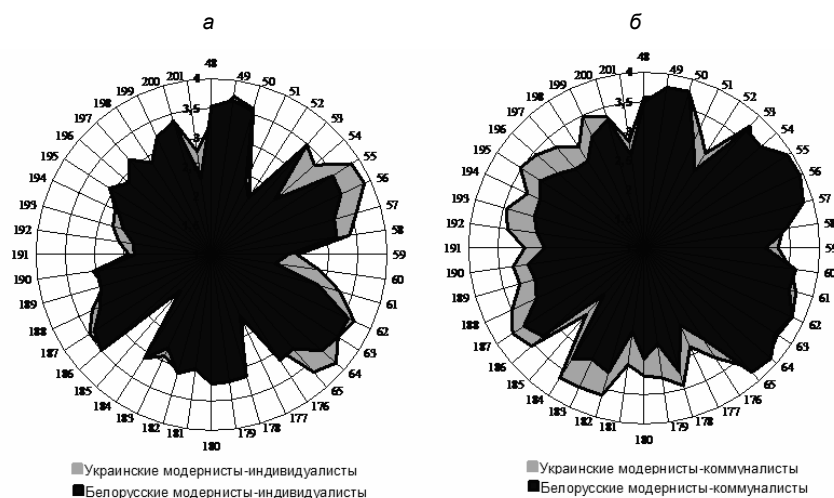

Рис. 6. Лепестковые диаграммы различия украинских и белорусских студентов-«модернистов» в 44-мерном пространстве терминальных (а) и инструментальных (б) ценностей

Модернистские кластеры украинцев и белорусов отличаются слабо, их различия становятся более явными только при многомерной визуализации качественных характеристик этих групп. И в белорусском, и в украинском массиве это кластеры «модернистов-индивидуалистов» и «модернистов-коммуналистов». В кластере украинских «модернистов-коммуналистов» сильнее выражены практически все инструментальные ценности, чем в таком же кластере белорусских студентов (рис. 6, 7). Что касается различий в кластерах «модернистов-индивидуалистов», то они связаны с более высоким уровнем значимости для украинских студентов таких терминальных ценностей, как личный покой, семейное благополучие, здоровье, высокое служебное и общественное положение, экологическая безопасность, экономическая независимость и бытовой комфорт (см. рис. 6).

* «Профили» относятся к пиктограммам последовательного типа. Для каждого наблюдения строится зонный график; относительные значения выбранных переменных соответствуют расстояниям последовательных пиков сечения над линией основания. Как и все виды пиктограмм, этот тип диаграмм является способом когнитивной визуализации данных. В отличие от лепестковых диаграмм «профили» показывают целостную характеристику межкластерных различий, но не позволяют их детализировать по конкретным признакам.

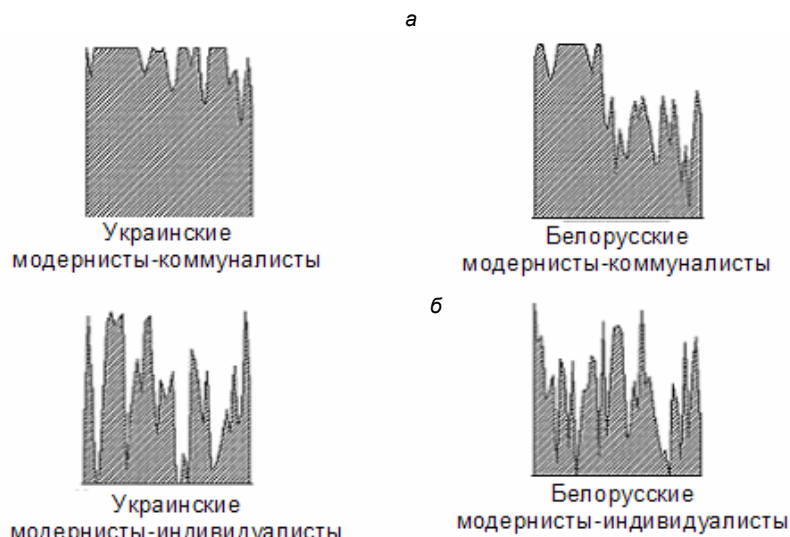

Рис. 7. Пиктографики-«профили», представляющие различия украинских и белорусских студентов-«модернистов» по 18 терминальным (а) и 26 инструментальным (б) ценностям

Особый акцент в нашем исследовании, как уже отмечалось, был сделан на анализе «постмодернистских» кластеров украинских и белорусских респондентов. Это обусловлено тем, что именно постмодернизация ценностного сознания на групповом и личностном уровне отражает сегодня аксиосдвиг в глобальной перспективе.

Сравним выделенные пары постмодернистских кластеров. Начнем с украинских «постмодернистов-прагматиков» и белорусских «постмодернистов-индивидуалистов». Эти кластеры оказались наименее наполненными (4 и 5 % соответственно). При всей близости характеристик данных кластеров постмодернистские «лица» украинских и белорусских студентов различаются по степени выраженности главных кластерообразующих ценностей (рис. 8, 9). Так, если для украинских «постмодернистов-прагматиков» важнейшими терминальными ценностями являются экономическая независимость (3,82) и самореализация, развитие своих способностей (3,78), то для белорусских «постмодернистов-индивидуалистов» такими ценностями являются личная свобода (3,33), полноценный отдых (3,22), самореализация, развитие своих способностей (3,11) и бытовой комфорт (3,11). Белорусских студентов, вошедших в этот кластер, отличает самый низкий уровень ориентации на такую ценность, как семья, – 2,5, у украинских «постмодернистов-прагматиков» ценность семьи значительно выше – 3,78. Не случайно мы назвали этот кластер белорусского студенчества «постмодернисты-индивидуалисты», так как вошедшие в него респонденты отличаются и своими самооценками инструментальных ценностей (личностных качеств). Более всего им присущи: критический склад ума (3,33), стремление к самореализации (3,22), настойчивость (3,11) и чувство собственного достоинства (3,00). Украинские «постмодернисты-прагматики» наиболее высоко оценили стремление к самореализации (3,78), настойчивость (3,78), прагматизм (3,30). Как белорусским, так и украинским студентам, принадлежащим к анализируемым кластерам, менее всего присущи такие качества, как готовность поступиться собственным благополучием ради гражданского долга (1,33 и 1,89 соответственно), неприязнительность, скромность, умеренность в потребностях (1,89 и 2,45 соответственно).

* Приводимые в тексте числа – это средние значения степени важности терминальных ценностей (шкала измерения: 4 – очень ценно; 3 – ценно; 2 – не очень ценно; 1 – совсем не ценно) или средние значения выраженности определенных качеств личности (инструментальных ценностей, т. е. средств достижения ценностей-целей) (шкала измерения: 4 – присуще в полной мере; 3 – скорее присуще; 2 – скорее не присуще; 1 – не присуще).

Таким образом, для украинских «постмодернистов-прагматиков» более значимой оказалась такая ценность, как самореализация, для белорусских «постмодернистов-индивидуалистов» – качество жизни (см. рис. 8). Кластеры постмодернистов значительно различаются между собой по ориентациям на терминальные и инструментальные ценности, что хорошо демонстрируют пиктограммы (см. рис. 2, 3 и 9), где отражены эмерджентные свойства данных кластеров, анализ которых и позволяет говорить о развивающейся тенденции постмодернизации ценностных феноменов.

Сравним следующую пару постмодернистских кластеров: белорусских «постмодернистов-коммуналистов» и украинских «постмодернистов-идеалистов» (см. рис. 8, 9). Иерархия терминальных ценностей представителей данных кластеров практически не отличается, чего нельзя сказать о степени выраженности ориентации на эти ценности. В наибольшей степени студенты ориентируются на такие постмодернистские ценности, как личная свобода (3,83 – белорусы и 3,30 – украинцы), самореализация, развитие своих способностей (3,78 и 3,41 соответственно) и экономическая независимость (3,73 и 3,2 соответственно).

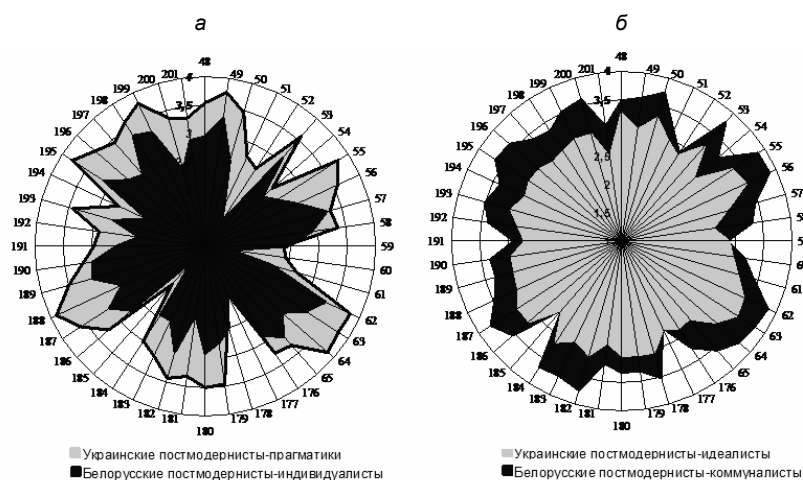

Рис. 8. Лепестковые диаграммы, представляющие различия украинских и белорусских студентов-«постмодернистов» в 44-мерном пространстве терминальных (а) и инструментальных (б) ценностей

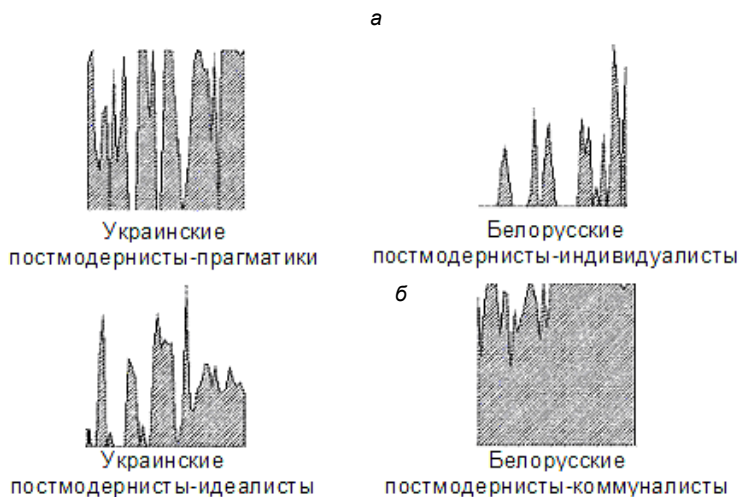

Рис. 9. Пиктограммы «профили», представляющие различия украинских и белорусских студентов-«постмодернистов» по 18 терминальным (а) и 26 инструментальным (б) ценностям

В то же время белорусские респонденты достаточно высоко ориентированы на коллективистские ценности (хорошие, добрые отношения с окружающими людьми (3,72), пользу, приносимую обществу (3,14), участие в общественной жизни, в решении проблем, стоящих перед обществом (2,85)), что и послужило основанием для названия данного кластера – «постмодернисты-коммуналисты». Коммуналистская направленность студентов этого кластера проявилась и в их оценках уровня развития таких инструментальных ценностей, как доброжелательность, готовность помочь людям (3,57), общительность (3,00), готовность поступиться собственным благополучием ради гражданского долга, общественных интересов (2,59).

Что касается аналогичного кластера, выделенного в массиве украинских студентов («постмодернисты-идеалисты»), то на фоне весьма низкой оценки прагматизма (2,48) прежде всего говорят о развитии таких личностных характеристик, как чувство собственного достоинства (3,17), честность (3,12), ответственность (3,09), доброта (3,04), творческий подход к делу (3,03), трудолюбие (3,02) и стремление к самореализации (2,97).

Таким образом, в данном случае постмодернистский дискурс белорусских и украинских студентов отличается не столько содержанием такой интегративной ценности, как самореализация, сколько ее актуализацией благодаря различным инструментальным ценностям, т. е. можно говорить о различных стратегиях самореализации личности будущего специалиста – коммуналистской (белорусский вариант) и идеалистской (украинский вариант).

Анализируя объективные характеристики постмодернистских кластеров, мы обнаружили, что у белорусских «постмодернистов-индивидуалистов», как и у украинских «постмодернистов-прагматиков», преимущественно «мужское лицо» (более 76 и 68 % соответственно). Среди белорусских «постмодернистов-коммуналистов» и украинских «постмодернистов-идеалистов» преобладают женщины (около 70 и 66 % соответственно).

В первой паре сравниваемых кластеров большинство составляют студенты технических вузов, а во второй среди белорусов преобладают гуманитарии (это не удивляет, поскольку в этом кластере в основном представлены женщины), а среди украинцев практически в равной степени представлены студенты гуманитарного, технического, естественнонаучного и экономического профилей обучения.

Согласно самооценкам как украинские, так и белорусские студенты-постмодернисты по сравнению со студентами всех других кластеров – самые обеспеченные люди. В наибольшей степени это относится к украинским «постмодернистам-прагматикам» и белорусским «постмодернистам-индивидуалистам». Среди них больше всего выходцев из крупных городов (столицы и областных центров) и детей самых образованных родителей.

В другой паре сравниваемых нами кластеров (место проживания до поступления в вуз и образование родителей) обнаружены значительные различия. Среди белорусских «постмодернистов-коммуналистов» существенно больше выходцев из села (около 12 %, среди украинских «постмодернистов-идеалистов» – чуть больше 5 %, чем, возможно, и объясняется их коммунализм) и меньше тех, чьи родители имеют высшее образование. Можно предположить, что эти объективные обстоятельства предопределили субъективные характеристики представителей данного кластера – стремление к достижению не только более высокого социального статуса, чем у их родителей, но и качественно иного уровня жизни.

Отмечаются различия и в экономическом поведении студентов, вошедших в анализируемые кластеры. Так, среди украинских «постмодернистов-идеалистов» по сравнению с белорусскими «постмодернистами-коммуналистами» больше тех, кто, обучаясь в вузе, постоянно или время от времени подрабатывает (около 73 и 43,3 % соответственно). Более активны и украинские «постмодернисты-прагматики» по сравнению с белорусскими

«постмодернистами-индивидуалистами». Среди первых постоянно подрабатывают около 29 %, среди вторых – чуть более 11 %. Возможно, причина заключается в более широких возможностях для подработок у украинских студентов.

Обратимся к данным, характеризующим учебную активность «постмодернистов». Среди студентов всех четырех постмодернистских кластеров самая высокая успеваемость у белорусских «постмодернистов-коммуналистов» (более 63 % из них учатся только на «5» и «4»), а среди украинских «постмодернистов-идеалистов» таких же успехов в учебе добиваются только 40 % респондентов.

В другой постмодернистской паре качественная успеваемость практически на одном уровне (58 % – у белорусов, 57 % – у украинцев). В целом «постмодернисты» учатся лучше «модернистов» и «традиционалистов». Не случайно свой жизненный успех они связывают прежде всего с собственным интеллектом, профессионализмом, деловыми качествами, прагматизмом и расчетливостью. О последних качествах как факторах жизненного успеха чаще всего говорят украинские «постмодернисты-прагматики» (50 %) и белорусские «постмодернисты-индивидуалисты» (61,1 %). Среди «постмодернистов» (особенно украинцев) больше тех, кто считает, что для достижения жизненного успеха любые средства хороши.

Нацеленность студентов-«постмодернистов» на самостоятельность в суждениях и действиях проявилась в ответах на вопрос о том, на чью помощь они рассчитывают, думая о будущем трудоустройстве. Только на себя полагаются около 60 % студентов в каждом из четырех постмодернистских кластеров. В этом отношении они прежде всего отличаются от «традиционалистов», особенно украинских, среди которых только 27 % рассчитывают на собственные силы.

Возможно, именно уверенностью в собственных силах объясняется оптимизм «постмодернистов», который прежде всего свойствен украинским «постмодернистам-прагматикам» (около 61 %). В большей степени тревогу по поводу своего будущего испытывают опять-таки традиционалисты (около 48 % украинских и около 52 % белорусских).

Подобная тенденция прослеживается и в ответах респондентов на вопрос о том, насколько удачно складывается их жизнь. Так, среди украинских «постмодернистов-прагматиков» нет ни одного респондента, считающего, что его жизнь складывается неудачно; около 29 % подчеркнули, что все в их жизни идет довольно удачно (это самый высокий показатель как среди украинских, так и среди белорусских студентов). В этом контексте заметим, что больше всего неудовлетворенных своей жизнью среди «традиционалистов» (9 % белорусов и 10 % украинцев, входящих в данные кластеры); в то же время «традиционалисты» гораздо реже других довольны своей жизнью (14,5 % среди украинских и около 11 % среди белорусских).

Что касается политико-идеологических и гражданских позиций постмодернистов, то и в Украине, и в Беларуси среди них больше всего тех, кто выступает за независимость своей страны. В политических предпочтениях «постмодернистов» нашли свое подтверждение специфические особенности постмодернизации ценностного сознания украинского и белорусского студенчества. Кластерный анализ позволил выявить, что среди белорусских студентов, заявивших о своих симпатиях коммунистической идее (в целом их немного – 1,3 % по всему массиву опрошенных), 36 % – «постмодернисты-коммуналисты». Таким образом, коллективизм, четко обнаруживший себя в ценностных предпочтениях студентов, принадлежащих к этому кластеру, нашел проявление в их идеологических позициях. То же можно сказать и о «постмодернистах-индивидуалистах» (равно как и о «модернистах-индивидуалистах»): среди них нет ни одного, кто разделял бы коммунистические взгляды. Что касается украинских студентов, поддерживающих ком-

мунистическую идею, то среди них постмодернистов всего 1,8 %. В целом постмодернизм украинского студенчества имеет более выраженную социал-демократическую окраску, белорусского – национал-демократическую. «Постмодернисты» (особенно украинские) чаще представителей других кластеров участвуют в деятельности общественных и политических организаций, им присущ более высокий уровень политического участия и протестной активности (примерно каждый пятый респондент в Украине и каждый восьмой в Беларуси готов принять участие в акциях протеста даже в том случае, если может пострадать от этого).

Анализ эмпирических данных, в том числе с помощью методов ИАД, позволил нам прийти к выводу, что развивающаяся тенденция «модернизации» и «постмодернизации» ценностного мира украинского и белорусского студенчества свидетельствует о становлении его субъектных характеристик. Последнее, на наш взгляд, является важнейшим фактором и одновременно показателем социокультурных изменений, происходящих на постсоветском пространстве. Актуализация субъектности как на индивидуальном, так и на групповом уровне, утрата бессубъектности общества в целом выступает одним из главных результатов трансформационных процессов в их глобальных и локальных контекстах. Именно поэтому анализ факторной обусловленности этих процессов, в том числе ценностной детерминации становления субъектности будущих специалистов, является актуальной исследовательской задачей. При ее решении мы также прибегли к методам ИАД, результаты чего надеемся представить в наших дальнейших публикациях.

¹ Сокурская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков, 2006. С. 359.

² См.: Pfenning F., Berthold M. R. Advances in Data Analysis V: 5th International Conference on Intelligent Data Analysis, IDA 2003, Berlin, Germany, August 28–30, 2003: Proceedings (Lecture Notes in Computer Science, 2810); The Fourth International Symposium on Intelligent Data Analysis. Cultural Centre of Cascais Lisbon, Portugal September 13–15, 2001. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://centria.di.fct.unl.pt/ida01>; DataEngine is the software tool for intelligent data analysis which unites statistical methods with neural networks and fuzzy technologies. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.dataengine.de>; Сайт журнала DMreview (одного из ведущих on-line журналов в области ИАД): <http://www.dmreview.com/>; Финн В. К. Об интеллектуальном анализе данных // Новости искусственного интеллекта. 2004. № 3. С. 3–18; http://www.raai.org/about/persons/finn/pages/finn_kdd.doc

³ См.: Финн В. К. Об интеллектуальном анализе данных // Новости искусственного интеллекта. 2004. № 3. С. 3–18; http://www.raai.org/about/persons/finn/pages/finn_kdd.doc

⁴ См.: Fayyad U. M., Piatetsky-Shapiro G., Smyth P. From Data Mining to Knowledge Discovery in Databases // AI Magazine. 1996. № 17 (3). P. 37–54.

⁵ См.: Кислова О. Н., Сокурская Л. Г. Возможности и перспективы методологии интеллектуального анализа данных в исследовании ценностных ориентаций студенчества // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія та практика». 2006. № 723. С. 257–263; Кислова О. Н. Интеллектуальный анализ данных: возможности и перспективы применения в социологических исследованиях // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2005. С. 237–243.

⁶ См.: Кислова О. Н., Сокурская Л. Г. Использование метода многомерного шкалирования в исследовании ценностей студенчества: процедура и результаты // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2002. С. 543–546; Они же. Многомерное шкалирование ценностных ориентаций студенческой молодежи // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2005. № 652. С. 101–107.

⁷ См.: Сокурская Л. Г., Кислова О. Н. Постмодернизация ценностного сознания современного студенчества: украинский и белорусский вариант // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2004. С. 527–533; Они же. Ценностная дифференциация украинского студенчества: кластерный анализ // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. Харків, 2003. С. 534–539.

⁸ См.: Кислова О. Н., Сокурская Л. Г. Возможности и перспективы методологии интеллектуального анализа данных в исследовании ценностных ориентаций студенчества // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія та практика». 2006. № 723. С. 257–263; Кислова О. Н. Интеллектуальный анализ данных: возможности и перспективы применения в социологических

исследованиях // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2005. С. 237–243; Кислова О.Н., Сокурская Л.Г. Использование метода многомерного шкалирования в исследовании ценностей студенчества: процедура и результаты // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2002. С. 543–546; Они же. Многомерное шкалирование ценностных ориентаций студенческой молодежи // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. 2005. № 652. С. 101–107; Сокурская Л.Г., Кислова О.Н. Постмодернизация ценностного сознания современного студенчества: украинский и белорусский вариант // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2004. С. 527–533; Они же. Ценностная дифференциация украинского студенчества: кластерный анализ // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2003. С. 534–539.

⁹См.: Плотинский Ю.М. Визуализация информации. М., 1994; Зенкин А.А. Когнитивная компьютерная графика. М., 1991.

¹⁰См.: Зенкин А.А. Когнитивная компьютерная графика. М., 1991.

¹¹См.: Сокурская Л.Г., Кислова О.Н. Постмодернизация ценностного сознания современного студенчества: украинский и белорусский вариант // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць*. Харків, 2004. С. 527–533.

Поступила в редакцию 16.11.07.

Ю.Г. ЧЕРНЯК,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Рассматривается место молодежи в рисковом пространстве. Анализируются последствия социальных рисков и их влияние на общественное развитие, обосновывается необходимость их социологического изучения.

The place of the youth in the risk space is considered in the article. The consequences of social risks and their impact on social development are given analysis to and a necessity of their sociological study is given grounds for.

Актуализация молодежных проблем, в частности включенность молодежи в рисковое пространство, непосредственно связана с особенностями ее роли и места в общественном воспроизводстве. Преемственность поколений относится не только к молодежи, но и к обществу в целом, в результате чего происходит как простое воспроизводство социальной структуры, так и обновление всей системы общественных отношений. Качество этих процессов напрямую зависит от степени включенности молодежи в систему социальных рисков.

Социальный риск является атрибутом социальной жизни, представляет собой возможность наступления неблагоприятного и неконтролируемого события или процесса, возникающего в результате деятельности социального субъекта, распространяющейся в социальном пространстве и влияющей на него самого и на другие социальные объекты, затрудняя тем самым их функционирование и развитие. Риски детерминируются активностью человека, а результаты рискованной деятельности распространяются в социальной сфере. Они трудно предсказуемы, плохо поддаются калькуляции. В результате этого расширение рискового пространства оказывает непосредственное влияние на будущее развитие общества.

Создаваемые обществом пределы безопасности не позволяют полностью избавиться от состояния неопределенности. Поскольку социальным системам свойственно производство рисков и последующая трансляция последствий рискованной деятельности, постольку рискозависимость и опасность становятся нормами для функционирующих в них социальных субъектов. Следствие такой ситуации – «накопление» неблагоприятных явлений и событий, которые затрудняют общественное развитие и обостряют состояние неопределенности. Основная причина этого заключается в том, что социальные системы обладают ограниченным запасом прочности и устой-

чивости, не позволяющим им аккумулировать в себе последствия рискованной деятельности без изменения принципов своей организации и функционирования¹. Очевидно, что выход за рамки возможностей противостояния и адаптации к рискам может привести к непоправимым результатам, что, по сути, является импульсом для появления новых социальных рисков и соответствующих им последствий.

Молодежь, являясь достаточно большой социально-демографической группой, занимает важное место в развитии общества. Будучи включенной в непосредственное производство рисков и потребление результатов рискованной деятельности, она благодаря своему воспроизводственному потенциалу способствует трансляции и накоплению неблагоприятных последствий и явлений, появлению новых форм поведения, которые могут считаться рискованными. Исходя из этого, принципиально важным при рассмотрении участия молодежи в процессах производства рисков и их потребления является вопрос не только о причинах, но и о возможных последствиях влияния социальных рисков как на эту социальную группу, так и на все общество в целом.

Роль молодежи как субъекта и объекта в историческом процессе развития общества весьма специфична. С точки зрения механизма социализации молодой человек, вступая в жизнь, является объектом воздействия социальных условий, семьи, друзей, институтов обучения и образования, а затем, в процессе взросления и перехода от детства к юношеству, учится и сам становится субъектом всех социально-экономических, политических и общественных преобразований. Этот процесс не может быть охарактеризован однозначно, поскольку, способствуя социальным изменениям, молодежь оказывается их «жертвой», испытывая на себе влияние возникающих неблагоприятных процессов и тенденций. Тем самым развитие молодежи может рассматриваться как рискогенное. Одним из следствий таких условий, учитывая циклический характер воспроизводства риска, и является возникновение новых ситуаций неопределенности, «накопление» неблагоприятных событий и тенденций.

В процессе становления молодые люди сталкиваются с серьезными проблемами, одной из причин которых является отсутствие достаточного уровня образования, профессиональных навыков, социального опыта, который имеет старшее поколение. Представители молодого поколения рискуют не получить желаемого образования, не найти работы, не создать семью, не выдержать конкуренции на рынке труда и остаться не у дел, не оправдав тем самым ожидания общества. Обладая заведомо низким статусом по сравнению с другими социальными группами, молодежь, входя в функционирующее общество с уже устоявшейся социальной структурой, пытается войти в ту или иную социальную группу, повышая тем самым свой социальный статус. Однако при реализации данной потребности молодые люди, как правило, попадают под влияние неопределенности, которое выражается в наступлении рискованных ситуаций.

Социальные условия во многом предопределяют и обуславливают процесс социализации и становления молодежи. В переходных обществах под влиянием риска процесс общественного воспроизводства претерпевает существенные изменения. В ситуации, когда старые механизмы в нем утрачивают свою эффективность, а новые еще не сформировались, состояние неопределенности актуализируется. Если старшие поколения в системе общественных отношений при этом чувствуют себя более или менее комфортно, то о молодежи этого сказать нельзя, поскольку она не имеет соответствующего социального и производственного опыта. Вступая в жизнь, молодые люди уже обладают определенными материальными благами, знаниями и навыками, закрепленными в процессе социализации. Тем не менее их качество не всегда позволяет выбрать безопасную модель поведения и эффективно противостоять неблагоприятным рискованным последствиям.

Это нередко является причиной того, что адаптационный потенциал к социальным изменениям, а следовательно, и способность противостоять неопределенности у данной социально-демографической группы значительно снижаются. По этой причине происходит включение молодых людей в рисковое пространство, последствия которого в дальнейшем будут проявляться на уровне всего общества. Так, например, неблагоприятная экологическая ситуация (которая может рассматриваться как ситуация риска) влияет на состояние здоровья населения в целом. В этих условиях уровень заболеваемости в младших возрастных социально-демографических группах возрастает. В частности, анализ медицинской статистики показывает, что заболеваемость белорусских детей в возрасте от 0 до 14 лет, т. е. будущего молодого поколения, по некоторым видам болезней остается достаточно высоким (табл. 1)². Следовательно, их вхождение во взрослую жизнь будет непосредственно связано со слабым здоровьем, что, в свою очередь, проявляется в низкой адаптивности к условиям внешней среды.

Таблица 1

**Заболеваемость детей в возрасте 0–14 лет по некоторым группам болезней
(число случаев на 100 000 детей)**

Болезни	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Органов дыхания	107 533	109 535	114 076	126 063	128 208
Органов пищеварения	5146	5369	5323	4955	4733
Эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ	784	789	774	749	635
Нервной системы	723	761	960	1038	1064

Молодежь является не просто субъектом воспроизводства и трансляции материальных богатств и духовного наследия общества, но и создателем новых, более прогрессивных знаний и общественных отношений. Молодые люди по сравнению с другими социальными группами общества имеют не только наибольшую социальную и профессиональную, но и в целом жизненную перспективу: они способны быстрее других социальных групп овладевать новыми знаниями, необходимыми в условиях трансформации и увеличивающимися потенциалом развития социальной системы.

Однако такая особенность молодежи в условиях системной трансформации может быть существенно снижена, поскольку представители молодого поколения вступают в жизнь в условиях функционирования уже имеющихся в обществе социальных институтов и структур, которые далеко не всегда отвечают их интересам и потребностям. По этой причине инновационный потенциал молодежи, выражающийся в способности реализовывать новые способы деятельности, формы взаимодействия с социальными организациями, формировать новую нормативно-ценностную систему, может вызывать противодействие со стороны социальных институтов, обеспечивающих целостность и стабильность общества. В силу этого могут возникать конфликты, следствием которых является увеличение рискованного пространства, включения в него большего количества социальных субъектов. Такие конфликты, по мнению российского исследователя В.И. Чупрова³, выражаются в обострении интересов различных категорий молодежи, связанных с воспроизводством статусного положения и препятствиями, возникающими в этом процессе со стороны общества. Так, например, низкие возможности повышения квалификации и карьерного роста могут повлечь за собой уход молодого специалиста из одной профессиональной сферы в другую. На первый взгляд такой «профессиональный поиск» не влечет за собой очевидных неблагоприятных последствий. Тем не менее учет затрат и времени на подготовку по основной специальности, длительность профессиональной адаптации и других факторов показывают, что издержки как

для общества, так и для молодого человека оказываются слишком высокими. В результате этого на уровне общества наблюдается отток подготовленных специалистов из отрасли, а вследствие этого – снижение ее производственного потенциала и эффективности.

Возрастание индивидуальных запросов и потребностей приводит к сверхзанятости в молодежной группе. Это выражается в том, что пополнение рынка труда в значительной степени происходит за счет учащейся молодежи (различного рода подработки, совместительство, сезонная занятость). Действительно, в студенческой среде получило довольно широкое распространение совмещение учебы и работы. Как фиксируют некоторые исследователи⁴, более половины студентов выпускных курсов работают параллельно с учебой. Чаще подрабатывают студенты гуманитарного (63 %), технического (59 %) и естественнонаучного (54 %) профиля, реже – социально-экономических специальностей. Кроме этого, многие студенты белорусских вузов в целях заработка выезжают на сезонные работы в США, Канаду, Великобританию и т. д. Очевидно, что последствия подобной ситуации могут негативно сказаться на процессе учебы и качестве приобретаемых знаний, являясь катализатором возникновения разнообразных ситуаций риска в будущем (например, трудности, связанные с поиском работы, с низкой профессиональной подготовкой и т. д.).

Еще один аспект попадания молодежи в систему рисков связан с процессом обучения и получения профессиональных знаний и навыков. Заметим, что процесс получения образования, подготовки специалиста не всегда может быть безопасным для молодых людей и социальной системы, а его возможные последствия, проявляясь в будущем, неизбежно влекут за собой увеличение затрат на их минимизацию и социальную поддержку тех людей, которые попали в зону риска. Речь идет не только о качестве приобретаемых знаний и навыков, их способности помочь в преодолении неопределенности и неблагоприятных событий, но и о затратах на обучение и подготовку необходимых для удовлетворения потребностей государства и общества специалистов, качестве профессионально-производственной адаптации и т. д.

В условиях трансформации общества значение образования как неперемного фактора качественного развития социальной системы актуализируется, поскольку отсутствие профессии или недостаточный уровень квалификации молодежи приводит к существенным экономическим и социальным затратам. Ценность образования подтверждается социологическими исследованиями. В установках молодежи образование является необходимой основой для будущей успешной жизни, трудовой деятельности, материального благополучия⁵. Однако студенты как профессионально-технических учебных заведений, так и вузов, выбирая «модную» профессию, часто получают специальности, которые впоследствии могут оказаться неконкурентоспособными на рынке труда по причине большого количества уже подготовленных кадров. В результате этого молодые люди вынуждены работать не по специальности, зарабатывать трудом, не требующим квалификации, либо вообще не могут трудоустроиться. Так, например, в 2006 г. 8,2 % безработных составляли выпускники вузов⁶. Показателен тот факт, что среди безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, 30,2 % – молодые люди в возрасте 16–19 лет, причем самой многочисленной является группа в возрасте 20–24 лет (17,5 %)⁷. Таким образом, еще на стадии выбора профессии молодые люди сталкиваются с проблемой востребованности будущей специальности, что на уровне всей социальной системы выражается в увеличении затрат на переподготовку молодых специалистов.

Еще одним фактором, характеризующим попадание молодежи в рисковое пространство, является платное обучение. В данном случае происходит

конфликт интересов не только отдельных личностей, но и целых социальных групп, выражающийся в неравенстве возможностей для самореализации в сфере образования. Даже в случае преодоления неблагоприятных условий и факторов риска (использование кредита на получение образования, приобретение аналогичного образования в менее престижных учебных заведениях и т. п.) ситуация неопределенности продолжает обостряться на стадии выхода молодого человека на рынок труда. Это проявляется в ограничении возможностей трудоустройства для тех, кто не имеет профессии, а также для выпускников высших и средних специальных заведений. Так, например, почти каждое объявление о приеме на работу включает в себя обязательные требования: возраст 25–30 лет и 3–5 лет стажа работы по специальности.

Особое место в системе образования занимают также и такие социальные риски, которые связаны с подготовкой специалистов, ориентированной на развитие некоторых уникальных способностей. Речь идет о подготовке профессиональных спортсменов, музыкантов, художников и т. д. Ожидания и требования, предъявляемые к молодым людям в данном случае, на наш взгляд, являются достаточно высокими. Однако не каждый из них может достичь успеха в своей сфере. Учитывая тот факт, что подготовка таких специалистов, как правило, является узкопрофильной, в случае неуспеха молодые люди исключаются из данной системы и в конечном итоге из-за отсутствия «универсальных» знаний, позволяющих противостоять неопределенности, сталкиваются с трудностями в адаптации к новым для них социальным условиям.

Эскалация риска в обществе затрагивает все социальные группы, в том числе и молодежь, меняя их качества, характеристики, функции. В условиях системной трансформации это выражается в изменении моделей поведения представителей молодого поколения, их роли в общественном воспроизводстве, что соответствующим образом отражается на изменении социально-демографических показателей. В частности, процесс старения населения существенно замедляет воспроизводство и развитие общества, детерминируя нагрузку на молодое поколение и опосредуя тем самым обострение состояния неопределенности как для самой молодежи, так и для всего общества. Так, например, несмотря на некоторое снижение доли лиц старше трудоспособного возраста, в Республике Беларусь одновременно происходит снижение доли лиц моложе трудоспособного возраста (табл. 2)⁸.

Таблица 2

Возрастная структура населения

Население	Абсолютная численность, тыс. чел.		
	2000 г.	2005 г.	2006 г.
Все	10 019,5	9800,1	9750,2
Моложе трудоспособного возраста	2065,5	1682,8	1674,3
В трудоспособном возрасте	5809,3	6037,3	6006,5
Старше трудоспособного возраста	2144,7	2080,0	2069,4

На индивидуально-личностном уровне риск представляет собой ситуационный процесс: его проявления возникают в конкретных жизненных ситуациях. Сталкиваясь с ограничением возможностей на этапе жизненного старта, обусловленным меньшей социальной значимостью, некоторые представители молодого поколения для удовлетворения своих потребностей могут использовать такие модели поведения, которые в последующем будут наносить ущерб как им самим, так и всей социальной системе. Данные модели поведения в некоторых случаях могут выражаться в радикальной, социально опасной форме, в виде социальных девиаций.

Рассматривая социальные отклонения как форму рискованной деятельности, ведущей к дестабилизации социальной системы, снижению темпов ее

качественного развития, актуализации неопределенности, следует учитывать тот факт, что их распространенность значительно возрастает в условиях социальной трансформации. Ситуация усугубляется тем, что появляются новые виды социальных отклонений (компьютерные и другие преступления, экономические девиации и т. п.), мало изученные и в силу этого более опасные.

Отсутствие в обществе устойчивых социальных норм и ценностей, деформация нормативной структуры и институтов социализации приводят к тому, что некоторые социальные отклонения трансформируются в субкультурную норму поведения. В результате этого интенсивность попадания представителей молодого поколения в рисковое пространство, равно как и объем последующих социальных последствий, возрастает. На уровне общества увеличение социальных девиаций проявляется в возрастании числа социальных субъектов, включенных в локализацию данного вида риска, росте материальных затрат на финансирование программ по минимизации ущерба. Но самое главное здесь – дезадаптация и дезинтеграция тех молодых людей, которые попали в зону риска, их выбывание из производственных отношений, ослабление и прекращение имеющихся социальных связей. Так, например, отсутствие динамики в снижении количества осужденных за правонарушения среди белорусской молодежи заслуживает особого внимания. Уже долгое время она остается практически неизменной: в 2003 г. доля осужденных молодых людей в возрасте 18–24 лет составила 28,3 %, в 2004 г. – 29,2 %, в 2005 г. – 29,6 %, в 2006 г. – 29,4 %⁹.

Процесс трансформации общества, его переход на качественно новый этап развития необходимо предполагают изменения в социальной структуре, системах ценностных ориентаций, социокультурных предпочтений, в экономических, производственных отношениях и т. д. Одновременно с усложнением строения общества происходит расширение рискового пространства, т. е. тех ситуаций, которые могут привести к возникновению ущерба, значимого для всей социальной системы. Становясь наиболее общим основанием существования и качественных характеристик современного общества, риски вместе с этим являются значимым фактором развития молодежи. В условиях социальной неопределенности они оказывают непосредственное влияние на процесс становления и функционирования молодого поколения.

Молодежь сегодня не только реализует в своем поведении различные формы риска, но и участвует в процессе «распространения» и «потребления» рисковых последствий, возникающих в результате деятельности как самой молодежи, так и других социальных групп. Она, таким образом, является и субъектом, и объектом, и группой риска, в результате чего воспроизводственный потенциал молодого поколения снижается, что не может не влиять на дальнейшее развитие общества. Исходя из этого, изучение социальных рисков в молодежной среде с целью их минимизации позволяет выйти на решение проблем безопасности и устойчивого общественного развития, адаптации молодого поколения, снижения уровня производства рисков, добиться более равномерного их перераспределения и в конечном счете преодоления.

¹ См.: Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35.

² См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007 (стат. сб.) / М-во стат. и анализа Респ. Беларусь; Редкол.: В.И. Зиновский и др. Мн., 2007. С. 278.

³ См.: Чупров В. И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестн. РУДН. 2005. № 6-7. С. 7–17.

⁴ См.: Лимаренко А. П., Прилепко Е. М. Проблемы трудоустройства студенческой молодежи Беларуси в условиях перехода к рыночным отношениям // Там же. 2004. № 3. С. 73.

⁵ См.: Ротман Д. Г. Социологический портрет современного поколения белорусской молодежи // Актуальные проблемы современного белорусского общества: социологический аспект. Мн., 2005. С. 177–191.

⁶ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007 (стат. сб.). С. 147.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ См.: Бабосов Е. М. Беларусь перед демографическими вызовами XXI века // Социология. 2007. № 3. С. 125.

⁹ См.: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2007 (стат. сб.). С. 295.

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ (по материалам международного социологического исследования)

Анализируются результаты социологического исследования (ряд глубинных интервью), посвященного вопросам трудовой миграции населения Беларуси.

The results of a sociological research (which is a number of in-depth interviews) devoted to the issues of labor migration of the population of Belarus are given analysis to.

Миграционные процессы выступают одной из форм социального поведения населения. С точки зрения демографической безопасности государства особо важными считаются внешние миграционные процессы, так как, в отличие от внутренних процессов, связаны с изменением численности населения того или иного государства, оказывают большое воздействие на его демографическую структуру и этнический состав населения.

Начиная с 1990-х гг. Беларусь оказалась вовлечена в процессы международной трудовой миграции. В настоящее время для нашей страны характерно небольшое количество регистрируемых трудовых мигрантов. Согласно данным статистики, пик трудовой эмиграции из Беларуси пришелся на 2003 г. (рис. 1), когда по заключенным трудовым договорам за пределы страны выехали 6349 чел.¹

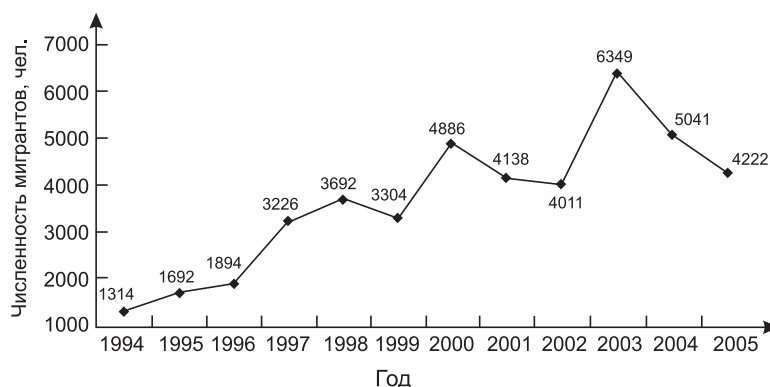

Рис. 1. Экспорт рабочей силы из Республики Беларусь

Однако существуют определенные сложности с регистрацией граждан, выезжающих за пределы страны на работу. Текущий учет населения, возложенный на органы внутренних дел, фиксирует только акты миграции, связанные с изменением прописки (регистрации). Кроме того, статистическому учету подлежат случаи перемены места жительства на срок более 1,5 месяца. Учет миграции осуществляется на основе талонов статистического учета прибытий и убытий, которые составляются при выписке (приписке) населения одновременно с адресными листами прибытия и убытия, используемыми органами МВД Республики Беларусь. Таким образом, если переезд, а равно и выезд за границу, совершается без изменения прописки (регистрации), то он официальной статистикой не учитывается. По оценкам экспертов, объемы нелегальной трудовой миграции намного превышают зарегистрированный уровень. Основная часть незаконных трудовых мигрантов – от 10 до 30 тыс. чел. – направляется в Россию. По общему мнению экспертов, их количество в будущем будет только увеличиваться².

Многие выезжают за границу по визам различного типа (гостевым, туристическим, студенческим), на месте оформляют документы для проживания и живут за границей, не теряя прописки (регистрации) в Беларуси. Такой схемы, например, придерживаются многие студенты, уезжающие и остающиеся в США.

Таким образом, в современных социально-экономических условиях по отношению к мировому рынку труда Беларусь выступает в основном как экспортер рабочей силы.

Выход на международный рынок труда и вовлечение населения в мировые миграционные процессы требует от государства разработки гибкой и эффективной миграционной политики, поддержки трудящихся-мигрантов как за пределами Беларуси, так и внутри. Для эффективного решения этих задач необходимо обладать по меньшей мере информацией о существующих стратегиях миграционного поведения населения, об объемах миграционных потоков, о социально-демографических характеристиках мигрантов и факторах, побуждающих людей выезжать за границу в поисках работы.

В рамках взаимодействия между учеными Западной и Восточной Европы при участии INTAS – Международной некоммерческой ассоциации по содействию и сотрудничеству с учеными из стран СНГ – в 2005–2006 гг. Республика Беларусь приняла участие в международном сравнительном исследовании «Модели миграции в новых европейских странах: оценка миграционных тенденций в странах СНГ, граничащих с Европейским союзом (Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина)» (INTAS № 04-79-7165). Основной целью проекта было исследование миграционных процессов и отношения к миграции населения участвующих в проекте стран.

Методология исследования включала использование применяющихся при проведении этнографических исследований комбинированных количественных и качественных методов сбора информации. На первом этапе проводился опрос населения. Сбор информации осуществлялся методом интервью «лицом к лицу» с применением комбинированной многоступенчатой выборки. В каждой из стран-участниц проекта были выбраны два региона с наиболее высоким уровнем миграции (по данным официальной статистики). Выборочная совокупность объемом 400 человек была равномерно распределена по двум указанным регионам.

На втором этапе исследования проводилась серия из 20 глубинных интервью с реальными мигрантами, отобранными по результатам анкетного опроса.

В Беларуси сбор информации осуществлялся Центром социологических и политических исследований БГУ в 2006 г. Опрос проводился в г. Минске и Брестской области (городах Брест, Пинск, Жабинка); сельских населенных пунктах Каменецкого, Березовского и Кобринского районов Брестской области (в каждом из указанных районов были отобраны для проведения опроса по два села), всего в 10 точках: 4 городах и 6 селах. На втором этапе было проведено по 10 глубинных интервью в каждом из двух регионов.

Кратко рассмотрим данные, характеризующие объемы и направления внешней трудовой миграции.

Результаты количественного исследования

Сложно сказать, насколько правомерно обобщать результаты анкетного опроса на население Беларуси в целом, поэтому, используя термин «население», будем иметь в виду население г. Минска и приграничных районов страны. Как показали данные исследования, достаточно большая доля населения имеет опыт работы или учебы за границей (интервьюерами регистрировались только случаи трудоустройства или обучения за границей на срок, превышающий 1 месяц, что позволило исключить из анализа кратковременные поездки челночного типа, гостевые и туристические визиты) – 10,8 % респондентов указали на наличие такого опыта.

Наиболее популярной моделью внешней миграции является выезд на работу: 90,7 % случаев являются именно рабочей миграцией, остальные приходятся на учебную миграцию.

Основным направлением осуществленных поездок выступает Россия (45,6). В страны Западной Европы выезжали 26,1 % респондентов, в страны Восточной Европы – 13,2 %, в неевропейские страны – 16,2 % (в том числе в США – 11,8 % (рис. 2).

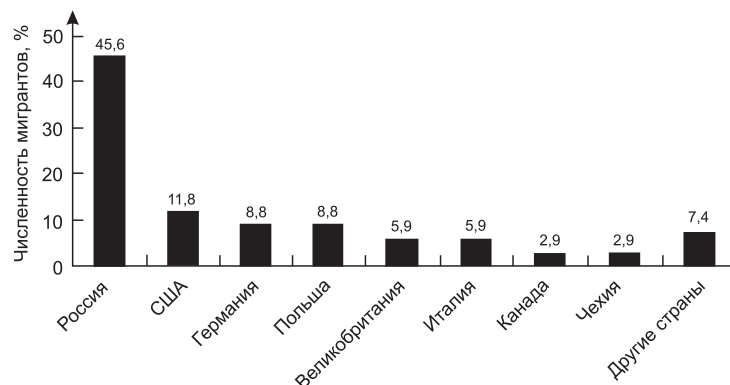

Рис. 2. Основные направления выезда мигрантов на работу

В число стран, выбранных для учебы, вошли Великобритания, Германия, Польша, Россия. В половине случаев обучение было связано с изучением иностранного языка.

Для построения модели миграции важным является определение ее продолжительности. Основная доля поездок – это кратковременные поездки от 1 до 3 месяцев – 54,6 %, от 4 до 6 месяцев – 28,6 %, от 7 месяцев до 1 года – 9,1 %, свыше 1 года – 7,8 %.

Наиболее распространенный род занятий за границей – работа по строительным и другим рабочим специальностям в различных отраслях, а также официантами, продавцами, по дому и т. д.

Результаты качественного исследования

Более подробная беседа с людьми, имеющими опыт работы за границей, позволила помимо количественной информации (страна выезда, сроки пребывания, род занятий) получить и качественную информацию, раскрывающую мотивы и факторы, повлиявшие на принятие решения о поездке, способы реализации этого решения, проблемы и трудности, возникавшие на всех этапах, оценку результатов поездки.

Мотивы трудовой миграции. Как уже отмечалось, основным мотивом большинства поездок за рубеж является улучшение материального положения. Многие респонденты прямо указывают на то, что ехали именно зарабатывать:

«Цель поездки состояла в том, чтобы заработать деньги» (27 лет, Россия);

«Заработки, необходимость покупки жилья. Поехал, чтобы заработать хорошие деньги за короткий срок» (22 года, Великобритания);

«Хотела заработать денег, потому что не видела возможность сделать это в Беларуси за короткое время» (28 лет, Россия);

«Главная моя цель была – обрести финансовую независимость. Я хотела жить отдельно, но у меня не было отдельной квартиры, поэтому я решила попробовать заработать на нее денег» (26 лет, США).

Достаточно распространены и мотивы, не связанные с материальными выгодами. Особенно это относится к молодым мигрантам, чаще всего студентам, выезжающим в страны Западной Европы и США. Основная их цель – приобретение нового опыта, впечатлений, знания языка:

«В таком возрасте для меня было важно не столько заработать деньги, сколько поехать в новую страну, просто интересно было пожить в тех условиях, ну и попутно заработать денег» (24 года, Великобритания);

«Я очень хотела посетить какую-нибудь западную страну. Молодежь должна расширять свой кругозор. Пока ты полон энергии, есть желание и возможности, нужно стараться увидеть как можно больше. К тому же это была возможность заработать дополнительные деньги и помочь свое семье» (27 лет, Ирландия);

«Основной целью поездки было заработать деньги, но хотелось и получить новый опыт общения, познакомиться с новой страной, приобрести новых друзей» (25 лет, США);

«Основной причиной поездки было изучение языка. Известно, что в среде, где этот язык является родным, ты его выучишь лучше. Потом, просто хотелось пожить в этой стране. Ну и, естественно, хотелось поступить после окончания рабочего контракта в университет там, в Германии» (24 года, Германия).

Каналы выезда. Основными способами выехать на работу за рубеж являются: через фирму-посредника и самостоятельная организация поездки, которая может быть как легальной, так и нелегальной.

Большинство респондентов указали, что пользовались услугами посредников. Это относится в первую очередь к тем, кто выезжал на работу в страны Западной Европы и США.

«Я обращалась в агентство и через них оформляла все документы. Все документы собирала я сама, относила их в агентство, а они уже передавали их немецкой стороне. В Германии тоже есть аналогичные агентства, которые взаимодействуют с нашими агентствами» (24 года, Германия);

«Для меня все было достаточно просто, так как за меня все делало агентство. Я оформляла в Беларуси документы в этой компании. Я только ставила подписи, там где это надо было, и сходила в посольство. Даже в посольство я ничего не несла, так как все документы туда сдавали представители компании, в которую я обратилась» (24 года, Великобритания);

«Частично я сам занимался оформлением документов, частично агентство... Агентство делало полный пакет документов, полное визовое сопровождение, сопровождение по рабочим контрактам, оформление необходимых посольских документов, документальную работу с миграционной службой Беларуси» (22 года, США);

«Агентство оформляло документы, относило в посольство. Плюс ко всему в случае запроса эта фирма могла бы нам помочь найти работу за дополнительную плату. Единственной нашей заботой было сделать международное студенческое удостоверение – ISIC, которое давало скидки на билеты. А все остальное делала фирма, мы только забирали у нее билеты» (25 лет, США).

Таким образом, практически вся трудовая миграция в западные страны является легальной и оформляется по всем правилам и нормам. Зачастую сложно самому собрать все необходимые документы, найти рабочий контракт, поэтому большинство мигрантов обращаются в агентства, предоставляющие посреднические услуги на этом рынке. Многие пользуются студенческими рабочими программами, такими как «Work and Travel USA», рабочими программами для молодежи «Work Experience in the UK», «Au Pair». В некоторых случаях мигранты сами занимались оформлением своих документов, хотя это и не столь распространенная практика:

«Знакомый помогал. Ему сказали, что посольства Норвегии в Беларуси нет, поэтому пришлось нам ехать на Украину для оформления документов. Фермер высылал приглашение и по этому приглашению мы выезжали. А там, по приезде, нам оформляли рабочую визу» (36 лет, Норвегия).

Что касается трудовой миграции в страны СНГ и соседние государства, в частности в Польшу (до вступления в Шенгенскую зону), то зачастую люди

едут прямо к работодателю, оформив лишь самые необходимые документы для въезда в страну, и тем самым становятся нелегальными трудовыми мигрантами, так как легальный статус их пребывания не разрешает им работать. Часто трудовые отношения с работодателем даже не оформляются, а сводятся к устной договоренности сторон:

«Тогда в Россию не надо было никаких документов. Друзья помогали найти работу, обустроиться там. Договор на работу не заключали. Вольнонаемные» (28 лет, Россия);

«Никакими агентствами не пользовался, потому что это все обман и вранье. Если бы занимался официальным выездом, потратил бы раз в десять больше денег» (51 год, Польша);

«Просто в ОВИРе по месту жительства сделали визу, и поехали» (28 лет, Польша);

«У меня проживают там мои родственники, которые, в общем-то, и помогли с определением места работы» (27 лет, Россия).

Естественно, что стоимость организации поездок с помощью фирм-посредников и самостоятельно существенно отличается. Если мигранты, выезжающие в западные страны, называли суммы, затраченные на подготовку поездки? в пределах 1500–2000 долларов США, то направлявшиеся в Россию и Польшу тратили в 10 раз меньше. Однако и заработки при этом существенно отличаются.

Сфера трудоустройства и условия работы. Наметившиеся различия в условиях осуществления поездок в западные страны и соседние государства (Польша, Россия) сохраняются и при определении сфер приложения труда мигрантов. Большинство студенческих и молодежных рабочих программ предлагают трудоустройство в сфере обслуживания: ресторанах, кафе, отелях, парках развлечений, а также на сельскохозяйственных фермах, специализирующихся на выращивании ягод, фруктов и овощей. Подавляющее большинство молодежи работает именно там:

«Первоначальное трудоустройство было в ресторане помощником на кухне. Занимался различной кухонной работой – в основном низкоквалифицированный вспомогательный труд» (22 года, США);

«Это была сфера общественного питания. Я работала официанткой в ресторане, а также продавщицей в кафе-мороженом» (25 лет, США);

«Я работала на ферме по сбору клубники. Мы собирали ее, паковали. Там у хозяина было свое достаточно большое фермерское хозяйство по выращиванию клубники» (24 года, Великобритания);

«В общем-то это называется уборка и уборщица. Там я работала на круизных лайнерах в Карибском море. Я убирала коридоры, столовые, то есть места общего сбора команды. А впоследствии я получила повышение – убирала каюты гостей, а также бары, рестораны» (26 лет, США);

«Во время миграции занимался сбором клубники» (36 лет, Норвегия).

Мигранты, отправляющиеся на работу по программам «Au Pair», занимаются уходом за детьми в семьях:

«Я помогала семьям, где были маленькие дети: я читала в основном им сказки на немецком языке» (24 года, Германия).

«Я жила в немецкой семье и в мои обязанности входило присматривать за детьми и кое-какие мелкие работы по дому. Я помогала хозяйке, за это мне давали кое-какие карманные деньги» (24 года, Германия).

В отличие от мигрантов, направляющихся на работу на Запад, те, кто, отправляется в поисках работы в Россию, Польшу и другие государства ближнего зарубежья, устраиваются в основном на работу, связанную со строительством, торговлей:

«Изначально я ехал в организацию, которая занимается прокладкой теплотрасс. Я ехал на должность мастера участка. У меня была своя бригада» (27 лет, Россия);

«Работала на частном строительном предприятии, готовила обеды для работников» (28 лет, Россия);

«Работа состояла в том, чтобы помочь что-либо найти, купить, продать гражданам других стран и нашей страны. На любые вопросы нужно было дать точный, краткий ответ и помочь решить все возникшие проблемы, с которыми к тебе обратились» (51 год, Польша).

Условия, в которых работают мигранты за границей, сложно сравнивать, так как все зависит от каждого конкретного случая и отдельного работодателя. Большое значение имеет и установка самого мигранта на работу. В целом можно сказать, что те, кто едет в западные страны и США с целью заработать денег, работают очень много:

«Работали с 6 утра до 11 вечера с двумя перерывами. Первый перерыв час, второй два часа между первой и второй работой. Работали в трех местах» (22 года, США);

«Мы начинали работу в девять. У нас были перерывы через 2,5 часа по 15 минут. На два длинных перерыва у нас было полчаса. Мы должны были работать до 5 часов. Иногда в час пик мы работали по 12 часов в день, иногда, когда не было работы, когда шли дожди, мы работали меньше. Очень многое зависело от погоды» (24 года, Великобритания).

Те, кто ставил перед собой цель не только заработать деньги, но и посмотреть страну или выучить язык, как правило, работали меньше:

«Распорядок моего рабочего дня был такой: утром дети уходили в школу, поэтому первая половина дня у меня была свободна – я ходила на языковые курсы. Приходила я где-то в час. Дети возвращались со школы, и если никого не было дома, то надо было их встретить, проследить, чтобы они пообедали. Самое главное для хозяйки было, чтобы я позанималась с ними музыкой» (24 года, Германия);

«Я работала каждый день с 9.00 до 18.00. Были два выходных. Один – суббота, а еще один выходной “плавающий” – понедельник, вторник, среда и т. д. В воскресенье постоянно работала» (27 лет, Ирландия).

Межнациональные отношения и общение. В настоящее время география выезда белорусских граждан для работы за рубеж весьма широка и включает как западное, так и восточное направление. Белорусы работают в России, Польше, странах Западной Европы, США, Канаде и т. д. Находясь за границей, они попадают в совсем иную культурную среду, работают бок о бок с местным населением, другими мигрантами из разных стран. Однако, судя по рассказам мигрантов, это редко приводит к конфликтам, так как отношения как между самими мигрантами, так и с работодателем и местным населением складываются конструктивно:

«Влились в коллектив хорошо. Среди коллег было очень много русскоязычных из России, Украины, в том числе из Польши, Чехии, Словакии. Так что быстро нашли общий язык со всеми» (25 лет, США);

«Большинство рабочих в этой организации были мигрантами. Присутствовали рабочие из многих стран бывшего Советского Союза: это Украина, Молдова, Таджикистан, Узбекистан. Были в нашей бригаде ребята из Украины, у нас с ними сложились вполне дружеские отношения. Каких-то конфликтных ситуаций не возникало» (27 лет, Россия);

«Более лояльной позиции людей, которые дают тебе работу, да еще и помогают, трудно представить» (22 года, США);

«Сложность была, особенно с англичанами, в основном это связано с их менталитетом: консервативностью, снобизмом, снисходительностью к иностранцам. Но это все можно преодолеть настойчивостью, трудолюбием. Руководство же понимало, что около 70 % сотрудников – приезжие, которые, собственно, и двигают их бизнес, поэтому отношение было максимально хорошим» (24 года, Великобритания);

«Были разные люди. Я заметила, что менеджеры-англичане относились к нам как-то по-другому, добрее, чем, скажем, менеджеры-болгары, поляки. Они относились жестче. Но не было таких отношений, что мы рабы, а они наши хозяева» (24 года, Великобритания).

Основываясь на рассказах мигрантов, можно сказать, что межличностные отношения строились не по принципу национальности человека, а исходя из его личностных качеств. Работник мог построить хорошие отношения со всеми коллегами. Хотя часто работники образовывали национальные группы для более тесного общения между собой.

«Жили, в принципе, поляки – с поляками, белорусы – с белорусами, разногласий никаких не было. Никакой дискриминации не было» (36 лет, Норвегия);

«Главным критерием деления всех работников был национальный признак. Белорусы ближе общались с белорусами, украинцы с украинцами, поляки с поляками, молдаване с молдаванами. Наиболее отстраненными и обособленными от всех были молдаване и румыны, они были в одной группе. Но такое разделение по национальному признаку и общение внутри групп происходило для того, чтобы представлять единое целое, чтобы защитить друг друга, отстаивать свои интересы. Белорус белоруса поймет, наверное, быстрее. Точно так же и поляки. Они очень сильно были дружны между собой... но все это было только снаружи. Как рассказывали сами поляки, внутри у них тоже были и непонимание, и конфликты (24 года, Великобритания).

В целом можно отметить, что отношения у работников с работодателями и коллегами складывались без особых проблем. Многие поддерживают между собой связь после окончания трудового договора и возвращения на родину. Конфликты носили обычно бытовой характер и решались, как выразился один из интервьюируемых, «в рабочем порядке».

Оценка результатов и удовлетворенность поездкой. Так как многие выезжали за границу по официальным контрактам, где указывается место работы, должность, уровень оплаты труда и т. д., то с некоторой долей вероятности могли прогнозировать свои заработки. Практически все мигранты, имевшие такие контракты, особенно в странах Западной Европы и США, остались удовлетворены результатами своей поездки:

«Результаты поездки, думаю, соответствовали моим ожиданиям, даже превзошли их. Я повзрослела, морально выросла и счастлива тем, что могла увидеть. Нужно ехать через проверенных людей и следить за документами. Я узнала, как живут другие люди. Ирландия очень красивая страна, я приобрела много друзей, еще до сих пор со многими общаюсь» (27 лет, Ирландия);

«Результаты превзошли мои ожидания. Я ожидала даже меньшего. Я хотела побывать в новой стране и я побывала, я хотела познакомиться с их культурой, поговорить с людьми, найти с ними общий язык, и это удалось, познакомилась со многими людьми из других стран. Познакомилась там с белорусами, с которыми мы дружим до сих пор и регулярно общаемся. Я подняла свой уровень английского, заработала денег, которые не могла заработать здесь» (24 года, Великобритания);

«В процессе работы оказалось, что важнее для меня не деньги, а опыт, который я приобретаю в этой стране: опыт самостоятельной жизни, распоряжения своими финансами, опыт общения, самостоятельных поисков работы. Главное, что я вынесла из этой поездки, это то, что я смогу выжить даже в сложной ситуации. Появилось много друзей, знакомых. Заработком, в принципе, была удовлетворена» (25 лет, США).

Мигранты, которые ехали на заработки за границу и ставили перед собой главной целью заработать деньги, также положительно оценивают результаты своей поездки:

«Доволен во всех отношениях, начиная с финансовой, заканчивая профессиональной составляющей. Ожидания от поездки были намного меньше, чем результат, особенно в финансовом плане: результат превзошел ожидания в два раза» (24 года, Великобритания);

«Задачу, которую я ставил себе, выполнил: определенные материальные средства заработал» (51 год, Польша);

«Что касается именно материальной стороны, то в целом удовлетворен, потому что не было никакого обмана, то есть все те договоренности, о которых мы говорили изначально, все были выполнены» (27 лет, Россия).

Влияние опыта поездок на миграционные установки. Наличие опыта работы за границей существенно не влияет на формирование миграционных установок, связанных с новыми поездками. Можно даже отметить, что поработавшие за границей, особенно долгое время, в меньшей степени склонны к осуществлению повторных поездок:

«Я хочу работать здесь, в Беларуси. Я нахожу здесь перспективы карьерного роста и развития. Конечно, у нас чего-то добиться сложнее, но жить в Англии и работать в каком-то сервисе, мыть посуду или обслуживать клиентов в ресторанах, имея высшее образование, мне как-то не хочется» (24 года, Великобритания);

«Если будут поездки, то только, чтобы повидать мир вместе со своей семьей. Других я пока не планирую. Эмигрировать у меня нет желания» (26 лет, Ирландия);

«Конечно, если придется куда-то ехать на заработки, то в первую очередь буду рассматривать именно прежнее место работы. На новое место не хотелось бы ехать. И в любом случае не хотелось бы ехать вообще никуда, хотелось бы работать в Минске, зарабатывать здесь деньги и жить в своей стране» (27 лет, Россия).

Таким образом, несмотря на незначительные объемы внешней трудовой миграции в Беларуси, фиксируемые официальной статистикой, ее масштабы значительно больше, так как не учитываются поездки студентов на работу за границу. Как показали исследования, каждый десятый житель Беларуси имеет опыт заграничных поездок, в основном в Россию, страны Европейского союза и Северной Америки. Подавляющее большинство поездок осуществляются на основе контрактов, заключенных напрямую с работодателем или через посреднические агентства, что указывает на легальность этих поездок. Часть мигрантов имеют опыт нелегальной работы за границей, связанный в основном с работой в России и Польше (до вступления Польши в Шенгенскую зону). Основным мотивом большинства поездок за рубеж является улучшение материального положения. Предложения фирм-посредников по трудоустройству связаны со сферой обслуживания: это работа в ресторанах, кафе, отелях, парках развлечений, а также на сельскохозяйственных фермах, специализирующихся на выращивании ягод, фруктов, овощей, поэтому большинство мигрантов работают именно в этих сферах. Мигранты, занимающиеся самостоятельным трудоустройством в России, заняты на различных работах в строительстве. Практически все мигранты остались довольны своими заработками и результатами поездок, указали на отсутствие серьезных проблем с работодателями, местным населением, другими мигрантами, однако далеко не все планируют новые поездки на заработки за границу, предпочитая обустроить свою жизнь на родине.

¹ См.: О работе за границей по контракту / Под ред. А.И. Лемешева Мн., 2002. С. 9; Крайнов В. В. Некоторые аспекты внешней трудовой миграции в Республике Беларусь // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2006. № 10. С. 27.

² См.: Масленкова Е. В. Некоторые проблемы нелегальной миграции в Республике Беларусь (экспертный опрос) // Журнал междунар. права и междунар. отношений. 2005. № 2. С. 97.

К МЕТОДОЛОГИИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕРУЮЩИХ РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ

В рамках социокультурного подхода рассматриваются ценностные и идентификационные различия между верующими основных христианских конфессий. Предлагается понимание феномена религиозности как социокультурной стратегии.

The differences in values and identifications between the believers of the main Christian denominations are considered within the socio-cultural approach. Understanding the phenomenon of religiosity is suggested as a socio-cultural strategy.

Одной из центральных проблем исследования религиозности является проблема определения ее критериев в самом широком смысле – начиная с простейшего различения верующих и неверующих и заканчивая уровнем, степенью и характером религиозных верований и практик представителей разных конфессий¹.

В историческом плане эта проблема сопряжена с процессами секуляризации, традиционно понимаемой как снижение роли религии в обществе, и перехода к светской модели общественного устройства. Однако для самого института религии она означает не только ослабление «принудительной силы» религиозных норм, но и в качественном смысле их разнообразие и рассогласование. Проще говоря, если в традиционном доиндустриальном обществе существовал *единственный способ* быть верующим, который предполагал гармоническое единство верований и практик, то сегодня вне зависимости от культурной и национальной специфики конкретных стран и регионов имеет свои *особенные* (или даже *уникальные*) сочетания идентичностей, знаний, верований, установок и поведенческих стратегий.

Применительно к белорусской или шире – к постсоветской ситуации подобные обстоятельства выражаются в том, что в ряде проведенных исследований доля «верующих в Бога» респондентов стабильно оказывается около 50 %, в то время как доля относящих себя к какой-либо из трех христианских конфессий (православие, католичество или протестантизм) превышает 80 %. При этом регулярно посещающих богослужения среди «верующих в Бога» около 14 %².

Разумеется, нельзя исключить, что подобные несоответствия могут быть обусловлены спецификой опросного метода или даже несоблюдением технологии опроса; однако, принимая во внимание тот факт, что схожие результаты стабильно получаются на разных выборках и при использовании разных, в том числе и качественных, методов, можно допустить, что именно в этом и состоят особенности религиозной ситуации.

Тем не менее следует признать, что констатация данного факта проблеме критериев религиозности не решает, более того, она производит целый ряд типологий, зачастую не сводимых одна к другой и способных выступить лишь в качестве отправного пункта для анализа. В частности, большинство исследователей сходятся во мнении, что «православие» выступает не только религиозной, но и культурной идентификацией, чем и «объясняется» наличие в этой группе неверующих. В то же время акцент, сделанный на культовом поведении, задает самый широкий спектр типов, среди которых – «партикулярный верующий», «непрактикующий христианин», «полувоцерковленный» и т. д.³

Как представляется, недостатком подобных типологизаций является то, что многомерное социальное пространство редуцируется к единственному измерению (что в принципе допустимо для маркетинговой и электоральной проблематики), а в конечном итоге приводит к тому, что роль религии в обществе начинает измеряться количеством посещений церкви.

В этой связи вполне закономерным дополнением имеющихся подходов выступает социокультурный подход, позволяющий зафиксировать более широкий контекст социального действия и его стратегическое измерение.

Под стратегией будем понимать практическую схему, т. е. присущий деятельности социального агента (индивида, группы) организующий принцип, проявляющийся в различных социальных ситуациях через сходные действия и приводящий к аналогичным результатам. В качестве элементов стратегии включает в себя, во-первых, ориентацию на цель, желаемый результат; во-вторых, использование определенных ресурсов и, в-третьих, хотя и необязательно, осознание собственной позиции⁴.

Социокультурная стратегия надстраивается над всем социальным пространством, как бы удваивая его в социальных ценностях и социальных идентичностях, и обращается назад к социальным полям, регулируя долговременные социальные практики.

В целом концептуальная модель социокультурной стратегии основана на следующем допущении. Предполагается, что за каждым социальным действием, воспроизводящимся во времени и пространстве, стоит реализация агентом ценностей, признание и использование социальных ресурсов, а также определение собственной позиции в социальном пространстве. А для того, чтобы эти элементы содержательно образовывали взаимосвязанный комплекс, они должны не только находить своих референтов в различных социальных полях, но и быть гомологичными друг к другу. «Вера», например, может выступать и в качестве базовой ценности, и в качестве ресурса в решении проблем и быть основой социальной идентичности. Разумеется, жизнь гораздо богаче используемых для ее объяснения и понимания схем и невозможно достичь исчерпывающего соответствия, тем более что такой метод эмпирического социологического исследования, как опрос, налагает и свои ограничения. Тем не менее по возможности принцип гомологии соблюдался.

Эмпирическим индикатором *базовых ценностей* служил список из 22 позиций, из которых предлагалось выбрать 7, и ответ на вопрос: «Как бы Вы ответили на вопрос, ради чего Вы живете?»

Эмпирическим индикатором *инструментальных ценностей* был список из 17 позиций и ответ на вопрос: «Что (кто) помогает Вам справляться с жизненными проблемами?» Поскольку оценка производилась по четырехмерной шкале («помогает во всех ситуациях», «помогает в большинстве ситуаций», «помогает только в некоторых ситуациях», «не помогает вообще», «затрудняюсь ответить»), то в последующем анализе они преобразовывались в индексы по формуле

$$a-b,$$

где a и b – процент респондентов, ответивших «помогает во всех ситуациях», «не помогает вообще» соответственно.

Индекс позволяет упорядочить данные в виде рейтинга, когда максимальное значение индекса (1) означает наивысшую положительную значимость ценности и минимальное (–1) – отрицательную значимость, т. е. данная ценность вообще не помогает справляться с жизненными проблемами.

Эмпирическим индикатором *социальных идентичностей* выступал список из 20 позиций и вопрос: «Как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей, с теми, о ком Вы могли бы сказать: “Это – мы?”»⁵

Поскольку ответы также давались по шкале («часто», «редко», «практически никогда», «затрудняюсь ответить»), то результаты переводились в индексы по формуле

$$a \cdot 1 + b \cdot 0,5 + c \cdot 0,$$

где a , b , c – процент ответивших «часто», «редко» и «практически никогда» соответственно.

Максимальное значение индекса (1) показывает, что респонденты в наибольшей степени идентифицируют себя с данной группой, следовательно,

⁴ Автор признателен А.И. Шабловскому за ценные советы при обсуждении формулировок.

⁵ Формулировка вопроса заимствована из работ Е.Н. Даниловой⁵ и Н.И. Лапина⁶.

она играет наиболее важную роль; минимальное (0) – о том, что эта идентификация не имеет для них никакого значения.

Применительно к религиозной проблематике представленная методика позволяет описать различия, которые производит конфессиональная принадлежность в указанных областях, а также оценить значимость собственно религиозных ценностей и идентичностей.

Эмпирической базой исследования выступили данные опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2007 г. в два этапа. На первом опрос проводился по национальной выборке, объем которой составил 1070 респондентов, на втором осуществлялся целевой добор респондентов католической и протестантских конфессий. В итоге это позволило создать объединенную базу данных, в которую отбирались респонденты по критерию «вера в Бога» и четкой конфессиональной принадлежности; численность православных составила 439 человек, католиков – 179, протестантов – 337. Поскольку реальное конфессиональное распределение явно не таково, смысл имело только сравнение между собой профилей ценностей групп (рис. 1).

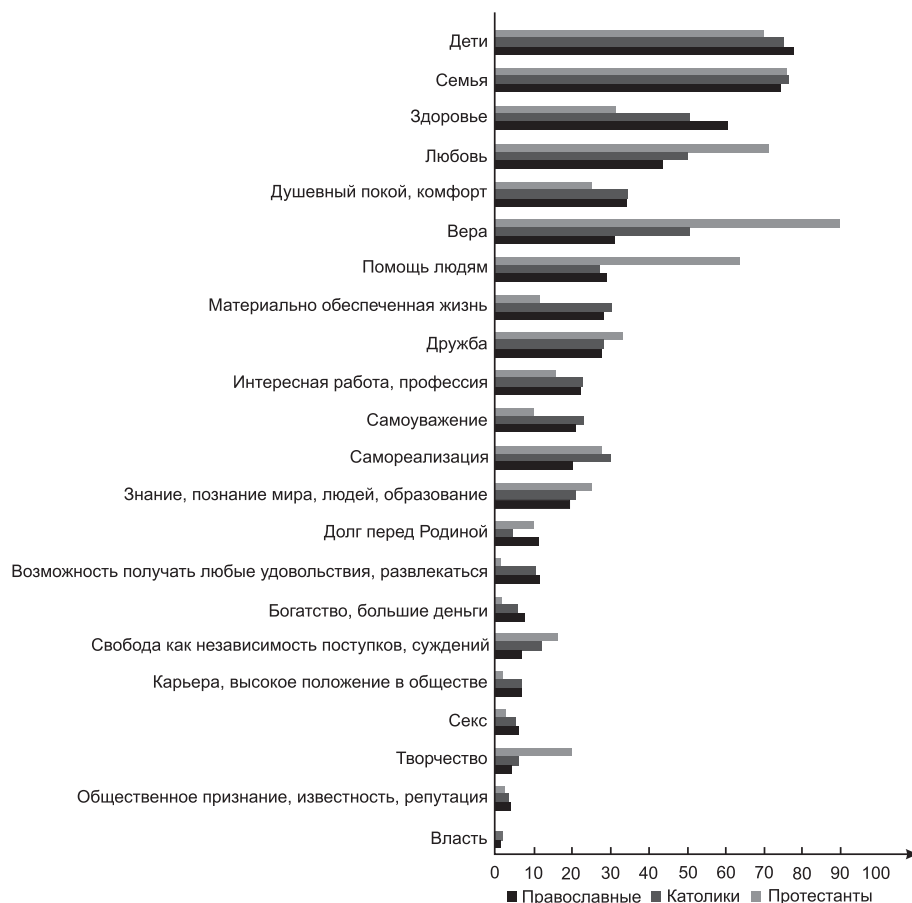

Рис. 1. Иерархия базовых ценностей верующих основных христианских конфессий, %

Как следует из диаграммы, наиболее специфичной является группа протестантов, особенно в отношении ценностей «любовь», «вера», «помощь людям» и «творчество», для группы православных максимально значимой оказывается ценность «здоровье». При этом весьма характерно, что цен-

* Статистическая значимость различий по тесту Краскалла – Уоллеса на уровне $\alpha < 1^{-10}$. На уровне $\alpha < 1^{-5}$ значимыми оказываются различия по ценностям «возможность получать любые удовольствия...», «материально обеспеченная жизнь» и «самоуважение».

ностное ядро «семья – дети» оказывается общим, а ценность «вера» имеет 1-й ранг для протестантов, 4-й – для католиков и 6-й – для православных.

В целом можно предположить, что ценностная иерархия в сознании протестантов в наибольшей степени наполнена «ортодоксальным» религиозным смыслом, что выражается в значимости таких ценностей, как «вера», «любовь» и «помощь людям». Высокая значимость ценности «творчество», по-видимому, обусловлена спецификой культовой практики, состоящей в прославлении Бога в музыке, песнях и рисунках и т. п. Кроме того, судя по минимальным значениям, они для этого готовы «пожертвовать» здоровьем, душевным покоем, материальной обеспеченностью и даже самоуважением.

Ценностный профиль в сознании католиков, как ни парадоксально, намечает тренд к веберовской модели «протестантской этики». Разумеется, пока рано говорить о каком бы то ни было соответствии этой модели, особенно в силу немногочисленности этой группы; однако уже сейчас католики могут быть охарактеризованы как люди прагматичные – минимумы набирают альтруистические ценности «помощь людям» и «долг перед Родиной», максимумы – «материально обеспеченная жизнь» и «самоуважение», «самореализация».

Иерархия ценностей православных в наибольшей степени соответствует той, которая распространена в белорусском обществе. Это не удивительно, так как данная группа (т. е. верующих в Бога и одновременно относящих себя к православию) составляет порядка 40 % от населения страны.

Также можно утверждать, что наибольшие различия в базовых ценностях фиксируются между православными и протестантами, католики занимают срединное положение, оказываясь при этом чуть ближе к православным. В дальнейшем анализе в отношении инструментальных ценностей и социальных идентичностей эта тенденция сохраняется.

Инструментальные ценности, напомним, в отличие от базовых, относящихся к тому, что движет людьми, являются средствами достижения собственных целей. При этом следует подчеркнуть, что речь идет исключительно о «полезности» того или иного ресурса в решении проблем, поэтому возможна ситуация, когда в действительности какой-либо ресурс будет использоваться, но при этом оцениваться как бесполезный.

К сожалению, шкалу, в которой описываются инструментальные ценности (а равно и идентичности), строго говоря, нельзя отнести к порядковой,

что налагает ограничение на использование непараметрических критериев. В свою очередь, статистики, предназначенные для номинальных шкал, оказываются слишком чувствительными и практически везде фиксируют наличие связи.

В силу этого следует признать, что приводимые данные имеют лишь иллюстративную функцию. Тем не менее любопытно, что намеченные тенденции не опровергаются ими, а скорее подтверждают правильность избранной логики интерпретации (рис. 2). В этом случае, как и рань-

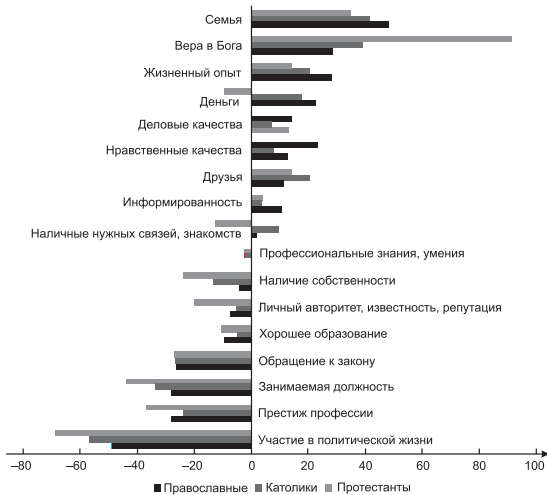

Рис. 2. Иерархии инструментальных ценностей верующих основных христианских конфессий (индексы)

* По результатам теста Манна – Уитни уровень значимости не превышает 0,01.

** Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между профилями равен: православные/протестанты (0,79), православные/католики (0,94), католики/протестанты (0,84) при уровне значимости не выше 0,000001.

ше, на общем фоне резко выделяются протестанты, особенно по достигающим максимума позициям «вера в Бога» и «нравственные качества», а также своими минимальными оценками таких ресурсов, как «деньги» и «наличие нужных связей, знакомств». Весьма показательно, что именно последняя позиция, характеризующая пресловутое «умение жить», достигает максимума у католиков.

В отношении социальных идентичностей (рис. 3) наиболее специфичны группы протестантов и православных. Первые характеризуются ориентацией на единство религиозной веры, нравственности и образа жизни, тогда как у вторых преобладает ностальгическая ориентация на людей одного поколения и «советский народ».

В заключение следует отметить, что предложенная методика не лишена недостатков, в частности, на данном этапе ее применения значительный массив информации может быть использован лишь в качестве иллюстративного материала. Однако можно указать и на одно существенное преимущество.

Как правило, решение проблемы определения критериев религиозности обычно замкнуто на религиозное поле, когда, к примеру, от религиозной идентификации идут к религиозным же практикам или наоборот. На наш взгляд, это в значительной степени обедняет понимание феномена религиозности, поскольку игнорируются связи религиозного поля с другими полями социального пространства, тогда как применение предложенной методики, напротив, открывает такую возможность.

Более того, наряду с анализом «от социального типа к социокультурному пространству» возможно и обратное направление, позволяющее задать новые *социокультурные* параметры стратификации. Применительно к проблеме религиозности эта логика может быть реализована следующим образом.

Поскольку в каждом из наборов ценностей и идентичностей присутствуют показатели, отсылающие к религиозному полю, то это позволяет задать в качестве идеального типа религиозную социокультурную стратегию.

В методическом плане предполагается расчет новой переменной, объединяющей респондентов, выбравших переменную «вера» в качестве базовой ценности, варианты ответов «помогает во всех ситуациях» и «помогает в большинстве ситуаций» в переменной «вера в Бога» (блок инструментальных ценностей) и варианты ответов «часто» и «редко» в переменной «с людьми своего вероисповедания» (блок социальных идентичностей).

Таким образом, представляется возможность оценить распространенность религиозной социокультурной стратегии как по национальной выбор-

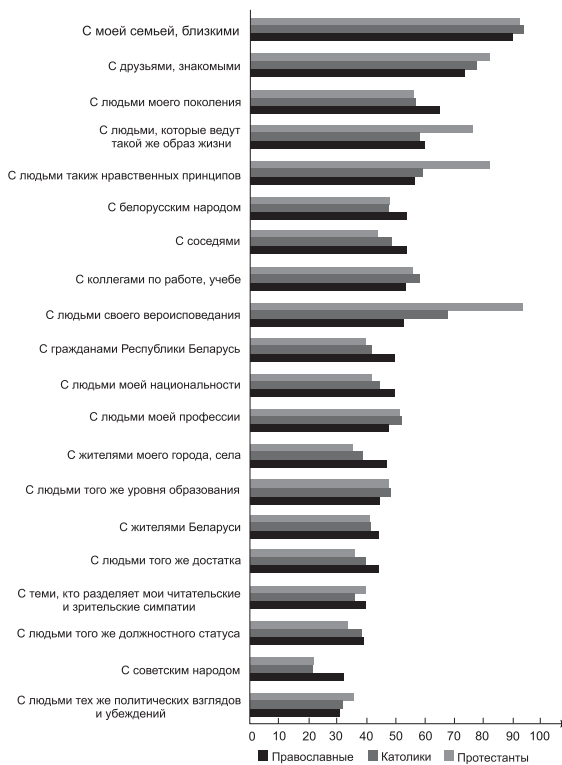

Рис. 3. Иерархии социальных идентичностей верующих основных христианских конфессий (индексы)

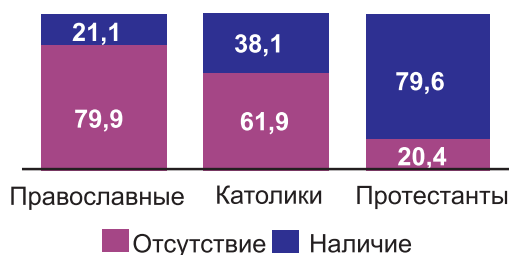

Рис. 4. Наличие религиозной социокультурной стратегии в основных христианских конфессиях, %

ке (она составляет 11,2 %), так и в отношении отдельных конфессий (рис. 4).

Как следует из представленных на рис. 4 данных, наличие социокультурной стратегии (вера – как ценность, ресурс и идентичность) существенным образом варьируется в зависимости от конфессиональной принадлежности.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что действительно имеются различные способы «быть верующим», определяемые тем, насколько религия становится образом жизни.

¹ См.: Василевич Н. Христианские ценности в современной Беларуси: проблема идентичности: Докл. на «круглом столе» // Матэрыялы «круглага стала» «Хрысціянскія каштоўнасці ў Беларусі: захаваныя традыцыі, укаранёныя адукацыя, адкінутыя бязвер'ем». Мн., 2007.

² См.: Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект. Мн., 2001; Безнюк Д. К. Состояние и специфика современной религиозной ситуации в Беларуси // Социол. исслед. 2006. № 2.

³ См.: Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

⁴ См.: Кацук Н. Л. Динамика социокультурных стратегий поведения различных групп населения // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. Мн., 2006.

⁵ См.: Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентичностях населения России, 1992–1998 // Социол. журн. 2000. № 4.

⁶ См.: Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4.

Поступила в редакцию 19.02.08.

З. В. ПУНЧИК,
КАНДИДАТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК (МИНСК)

СОВРЕМЕННОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обсуждаются проблемы применения информационных технологий при проведении «качественных» социальных исследований; приводится обзор современного программного обеспечения, используемого в этих исследованиях.

The issues of applying the information technologies in «qualitative» social researches are considered in the article; modern software used in these researches is reviewed.

Одно из широко обсуждаемых в зарубежной литературе направлений развития социологии носит название «theory building» – построение теорий, суть которого заключается в демонстрации отношений между данными и теоретическими заключениями. Отличительной чертой теорий такого рода служит их систематическое обращение к свидетельствам, существующим в текстовом, графическом или ином виде, традиционно относящимся к разряду «качественных данных». Это направление имеет мощную компьютерную поддержку, обеспечивающую анализ качественных данных. Появление компьютерных программ для анализа таких данных стимулировало развитие методологии в области обоснованного построения теорий благодаря появлению систематизированных процедур и возможности проведения строгого анализа, тем самым преодолевая критику качественных исследований как недостаточно строгих и доказательных.

Данное направление крайне мало освещается в русскоязычных социологических библиографических источниках, что частично может быть компенсировано за счет англоязычных ресурсов сети Интернет, где, кроме тради-

ционных сайтов, предоставляющих электронные версии публикаций, достаточно широко представлено онлайн-сообщество исследователей – «качественников» и теоретиков, а также практиков со всего мира. Многие опытные исследователи охотно отвечают на вопросы тех, кто плохо знаком с качественными методами. Чтение архивов таких сайтов является неформальным и интересным введением в различные теоретические проблемы и вопросы использования компьютерного инструментария в этой области¹.

В сети широко представлены Computer-Assisted Qualitative Data Analysis Software (CAQDAS) – Пакеты анализа качественных данных (ПАКД)², позволяющие решать задачу автоматизации извлечения смысла из неструктурированной информации, представленной в виде стенограмм, интервью, записей, писем, записок, аудиозаписей, фото-, видеоматериалов и т. п. В основе ПАКД лежат оригинальные компьютерные методы, позволяющие, кроме традиционных операций манипулирования с нецифровыми данными, такими как кодирование и поиск, осуществлять и нетривиальные операции, например логический вывод, основанный на булевой алгебре, выявление, визуализацию и работу со связями между данными. Это позволяет говорить о появлении аналитических процедур, assisting-ующих ученому при анализе данных качественного исследования, а ПАКД, обладающие такими возможностями, квалифицировать как программы, позволяющие разрабатывать обоснованные теории. Рассматривая современные ПАКД, западные аналитики подчеркивают, что при использовании этого программного обеспечения вы автоматически не создаете обоснованную теорию, хотя можете это сделать, используя данное программное обеспечение³. Опытные эксперты рекомендуют активное применение таких программ в качественных научно-исследовательских работах, чтобы одновременно экономить ценное время и повышать качество аналитического вывода⁴.

Первые ПАКД появились в 1980-х гг. В то время их функциональные возможности сводились прежде всего к автоматизации традиционных ручных методик кодирования для поиска. С тех пор возможности ПАКД значительно расширились, но для социологов-практиков наиболее часто применимой функцией является именно кодирование. Однако потенциал таких программ значительно шире и, как правило, их функциональные возможности включают следующее: планирование и управление социальным исследованием; организация данных и управление ими; создание комментариев к данным; поиск последовательностей символов, слов, фраз и т. д.; кодирование данных; осуществление гиперссылок; генерация логических выводов; графическое отображение данных и их взаимосвязей; создание аналитических записок.

В настоящее время существует немало ПАКД, широко применяемых в социальных исследованиях, в частности Atlas.ti, NVivo, MAXQDA, Qualrus, Transana.

Atlas.ti⁵ является одним из самых мощных и сложных инструментов качественного анализа данных, представленных сегодня на рынке ПАКД, и заявляет себя как программное средство, «помогающее вам открыть комплекс явлений, спрятанный в ваших данных». Обширные возможности универсальных инструментов анализа позволяют назвать его «инструментальной средой получения знания». Основными функциональными возможностями пакета являются:

- диалоговое, легко осуществляемое автоматическое кодирование разнобразного текста, изображений, аудио- и видеоматериалов;

---

¹ В качественных исследованиях данных под кодированием понимают их разукрупнение в текстовые модули, которые могут тогда быть категоризированы в пределах тематической или описательной системы классификации.

- мощная поддержка работы с внедренными объектами, такими как таблицы MS Excel, изображения и др.;
- автоматическое преобразование документов различных текстовых форматов к использованию в редакторе MS Word;
- рациональная технология обмена данными между документами;
- практически неограниченное число документов, сегментов данных, кодов и переменных;
- возможность иерархического представления данных;
- применение гипертекста для анализа взаимосвязей понятий;
- наличие инструментов для построения визуального отображения взаимосвязей между данными;
- возможность создания под управлением пользователя сетевого представления проекта исследования, отображающего последовательность его этапов и позволяющего успешно им руководить;
- полуавтоматическое кодирование с поиском мультипоследовательности и соответствия заданному образцу;
- экспорт полученных данных в форматы SPSS, XLS, HTML, XML, CSV;
- и наконец, создание и многократное использование теорий: получение и передача знаний между различными исследованиями.

ПАКД **NVivo**⁶ применим для обработки сложных качественных данных, представленных в виде текстовой и мультимедийной информации. Текущая восьмая версия, NVivo8, объединяет в себе возможности предыдущих версий NVivo и NUD*IST и позволяет импортировать и работать с документами Word, документами формата PDF, звуковыми файлами, цифровыми фотографиями и видеоматериалами. Ее отличительные особенности:

- обработка качественных данных, представленных на различных языках (английский, испанский, упрощенный китайский, японский и др.);
- возможность осуществлять анализ до 10 000 документов в рамках одного проекта;
- управление структурой проектов: можно объединять отдельные проекты или использовать структуру существующего проекта для создания нового;
- альтернативный выбор хранения данных: в едином файле или хранение некоторых данных в виде отдельных файлов со ссылкой на них;
- удобство и надежность манипулирования данными благодаря наличию функции «отменить», позволяющей вернуться к предыдущему состоянию данных;
- рациональность классификации и кодирования информации;
- удобный механизм поиска, включающий «запрос частотности слова», чтобы идентифицировать наиболее часто используемые слова в выбранных источниках, и многое другое.

MAXQDA⁷ – один из пионеров в области ПАКД, его первая версия была выпущена в 1989 г. Новые версии представляют собой современный программный продукт и являются для профессионального анализа текста «выбором номер один». Это также мощный инструмент разработки теорий, а также проверки теоретических выводов анализа. MAXQDA отличается выгодным сочетанием простоты использования и богатым арсеналом функциональных возможностей, среди которых:

- работа с множеством файлов в текстовом формате rtf (без необходимости предварительного форматирования);
- импорт текстов из Интернета с помощью простого перетаскивания;
- группирование текстового материала;
- создание иерархических кодов с системой до десяти уровней;

- кодирование сегментов текста и присвоение им кодов с возможностью задания весовых коэффициентов, указывающих их значимость для исследования;
- обзор распределения кодов и их пересечений с прямым доступом к соответствующим текстовым сегментам;
- поиск комбинации символов, слов, строк в документе или группе документов и их представление в качестве ключевых слов;
- работа с заметками;
- определение количественных показателей и использование их в сочетании с текстами и кодами;
- экспорт и импорт таблицы переменных в Excel или статистические программы;

- использование специальных функций для коллективной работы и др.

Отличительной особенностью ПАКД **Qualrus**⁸ является легкость и надежность кодирования качественных данных. Основные функциональные возможности:

- анализ текста, web-страниц, изображений, аудио- и видеоисточников (форматы ttf, BMP, jpg, AVI, mpeg, mpg, wmv, aif, wma, midi, wav, mp3, html и др.);
- сопровождение кодирования данных интеллектуальными советами и предложением кодов, что делает анализ данных более быстрым, простым и надежным;
- удобное визуальное представление закодированных данных в источниках;
- наглядное иерархическое (древовидное) представление проекта;
- возможность работать с проектом с разных компьютеров сети;
- мощные инструментальные средства анализа: поиск сегментов, кодов или предложений, имеющие определенные характеристики, расчет базовых статистических показателей (например, частота встречаемости определенного кода или совместно двух кодов), визуальное сетевое представление ссылок кода и пр.;
- гибкая настройка рабочей среды пакета в соответствии с потребностями конкретного пользователя и др.

Transana⁹ – программное обеспечение для анализа и управления цифровыми видео- или аудиоматериалами достаточно сложными способами: шифровка и идентификация данных, назначение ключевых слов на записи, объединение и перестройка записи, создание сложных коллекций взаимосвязанных записей, исследование отношения между ключевыми словами. Кроме того, существует возможность проводить такой анализ совместно нескольким исследователям. Transana разработана в Висконсинском центре исследования образования. Продолжительное время этот программный продукт распространялся бесплатно, сейчас относится к разряду недорогих. Он широко используется в сфере исследования образования, где видео – неотъемлемая часть методов многих исследователей.

HyperRESEARCH¹⁰ отличает удобство использования при выявлении тенденций на основе качественных данных, представленных в виде множества типов файлов. Простота кодирования разнообразных источников (текстовые, аудио-, видео- и графические файлы), а также наличие бесплатной версии, лимитирующей только количество проектов и используемых кодов, но не имеющей ограничений по срокам использования, определяют выбор этого пакета для преподавания основ автоматизации качественного исследования.

Приведенный краткий обзор ПАКД демонстрирует, что на рынке программных средств широко представлены программные продукты, которые могут быть использованы при проведении качественных социальных исследований. Вместе с тем очевидно, что развитие информационных техноло-

гий происходит в соответствии со своей внутренней логикой, обусловленной информационным подходом к обработке данных, что определяет тенденцию разработки универсальных пакетов программ общего назначения, не имеющих ориентации на конкретную предметную область. Для социолога такая ситуация создает ряд дополнительных трудностей при выборе и использовании программных средств: проблемы выбора адекватного программного обеспечения для каждого этапа социологического исследования, необходимость высокого уровня компьютерной образованности, а также изучения интерфейса и особенностей множества программ, способов обмена информацией между этими программами и пр. Таким образом, очевидна необходимость появления прикладных программ, ориентированных на требования предметной области социологии, оперирующих социологической терминологией и охватывающих все этапы социологического исследования – от разработки программы исследования до написания отчетов. Подобные программы в настоящее время еще не представлены на рынке программных продуктов. В данной ситуации можно порекомендовать при подборе ПАКД обратиться в сети Интернет¹¹, где после уточнения основных характеристик проводимого качественного исследования можно получить рекомендации о наиболее пригодных в данном случае пакетах анализа.

¹ См.: [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.listserv.uga.edu/archives/qualrs-l.html>; <http://www.qualitative-research.uga.edu/QualPage>; <http://www.asu.edu/class/polisci/cqrm/QualitativeMethodsAPSA.html>

² См.: Каныгин Г. В. Данные в социологическом исследовании // Социол. журн. 2004. № 3-4. С. 28–46.

³ См.: The George Washington University [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: www.gwu.edu/~gwipp/presentations/

⁴ См.: Mark Wickham. Megan Woods Reflecting on the Strategic Use of CAQDAS to Manage and Report on the Qualitative Research Process [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.nova.edu/ssss/QR/QR10-4/wickham.pdf>

⁵ См.: ATLAS.ti Scientific Software Development GmbH [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.atlasti.com/index.html>

⁶ См.: NVivo8 feature list [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: http://www.qsrinternational.com/products_nvivo.aspx

⁷ См.: MAXQDA – Distribution by Verbi GmbH. [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.maxqda.com/products/maxqda>

⁸ См.: Qualrus is a trademark of The Idea Works, Inc. in Columbia, MO. [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.ideaworks.com/Qualrus.shtml>

⁹ См.: The Board of Regents of the University of Wisconsin System [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.transana.org/about/index.htm>

¹⁰ См.: ResearchWare, Inc. [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: <http://www.researchware.com/index.html>

¹¹ См.: QSR International Pty Ltd 2007 [Electronic resource]. 4 September 2008. Mode of access: http://www.qsrinternational.com/products_help-me-choose.aspx

Поступила в редакцию 12.05.08.

В.А. ЯДОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

СОВЕТЫ СТУДЕНТУ ОТНОСИТЕЛЬНО РАБОТЫ НАД РЕФЕРАТОМ И ЭССЕ*

Предлагаются советы студентам-социологам по подготовке рефератов или эссе при рассмотрении направлений и способов анализа социальных проблем; исследуются варианты активных методик групповых занятий.

Students-sociologists are given advice how to write a paper or essay when some trends and ways to analyze social problems are considered; some sets of active methods to conduct classes with groups of students are studied.

Выбор темы. Социолог может быть профессионалом в традиционном и в современном смысле. В прошлом мастер ценился за компетентность в своей узкой специализации. Мастер-социолог наших дней – тот, кто понимает, что однозначного толкования и решения социальных проблем нет. Есть более или менее адекватные, более или менее оптимальные. Чтобы найти наилучшее, полезно знать подсказанные теорией направления и способы анализа проблемы.

В процессе освоения курса старайтесь прикинуть, как можно было бы применить тот или иной подход в исследовании некоторой социальной ситуации и нельзя ли ту же ситуацию рассмотреть под иным теоретико-методологическим углом зрения. Какой из концептуальных подходов представляется вам оптимальным в данном случае, а какие «комплиментарными» – дополняющими.

Рассуждая подобным образом, определите тему своего реферата или эссе по курсу. Оптимально, если выбранная тема прямо связана с вашим выпускным сочинением. Тогда можно считать, что написан вариант первого раздела магистерской или дипломной работы.

Преподаватель, несомненно, пойдет вам навстречу, если привлекающая вас тема отсутствует в рекомендательном списке. Важно, чтобы в этой работе вы проявили знания и понимание множественности социологических парадигм и теорий.

Чем реферат отличается от эссе? Граница довольно условна.

Реферат – это осмысленное изложение первоисточника или обзор литературы по проблеме. Реферат – не конспект прочитанного, он предполагает выделение главного, наиболее важного, с точки зрения автора. Не исключено, что какие-то его мысли утратили актуальность, а то, что он заметил мимоходом, представляется сегодня важным. Если при чтении текста вы решите, что некоторое суждение автора можно интерпретировать как-то иначе, то это отлично. Даже в том случае, если преподаватель не посчитает ваше мнение достаточно интересным, он определенно оценит вдумчивое отношение к источнику.

Эссе предполагает авторское обозрение проблемы с использованием литературных источников. Вы формулируете проблему и рассматриваете ее, приводя аргументы с опорой на литературу. Эссе – представление авторской позиции, что-то вроде «вольных размышлений» над проблемой, но

* См.: Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: Курс лекций. СПб., 2006. С. 89–96.

не настолько, чтобы не придерживаться ссылок на литературу. Здесь уместны личностные обороты: «Я думаю», «Я сомневаюсь» и т. п.

Три правила культуры текста. Правило первое – «лексика – культура ума» – требует тщательно подбирать слова, использовать синонимы русского языка, не засорять текст неоправданным употреблением калек с английского («транзит» вместо «переходный период», «презентирует» вместо «представляет») или французского («патронаж» вместо «руководство») языка.

Но особенно тщательно надо следить за использованием научной терминологии, потому что многие понятия имеют особый смысл в определенной теории, а примененные в иной методологической парадигме смысл этот утрачивают или искажают суть утверждения. Наибольшую опасность представляют «постмодернизмы». Так, некоторые студенты к месту и не к месту пишут о «дискурсе». Дискурс (discourse – разговор, обсуждение) – термин, имеющий глубокий смысл в постмодернистской логике. Предполагается, что стороны общаются, чтобы понять друг друга, не навязывая свою точку зрения и не стремясь найти истину, на что участники не претендуют. Между тем мыслители недавнего прошлого и многие современные полагают, что именно в дискуссии рождается если не истина, то относительно более адекватное понимание предмета обсуждения. Подумайте, какой термин правильнее использовать в данном случае.

Правило второе – структура, последовательность изложения свидетельствуют о *дисциплине ума*, которая проявляется в логической стройности подачи материала, отбрасывании не имеющих большого значения частей или приходящих в голову ассоциаций по поводу... Все это – в подстрочные примечания.

Изобилие больших по объему цитат (закавыченных фрагментов) свидетельствует о знакомстве с литературой, но оставляет в неведении, насколько пишущий осознает суть излагаемого, если не сопровождает его собственным комментарием. Лучше изложить содержание фрагмента своими словами, естественно, со ссылкой на литературный источник. Понятно, что дословное цитирование непреложно, если это дефиниция, изящно сформулированная мысль, образное выражение.

Выводы и резюме по разделам дисциплинируют. Попробуйте сбросить в отдельный файл все промежуточные обобщения и выводы. Если собранный таким путем текст не выглядит как «миниреферат» написанного, значит, что-то упущено в промежуточных выводах и обобщениях или нарушена логика изложения. Убрав частности, вы практически составите резюме – первую часть заключения по работе в целом.

Выводы – вторая составляющая: то, что извлечено из прочитанного (реферат) и что является главным в собственных размышлениях над проблемой.

Правило третье – «*краткость – сестра таланта*» – 15 страниц плотно-го изложения гораздо лучше, чем 25 страниц рыхлого.

Обращение к коллегам-преподавателям:

варианты активных методик групповых занятий

Активные «технологии» групповых занятий в данном курсе адекватны его замыслу: помочь студенту использовать знание теорий для понимания и интерпретации современных проблем российского общества.

Здесь я хочу поделиться с коллегами своим опытом. В одних случаях присутствует элемент игры, в других применяются современные технологии. Дидактика, видимо, «сама собою» подстраивается к содержанию курса.

Дебаты

Диспут или дебаты – форма публичного столкновения противоположных позиций, широко принятая, например, в британских университетах. Позиции

противоположных сторон заблаговременно формулируются преподавателем, на занятии формируются две команды.

Каждая из команд защищает одну из декларированных позиций независимо от того, какого мнения придерживается тот или другой член команды по аналогии с представительством позиции своей партийной фракции в парламенте. Например, по теме «Социальные институты» команда А защищает позицию, согласно которой российские социальные институты при очевидном доминировании государства в принципе не способны трансформироваться в институты западного типа, в которых доминируют структуры гражданского общества, а команда Б доказывает прямо противоположное.

Порядок дебатов. Руководит дебатами преподаватель. Его единственная задача – строго соблюдать регламент.

Представители команд и их «секунданты» выступают в последовательности, определяемой жребием.

В первом раунде защищают свою позицию участники дебатов. Во втором – «секунданты», которые теперь выступают в порядке, обратном первоначальному: если команда А излагала свои аргументы первой, то «секундант» команды Б теперь имеет первенство. Задача «секунданта» – доказать ошибочность позиции «противника». В третьем раунде членам каждой команды дается время на вопросы, выдвижение аргументов в защиту «своих» и контраргументов против другой стороны. Участники и «секунданты» в этом раунде не участвуют, основная цель – активизировать всю группу.

Объявляется перерыв минут на 10–15 для того, чтобы команда сформулировала свою позицию с учетом дискуссии и делегировала одного участника ее изложить. Желательно, чтобы это был не тот человек, который вел дебаты.

В четвертом раунде после перерыва представители команд излагают свою позицию по итогам дебатов: согласие/несогласие с оппонировавшей стороной в тех или иных пунктах.

Регламент крайне жесткий. Я ради забавы назначаю «клерка», следящего за регламентом, который может быть следующим.

В первом раунде – по 5 мин каждому из первых участников дискуссии от команд А и Б и 3 мин «секундантам» в обратной последовательности.

Во втором раунде предлагается по 10 мин членам каждой команды в любом порядке, но «судья дебатов» (преподаватель) дает слово поочередно представителям команд. Например, одна команда задает вопрос или ставит под сомнение аргумент другой команды. Следует предоставить возможность оппонировавшей стороне ответить или высказать дополнительные аргументы в пользу своей команды.

В третьем раунде (после перерыва) делегируемый командой излагает ее позицию, причем вопросы и высказывания присутствующих не допускаются.

Определение победителя в дебатах. Оценке подлежат: а) содержание, обоснованность аргументов; б) убедительность, находчивость в споре; в) чувство юмора, сарказм. О критериях оценки победителя надо сообщить одновременно с заданием «Дебаты».

Решается вопрос о тайном или открытом голосовании. Я обычно «проигрываю» процедуру выборов жюри. Членов жюри приводят к присяге по коллективно придуманному сценарию. «Главный судья» напоминает группе о критериях оценки, призывает судить непредвзято и вне зависимости от

---

* В классических дебатах итог подводят рефери из профессуры, объясняя свои аргументы. Одновременно тайным голосованием студенты, не участвующие в дебатах, также определяют команду-победителя.

личной позиции. «Клерк» выкладывает на стол две стопки карточек двух цветов, маркирующих команды А и Б. Жюри удаляется для подведения итогов голосования. «Главный судья» торжественно объявляет решение жюри, которое все участники заслушивают стоя.

Важно, что студенты подчас высказывают ценные для преподавателя суждения. Так, в процессе дебатов об институциональных восточных и западноевропейских матрицах студенты подсказали мне идею о конвергенции тех и других, приведя убедительные аргументы.

Иллюстрация задания студентам

Занятие по теме «Социальные институты». Вначале мы работаем в режиме семинара, затем проводится диспут (излагаются описанные правила).

Позиция «А». В силу традиционно сложившихся «вертикальных» институциональных матриц базовых институтов России [] «другой Европы» [] понадобятся десятилетия, чтобы трансформировать наши институты по западноевропейскому «горизонтальному» типу.

Позиция «Б». Уже сегодня имеется немало свидетельств радикального переустройства базовых социальных институтов в России [] – экономических и политических.

Панель

Это семинар в игровой форме. Предлагается проиграть форму международного симпозиума, которая предусматривает несколько ведущих участников. Ведущие приглашаются за фронтальный стол. Преподаватель исполняет роль shearperson, причем я обращаюсь к аудитории на английском.

Студенты излагают реферат или эссе по заданию. Хорошо использовать слайды: имя «презентатора», тема, тезисы, цитируемый фрагмент из источника, если надо – схема, таблица. Задаются вопросы. Председательствующий всех благодарит, но критические пометки для себя относительно качества выступлений делает.

Далее проходит обсуждение проблемы по литературе, рекомендованной для подготовки к занятию, и выступлений «панелистов». В конце занятия преподаватель помимо обычных замечаний и комментариев отмечает плюсы и минусы в презентациях ведущих.

Защита проекта

Предлагается составить групповой проект, исследовательский или проект проведения занятия на данную тему. Группа с преподавателем (он – модератор дискуссии) формулирует задание и обсуждает критерии оценки. Согласованные требования записываются на доске.

Например, лекция для несоциологов на тему «Культура и личность». Двум командам предлагается составить план лекции. Представители команд излагают план и основные идеи. Группа определяет лучшую и аргументирует выбор отдельно по принятым критериям. Преподаватель высказывается в заключение.

Аналитический тренинг

Так я назвал бы задание, выполнение которого требует знания различных теоретических подходов к проблеме. Эта методика хорошо себя оправдывает на семинаре «Теории социального расслоения».

Приведем текст задания.

Семинар на тему «Изменения в структурах социальных неравенств».

1. В чем общность и различия в определении социальных классов К. Марксом и М. Вебером? В какой мере классовый анализ объясняет российскую ситуацию социальных неравенств?

---

* Опыт А.Ю. Согомонова.

2. Основные особенности стратификационного подхода и в чем его отличие от классового? Применимость к России.

3. Сетевые структуры: суть подхода и рассмотрение российских сетей как формирующих социальные неравенства.

4. Маргинализация социальных групп.

5. Концепция эмерджентности критериев социального расслоения Д. Блау.

6. Основные идеи деятельностной парадигмы социального расслоения. Российское общество под углом зрения этого подхода.

Какими вам представляются дальнейшие изменения в структуре социальных неравенств в российском обществе и ваши прогнозы относительно стабилизации некой структуры? Какая «модель» более и какая менее вероятна ко времени, когда Ваши дети окончат университеты?

Игра всерьез

Какие из социальных групп, приведенных в таблице, более благополучны? Что означает «благополучие» – решает каждый по-своему. Попробуйте ранжировать названные группы, не изменяя список:

1) Определите критерий, по которому вы ранжируете группы. Какую или какие (если не одну) теоретическую концепцию вы используете?

2) Ранжируйте группы по выбранному (выбранным) критерию и выделите 5–6 наиболее (+) и наименее (–) благополучных.

Когда эта работа закончена, обсуждаются результаты со следующих позиций: а) насколько разнятся выбранные критерии, б) какими аналитическими и прогностическими возможностями они обладают, т. е. что следует из анализа социального неравенства под данным углом зрения для изучения социальных процессов; в) совпадают или различаются выводы?

Группа	Ранг. Вар. 1	Ранг. Вар. 2	Отметка «+» или «-»
Врачи			
Главный бухгалтер среднего/малого предприятия, организации			
Водители-«дальнобойщики»			
Инженеры НИИ или КБ			
Квалифицированные рабочие			
Крестьяне-наемники			
Крупные бизнесмены			
Мелкие/средние предприниматели			
Мелкий криминалитет			
Научные работники			
Офицеры			
Рыбаки			
Служащие банков			
Собственники крупных сельхоз-предприятий			
Солдаты-призывники			
Солидный криминалитет			
Фермеры среднего уровня			
Чиновники федерального уровня			
Чиновники регионального уровня			
Шахтеры			
Учителя			

Видеонаблюдение реальных практик

На семинаре по теме «Социальные институты» мы обсуждали концепцию неонституционалистов, которые рассматривают массовые формально не регламентированные практики в качестве социального института. То же справедливо и в ситуации с повседневными практиками бытовой культуры. Я привел пример, что в России при выходе или на входе в здание не было принято оглядываться на идущего следом и, если надо, придерживать дверь. В Англии, скажем, норма – прямо противоположная.

Чтобы понять, насколько западные повседневные практики осваиваются россиянами, было предложено провести наблюдение за поведением пассажиров при входе и выходе из дверей станции метро. Студенты же предложили сделать видеofilm. Снимали на видео в начале и середине рабочего дня выход и вход в метро, где двери очень массивные, на двух станциях, одна – около вокзала, другая – в «спальном» районе. В. Костюшев организовал со своими студентами такое же наблюдение в Петербурге («Окно в Европу»), З.М. Саралиева – в Нижнем Новгороде, профессор Пал Тамаш – в Будапеште. Исследование еще не закончено, но уверен, что будет интереснейшая студенческая работа, которую с готовностью примет международный журнал.

Этот случай можно рассматривать как пример «видеосоциологии», энтузиастом которой выступает профессор Н.Е. Покровский.

Игровое занятие по теме «Культура и личность»

Особенности этнонационального менталитета проявляются в пословицах, поговорках и анекдотах относительно представителей разных этносов.

Попробуйте за 10 мин вспомнить типично русские пословицы, поговорки и анекдоты про русских, которые так или иначе иллюстрируют стереотип русского человека. Предложите социокультурное толкование конкретного изречения. Затем мы вместе обсудим, является ли это изречение самоиронией или стереотипом иностранцев относительно русских.

Особенно интересны контраверсии вроде «Авось» и «Семь раз отмерь». Дискуссия, как правило, позволяет найти рациональное зерно.

«Хэппенинг»

Идея подсказана рассказом Ярослава Гашека и фильмами на криминальную тематику: путаница в показаниях свидетелей. Этот прием хорош не для постдипломников, а в аудитории – протосоциологов. Я использую его в теме о фактуальном базисе социологического знания. Помимо дефиниции социального факта Э. Дюркгеймом (социально-нормированное поведение) мы обсуждаем общенаучное понимание данного факта в формулировке Марио Бунге. Есть факты онтологические (события, произошедшие в определенное время и в определенном пространстве) и гносеологические – регистрация, описание событий. В систему знания попадают лишь вторые, т. е. не полностью адекватные реальному событию. При регистрации событий, например данных прямого наблюдения или ответов респондента на заданный вопрос, социолог так или иначе вносит что-то от себя в концептуальных пристрастиях или вследствие использования определенной методики сбора данных. Все это я говорю после проигрывания студентами какой-нибудь сценки.

Игра-хэппенинг на одном из занятий была такой. Трех студентов я пригласил выйти из аудитории, и мы договорились, что они разыграют жизненную сценку. Какую именно – они сами решают, а я вернулся в аудиторию, большинство которой составляли студентки.

^{*} Идея С. Никитина, студента социологического факультета ГУГН (4-й курс, 2005 г.).

Ребята ворвались в аудиторию и двое из них стали что-то требовать от третьего, который то ли отказывался выполнить требование, то ли был в затруднении, не знал, что делать. Сыграли очень артистично. Спрашиваю студентов: опишите, что происходило на ваших глазах? Одна из студенток говорит, что видела ссору, другая – гаишников, которые предъявляют претензии водителю, а третья сказала, что двое москвичей пристают к кавказцу (один из ребят был осетин).

После этого, думаю, студенты твердо запомнят формулу Бунге о различиях между онтологическим и гносеологическим фактами.

On-line общение со студентами

Сейчас это просто. Большинство студентов пользуются Интернетом и электронной почтой. Факультеты, как правило, имеют компьютерные классы. Студенты каждого курса создают коллективный почтовый ящик, так что преподаватель может обращаться к своему курсу с заданиями или комментариями к ним. В той же мере студенты могут обращаться и к преподавателю с вопросами, особенно при подготовке письменных работ.

В своей практике я предлагаю студентам посылать сочинения электронной почтой, комментарии встраиваю цветом в режиме «правка».

Д.В. НАЗАРОВА (МИНСК)

МОТИВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОТКАЗА/ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ*

Рассматриваются мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления с учетом экономической составляющей и в контексте типологии социального действия М. Вебера.

The motivation strategies of refusal/limitation of consumption with regard for the economic component and in the context of M. Weber's typology of the social action are considered in the article.

К определению методологических оснований исследования

В социологической литературе, начиная с первых попыток разработки теории потребления и до настоящего времени, изучению данного феномена уделяется все больше внимания. Это обусловлено все возрастающими потребностями как самой социогуманитарной мысли в экспликации феномена потребления, прогнозировании его изменения, а также в осмыслении самого процесса управления потреблением (раскрытие его основных субъектов, механизмов, путей и т. п.), так и возрастающими потребностями практической жизни людей.

Первоначально потребление рассматривалось лишь в контексте экономической науки как заключительный этап процесса производства, позже – в связи с распределением и перераспределением благ. В социологических исследованиях получила широкое распространение **позитивистская методология**, в контексте которой анализировались **объективные** показатели потребления. Эмпирическим материалом для такого анализа служили статистические данные структуры потребления основных социально-демографических и территориальных групп населения по характеру потребляемых товаров и услуг. Опираясь на эти показатели, социологи раскрывали такие понятия, как «уровень жизни», «образ жизни», «потребности», «социальная дифференциация» и др. Определяющими методологическими посылами данного дискурса в социологической науке выступают: 1) рассмотрение потребления как экономического фактора социальной дифференциации и 2) использование объективных (в основном статистических) показателей потребления.

Социологические работы, появившиеся в XIX в., заложили основы другого подхода к потреблению, **феноменологического**, для которого характерен взгляд на потребление действующего индивида, преследующего свои осознанные интересы. Среди авторов того времени назовем таких ученых, как М. Вебер, Т. Веблен, В. Зомбарт, Г. Зиммель и др. В рамках феноменологического подхода можно логически выделить два направления. Если одни социологи не отрицают тесной связи феномена потребления с экономическими явлениями (спрос и предложение, запросы и ресурсы, выгода, влияние цены на потребление и др.), то другие, напротив, вообще пытаются вынести экономическую составляющую «за скобки».

Представителей первого направления можно условно разделить на «теоретиков» и «практиков». Так, объективными условиями практического применения феноменологической методологии выступают все возрастаю-

* Работа осуществлена при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г06-295 «Мотивационные стратегии потребления населения Беларуси: распространение и тенденции изменения». Руководитель – доктор социологических наук С.А. Шавель).

щие потребности маркетинга. За последние полвека в макроэкономической теории произошел существенный сдвиг, который характеризуется смещением акцентов с процесса производства товаров и услуг на их потребление. Основной проблемой современных производственных предприятий является не оптимизация самого процесса производства (хотя в мировом масштабе эта проблема усложняется и все-таки остается ключевой), а именно поиск рынка сбыта, реальных и потенциальных потребителей как основы их конкурентоспособности. Первые маркетинговые исследования датируются уже первой половиной XX в., однако изначальная цель маркетинга с течением времени претерпела существенные изменения – от изучения спроса на ряд товаров и услуг, позже – изучения потребителей как таковых (социальных, социально-демографических, психологических особенностей и механизмов процесса потребления) до управления поведением потребителей. Меняется и методология исследований. Как отмечает профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского университета В.И. Ильин, «в течение 40 лет в изучении потребления в рамках маркетинга (разумеется, американского и западноевропейского) проявились и были в той или иной степени опробованы 4 идеальных типа: исследования покупательского спроса, поведения потребителей, самих потребителей и изучение потребления (consumption studies). Особенностью первых трех типов является то, что в качестве объекта они берут отдельного индивида. Четвертый тип (изучение потребления) отходит от концентрации внимания на отдельном индивиде. Исходный тезис этого подхода состоит в том, что индивиды не знают своих потребностей, нужд и желаний, что являлось предпосылкой трех первых типов. В исследованиях четвертого типа потребление рассматривается как одна из ключевых характеристик человеческого бытия, поэтому нельзя понять потребление, не пытаясь понять образ жизни людей, их язык, смыслы, которые вкладываются ими в предметы и явления окружающего их мира. Этот подход уже никак не вписывается в рамки ни экономической науки, ни психологии. Он вытекает из принципов социологии и культурологии»¹.

Современная социология потребления все теснее переплетается с социологией и теорией культуры. Данный процесс находится под сильным влиянием постмодернистской методологии. Однако при этом возникает отрыв ряда ученых от реальности. Это происходит тогда, когда они, следуя традиции ряда феноменологов оставлять нечто «за скобками», в данном случае – экономическую составляющую процесса потребления, теряют связь с реальностью. Тем самым дискурс переносится с конкретного потребления товаров и услуг на анализ культурных и социальных феноменов, т. е. на идентичность потребления. На наш взгляд, это тупиковая ветвь в попытке раскрыть процесс потребления с научной точки зрения с учетом всех факторов, которая порождает интеллектуальную игру смыслов и симулякры.

В 1990-е гг. в западной социологии культуры и так называемой «Cultural Studies», по оценке К. Лодзяка, «возник теоретический консенсус относительно изучения потребления. В нем потребление рассматривается как арена выбора и индивидуальной свободы, внимание фокусируется на символической природе потребления, т. е. на его символической, а не материальной потребительской стоимости, подчеркивается значение потребления для формирования, поддержания и выражения собственной идентичности и стиля жизни»².

Безусловно, под влиянием постмодернизма в социологии потребления стали рассматриваться различные аспекты данного феномена, появилось много интересных работ. Несмотря на различия в трактовке социологами термина «потребление», изучение его в социальном или культурологическом аспекте, именно экономическую составляющую данного феномена не-

возможно оспорить. С развитием телекоммуникационных и информационных технологий подвергается существенным изменениям и сфера культуры, в которую все более тесно вторгаются маркетинговые технологии, *формируя или используя* в своих целях структуру потребления, вкусы, моду, стили и образы жизни, тем самым создавая и мотивационные стратегии потребления. Однако нельзя забывать практическую направленность маркетинговых исследований – используя современные научные методы, повышать прибыль. Как справедливо считает В.И. Ильин, и мы приведем его слова полностью, «новая социология потребления близко подошла к рубежу, где делаются попытки вместе с вульгарным экономическим структурализмом выбросить за борт и саму суть социологии: проблематику социального неравенства, оторвать потребление от социально-экономической структуры, выражающей собой неравное распределение ресурсов в обществе. Наличие богатых и бедных в любом обществе очевидно для всех, кто там живет. Однако, как это ни странно, растет влияние социологии, замкнутой рамками уютных университетских городков, откуда потребление предстает свободной игрой, символической манипуляцией, ограниченной лишь фантазией потребителей. Возникает реальная угроза отрыва социологии от земли, что чревато ее смертью или уходом в облака свободного философствования, в котором без особого труда проглядываются контуры идеологии»³. Сходную точку зрения высказывает и доктор экономических наук В.В. Радаев: «Социологии потребления следует преодолеть известную культурологическую заикленность и более активно обращаться к изучению экономических аспектов данной темы. Более тесное сочетание экономических и экономико-социологических подходов к анализу потребления позволит дать более объемное представление о современном развитии общества потребления – с его отчуждающими и инновационными практиками, с теми сложностями и новыми возможностями, которые оно порождает»⁴.

В нашей работе особое внимание будет уделено именно социально-экономической составляющей процесса потребления: с одной стороны, как одному из основных моментов рационализации стратегий потребления (как на индивидуальном, так и на макроуровне), с другой – как возможности комбинирования данных мотивационных стратегий в экономических целях.

Несмотря на обилие научной литературы, при рассмотрении феномена потребления зачастую за кадром остается такая его скрытая сторона, как *отказ от потребления*. Целью нашей работы является описание основных видов сознательного отказа/ограничения потребления; анализ мотивационных стратегий отказа или ограничения потребления с учетом главных культурологических, экономических и политических тенденций нашего времени в этой области.

Интерпретация и операционализация понятий

Чтобы понять феномен отказа от потребления, необходимо интерпретировать само понятие «потребление». Поскольку заявленной темой являются мотивационные стратегии потребления, то логично будет сузить объект исследования до потребительского поведения. Среди разнообразных определений, акцентирующих ту или иную сторону данного феномена, мы остановились на следующем. *Потребительское поведение есть деятельность человека, направленная на приобретение и использование субъектом средств – товаров или услуг – для удовлетворения его потребностей*. Основной спор среди социологов разгорелся сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, как отмечает Жан Бодрийяр в заключении своей книги «Система вещей», которое так и называется «К определению понятия “потребление”», «потребление – это не пассивное состояние поглощения и при-

своения... Потребление есть активный модус отношения – не только к вещам, но и к коллективу и ко всему миру...»⁵. Но никто и не спорит, что феномен потребления ограничивается только совершением самого факта покупки товара или услуги (хотя для многих производителей это так и есть). Каждый исследователь вправе сужать предметную сторону изучаемого явления. Главное здесь – рассмотрение феномена во всем многообразии, но если, как говорится, «места не хватает», то следует хотя бы отказаться от критики очевидного.

Во-вторых, акцентируя внимание только на субъективных мотивах потребительского поведения («Потребление, в той мере, в какой это слово вообще имеет смысл, есть *деятельность систематического манипулирования знаками*»⁶ (выделено нами. – Д. Н.)), мы теряем такие понятия объективного характера, как «товар», «услуга», «вещь», «стоимость». К этому списку сегодня можно добавить и информацию, когда она имеет цену. Для производителей неважно, какой смысл вкладывают в их товар/услугу покупатели, если он пользуется максимальным спросом. Главное для них – получение максимальной прибыли. Российским монополистам, к примеру в лице Газпрома, совершенно все равно, какие книжки читают потребители их товара в темное время суток или какие увеселительные ночные клубы они освещают и отапливают, – главное, что за их товар заплачено. Как отмечает В.В. Радаев, потребление – процесс удовлетворения потребностей, *затрагивающий стоимостные отношения*. «При этом, чтобы стать предметом потребления, расходуемые блага вовсе необязательно должны покупаться на рынке, проходя через отношения денежного обмена. Достаточно, если блага обладают некоторой *ликвидностью*, позволяющей говорить об их способности к денежному обмену и, следовательно, о существовании и расходовании их стоимости»⁷.

В-третьих, отдельными авторами почему-то подвергается критике понятие «удовлетворение потребностей». Бодрийяр пишет: «Если бы оно (потребление. – Д. Н.) относилось бы к сфере потребностей, то мы должны были прийти к удовлетворению. Однако мы знаем, что это не так: людям хочется потреблять все больше и больше... Потребление именно потому столь неистребимо, что это тотально идеалистическая практика, которая за известным порогом уже не имеет более ничего общего с удовлетворением потребностей или же с принципом реальности»⁸. Но нет сомнений, что безудержное потребление как раз исходит из динамики самих потребностей. Если не придерживаться строгой иерархии потребностей, разработанной психологом А. Маслоу, то можно хотя бы взять на заметку, что потребности бывают разного характера – от простейших физиологических до исключительно социальных, культурных, которые, по сути, и выступают объектом анализа потребления постмодернистскими социологами. В том, что дискурс культурсоциологами ведется не в плане изучения всё возрастающих потребностей индивидов (социальных, культурных и т. п.), а именно изучения потребления, открывается его экономическая подоплека. Несмотря на жесткую критику А. Сена⁹ и других, модель Маслоу приобрела огромную популярность. Ее новое переосмысление дает богатейшие методологические возможности понимания выбора предпочтений, в том числе потребительского поведения.

И в-четвертых, как рассуждает Бодрийяр, «люди во все времена что-то покупали, чем-то владели, пользовались, совершали траты – но при этом они не “потребляли”... Ни объем материальных благ, ни удовлетворяемость потребностей сами по себе еще не достаточны для того, чтобы определить понятие потребления; они образуют лишь его предварительное условие»¹⁰. Однако, на наш взгляд, основные условия возникновения феномена по-

ребления – это его массовый, непрекращающийся характер в сочетании с возможностью *безграничного выбора* как средств для удовлетворения потребностей, так и стратегий потребления.

Именно *мотивационные* стратегии потребления легче понять через анализ выбора (того или иного товара, услуги, диспозиции его ценности в структуре удовлетворения потребностей и т. д.). Основой самой стратегии выбора является *отказ от потребления* чего-либо в пользу другого. Какими целями, ценностями руководствуются люди при сознательном отказе от потребления? Чем жертвуют, ради чего? На эти вопросы мы постараемся дать ответ, анализируя мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления.

Мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления – личностная диспозиция индивида, выражающаяся в выдвигании и обосновании сознательного отказа/ограничения индивидуального потребления, выборе этапов и средств его достижения. Нужно четко определить, какой вид отказа или ограничения потребления не является мотивированным. Поскольку мотив – одно из понятий, описывающих сферу побуждения индивида к деятельности и характеризующих его внутреннюю структуру, то отказ от потребления, вызванный объективными причинами (дефицит, отсутствие денег, проживание на географически малодоступных территориях и пр.), не может выступать объектом нашего анализа.

Мотивы отказа/ограничения потребления можно классифицировать по разным основаниям: 1) как *эгоистические* (эпатажные, ради поддержания статуса и т. д.) и *коллективистские*, формирующие новые типы идентичности (антиглобалисты, хиппи и т. п.) и чувство сопричастности; 2) *прагматические* (отказ от потребления или его ограничение с целью накопления или сбережения ресурсов) и *непрагматические* (нравственные, социальные, религиозные и другие ограничения и ценности); 3) *просоциальные* и *антисоциальные*; 4) *«привнесенные извне»* и *выработанные самостоятельно* и т. п. Представляется целесообразным в контексте исследуемой темы классифицировать формы стратегий по критерию степени охвата отказа от потребления:

- 1) *полный отказ от потребления;*
- 2) *ограничение потребления;*
- 3) *отказ от потребления одних товаров и услуг в пользу других;*
- 4) *отказ от вредного потребления.*

Следует заметить, что стратегии отказа от потребления могут носить временный характер: сменять друг друга или чередоваться с периодами потребления в зависимости от изменения мотивации в потребительской сфере. Так, периоды безудержного потребления с гедонистской мотивацией – периодами насыщения и ограничения потребления, например в пище, с мотивацией заботы о здоровье и т. д. и т. п. Также возможно одновременное сочетание разных мотивационных стратегий потребления и ограничения/отказа от потребления для разных сфер повседневности (еда, досуг, тело и т. д.). Наложение двух схем: видов мотивов и форм стратегий – позволяет смоделировать возможные мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления. Поскольку мотивов и стратегий здесь приведено по 4, то чисто математический расчет позволяет говорить о существовании, как минимум, 4^4 (32) вариантов. Но как любая теоретическая модель, эта схема операционализации мотивационных стратегий отказа/ограничения потребления имеет свои недостатки, и не все 32 типа полученных таким образом мотивационных стратегий можно встретить в жизни. Для более грамотного анализа необходимо провести типологию мотивов по одному основанию или же использовать для анализа разные шкалы мотивов.

Мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления в контексте типологии социального действия М. Вебера

Отказ от потребления или его ограничение выступает как социальное действие, поскольку *имеет определенный мотив и ориентировано на другого (других)*. За рамками рассмотрения, как мы уже отметили, остается отказ или ограничения в потреблении, вызванные внешними причинами (дефицит, отсутствие денег и пр.), так как такое поведение не является мотивированным и социальным по своей сути. Вебер предложил классифицировать социальное действие по способу мотивации: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Поскольку в социологии принято останавливаться на первых трех типах социального действия, при рассмотрении мотивационных стратегий отказа/ограничения потребления мы вынуждены будем проанализировать все, поскольку действие, обусловленное непосредственными чувствами индивида, также может иметь свою стратегию (например, избегания) и быть ориентировано в своем протекании на других и также может раскрыть некоторые важные особенности данного феномена.

Как отмечает В.В. Радаев, относительно тождественности **целерационального** действия чисто экономическому, «но все же оно (целерациональное действие) не полностью исчерпывается его (экономическое действие) содержанием, ибо существуют еще “экономически ориентированные” действия, которые включают в себя использование экономических соображений в преследовании неэкономических целей или утилизацию неэкономических средств в достижении целей экономического характера»¹¹.

Это наглядно можно продемонстрировать на примере мотивационных стратегий отказа от потребления товаров определенной марки или страны производителя. Мотивы таких стратегий могут носить и антисоциальный характер, например вызванный поддержкой политики экономической блокады и бойкота, и просоциальный – чувством патриотизма, проявляющимся в поддержке отечественного производителя даже при условии экономической или иной потери (качества товара и т. д.). Здесь нельзя не привести в пример движение антиглобалистов. Выступая против процессов глобализации, помимо культурных, военных и экологических аспектов антиглобалисты имеют и политические, социальные и социально-экономические мотивы. Так, еще в первой половине XX в. Дж.М. Кейнсом в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) была доказана тесная связь между уровнем потребления и занятостью, всеобщим процветанием. «Нельзя не видеть: если все экономят, никто не тратит, то возникает порочный круг. Непотребление ведет к опасному накоплению непроданных товаров на складах. Перепроизводство блокирует работу фабрик, а фабрики сокращают рабочие места и делают невозможными дальнейшие инвестиции»¹². Пытаясь найти выход из экономического кризиса 1930-х гг. в Англии и США, Кейнс приходит к выводу: «Потребление необходимо стимулировать, люди должны тратить деньги хотя бы путем кредитных выплат и компенсаций в рассрочку. Это необходимо для мобилизации национальной экономической системы. Чтобы удовлетворить спрос, собственники вкладывают средства, в результате число рабочих мест увеличивается, а национальные ресурсы (материалы, оборудование, дороги, ремесла и т. п.) используются все более эффективно. Таким образом, избежать кризиса можно лишь путем наращивания инвестиций и стимулирования потребления»¹³. Однако в современных условиях доказательство данного вывода нуждается в дополнениях. Так, антиглобалисты заостряют внимание на следующих вопросах: 1) где, в какой стране находится производство товаров и создаются новые рабочие места?; 2) продаются ли товары в стране производителя или экс-

портируются?; и, следовательно, 3) как распределяются блага, ведут ли они к личному/корпоративному или всеобщему благосостоянию? Безусловно, средним и мелким предпринимателям трудно конкурировать с крупными трансатлантическими корпорациями, использующими дешевую рабочую силу в странах третьего мира, передовые методы манипуляции поведением потребителей, и удерживать рынок сбыта своей продукцией. Осознавая ущемление своих экономических интересов и не находя экономического выхода из такой ситуации, антиглобалисты придерживаются мотивационных стратегий отказа от потребления *одних товаров и услуг в пользу других* с учетом своих национальных интересов и проводят активную политику привлечения новых сторонников. С одной стороны, такая взвешенная и экономически оправданная стратегия носит просоциальный характер, вызванный чувством коллективизма и патриотизма, но, с другой стороны, средства, которые ведут к этой цели, зачастую носят асоциальный характер (разгром сети ресторанов McDonald's и пр.), и иногда их путают с самим мотивом.

Мотивационными стратегиями отказа/ограничения потребления **ценностно-рационального** характера выступают такие его широко известные виды, как отказ от курения или употребления наркотиков, обусловленный направленностью государственной политики в области охраны здоровья; отказ от употребления мяса как реализации религиозных или иных ценностей; отказ от покупки изделий из меха и кожи животных и т. д. по соображениям экологического характера; отказ или ограничение потребления товаров, производство или использование которых негативно влияет на экологическую ситуацию и т. д. Помимо перечисленных мотивов отказа/ограничения потребления скорее индивидуального характера в истории много примеров и коллективных, просоциальных мотиваций массового характера, начиная от полного отказа от потребления в монастырях, религиозных сектах, ведущих натуральное хозяйство и пр., до ограничения потребления как образ жизни, основанный на религиозных мотивах, так называемая мирская аскеза по Веберу, или известное своим массовым распространением молодежное движение американских хиппи 1960-х гг. Если при «мирской аскезе» главенствующими мотивами были религиозные и отказ от ограничения потребления не стоял в центре мотива, то с движением хиппи произошло наоборот. Отношение к потреблению, к вещам становится одним из основных группообразующих признаков такой культуры. Ее характерные черты можно скорее описать отказом от массового потребления и активных потребительских стратегий своих родителей, нежели конструктивными особенностями (за мир, за любовь, за свободный секс – все это типично для других религий, культур гедонистического плана).

Среди мотивационных стратегий отказа или ограничения потребления также большую часть занимают социальные действия, мотивированные следованием **традициям**. Важная особенность здесь – противоположность традиционного *инновационному*. В данном контексте противопоставления традиционного инновационному можно обозначить два момента. Во-первых, когда возникают новые мотивационные стратегии потребления. Отказ часто выступает как психологическая неготовность перестройки стратегий потребления и принятие новых мотивов во внутреннюю структуру индивида. Во-вторых, постоянное появление на рынке *новых* товаров и услуг, и здесь для нас неважны причины и каузальные связи: товар – спрос, потребности – товар и т. д., новшества в их (товаров и услуг) продвижении и т. п. Рассмотрим мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления традиционалистского характера на примере развития информационных технологий и появления соответствующих товаров и услуг. Часто мотивом отказа от потребления выступает: а) *ненужность*, по мнению индивида,

этого нового, а также 2) *незнание*, как это можно применить, или 3) *неумение* им пользоваться. Например, многие по старинке пользуются услугами «механической» почтовой связи для простого общения и пересылки информации (не документов) вместо использования почтовых услуг сети Интернет, вероятно считая, что этот вид связи ненадежен, хотя позволяет бесплатно пересылать относительно большие объемы информации, включая визуальную и аудиовизуальную. Или отказываются от пластиковых банковских карточек, не доверяя «им» свои деньги, предпочитая наличные. Анализ такого рода мотиваций отказа от потребления и на его основе традиционного поведения позволит более критично относиться к производству новых непонятных товаров (например, роботов-животных, производимых японцами и только ими и покупаемых) и с пониманием вводить обязательность инновационных форм услуг. (Так, например, многие организации не выдают наличные, а переводят зарплату на банковские карточки без учета мнения своих сотрудников и т. д. и т. п.).

Некоторые социологи почему-то не считают **аффективное** действие чисто социальным, хотя сам Вебер, предлагая данную типологию, все же включил его как одного из «идеальных типов» социального действия. Аффективная мотивация отказа/ограничения потребления также может иметь рациональную стратегию. Среди таких стратегий, вызванных эмоциональными состояниями индивида и его непосредственными чувствами экзистенциального характера (страх, ужас и др.), можно назвать отказ от услуг авиакомпаний; безосновательный отказ от продуктов из карантинных и близкарантинных зон; отказ от потребления генетически модифицированных продуктов (в настоящее время эта тема приобретает особую актуальность); продуктов, в содержании которых преобладает химическая составляющая (так называемые Е-добавки и пр.) или отсутствует маркировка соответствия. Аффективное действие не всегда носит эгоистический характер, оно также может быть ориентировано на других: начиная от получения индивидом информации, например, о генетически модифицированных продуктах, ее оценки (с учетом значимых других) до привнесения стратегий отказа/ограничения потребления в повседневные практики (свои, своих близких, других людей посредством массовой пропаганды). Стратегия такого непотребления сводится к регулярному контролю состава потребляемых продуктов (например, стратегия выбора продуктов питания концентрируется вокруг *отказа*, т. е. выбираются продукты, которые *не содержат* чего-либо, и уж потом начинает играть роль цена, упаковка и т. д.); или к выбору более безопасного, с точки зрения индивидов, средства передвижения и т. п.

Казалось бы, что подробный анализ экзистенциальных страхов не входит в предметное поле социологической науки. Однако зачастую такого рода страхи являются действенным механизмом управления самого процесса потребления. Манипуляция сознанием потребителей на основе страхов экзистенциального характера начинается с особенной маркировки продукции («не содержит холестерина», «изготовлено только из натуральных продуктов», «безопасно для зрения» и т. п.) и может продолжаться через продуцирование этих страхов через СМИ или с использованием других информационных каналов. Ярким примером манипуляции страхом экономически заинтересованных западных медицинских производителей является шум вокруг вируса H5N1 – так называемого птичьего гриппа. Вероятность опасности заражения им ничтожно мала по сравнению, например, с вирусом иммунодефицита – СПИДа^{*}. Но, поскольку возможность разработки и производства

---

^{*} Сравните, например, количество зарегистрированных смертей от птичьего гриппа и СПИДа (соотношение примерно 1 к миллиону).

вакцины от СПИДа нет, соответственно нет и экономических интересов медицинской промышленности, и как результат – нет постоянного нагнетания ситуации в СМИ. Так, газета «Коммерсант» (№ 29) от 22.02.07 опубликовала статью «Птичий грипп объявлен буржуазной заразой»¹⁴, посвященную ситуации в Подмоскowie, в которой приводятся такие высказывания депутата от ЛДПР С. Иванова: «Откуда пришла к нам эта зараза и не является ли это спланированной аферой?» Он напомнил, что запрет на поставки куриного мяса из Подмоскowie уже ввели Украина и Беларусь. «Птичий грипп был всегда, его раньше “чумкой” называли, – заявил спикер Борис Грызлов. – А это сознательный проект, направленный на производство и сбыт дорогостоящих вакцин, и он был придуман не в России». Между тем, как отмечает «Коммерсант», госзаказ на промышленное производство вакцины, защищающей людей от птичьего гриппа, только в России может измеряться суммой в 1 млрд долларов США.

Такого рода страхи формируют мотивационные стратегии отказа от потребления продукции «с рынка», а вместе с тем именно там чаще всего реализуют свою продукцию частные лица, мелкие предприниматели, фермерские хозяйства и пр. Отказ от потребления немаркированных товаров на рынках во многом сужает места сбыта их продукции и в целом негативно влияет на развитие мелкого частного бизнеса и на ситуацию с занятостью. Похожие экзистенциальные страхи связаны с грядущими экологическими катастрофами, однако как мотив отказа/ограничения потребления они реализуются у небольшой группы психологически чувствительных людей. У большинства такие страхи имеют характер обеспокоенности за будущие поколения и реализуются посредством ценностно-рациональной мотивации ограничения потребления.

Как мы видим из приведенных примеров, мотивационные стратегии отказа/ограничения потребления наряду с самим потреблением также вносят свой неоспоримый вклад в конструирование социальной реальности, организуются в знаковую систему, выступают основанием собственной идентичности индивида и все чаще являются новым группообразующим фактором. Попытка описания основных мотивационных стратегий отказа/ограничения потребления с учетом типологии социального действия Вебера позволяет говорить о возможности научного понимания данного феномена. Такого рода знания могут быть полезны не только в практической деятельности маркетологов по манипулированию сознанием потребителей и не только как теоретическое рассмотрение еще одного, ранее не изученного аспекта феномена потребления. На наш взгляд, здесь более существенны два направления: 1) понимание механизмов функционирования общества на современном этапе в условиях глобализации через изучение мотивационных стратегий потребления/непотребления; 2) проведение более эффективной экономической политики, основанной на инновационных социальных технологиях (не быть объектом манипуляции со стороны более развитых стран, а самим контролировать условия взаимодействия и «играть» с учетом своих национальных интересов). Такие инновационные социальные технологии в области потребления должны базироваться на создании наиболее эффективных мотивационно-стимулирующих механизмов при решении как внешнеполитических, так и экономических проблем нашего государства. Многие шаги уже делаются в этом направлении. Лозунги типа «Купляйце беларускае» или рекламного стиха «Вот тебе и заграница – вода, а не птица» людям нравятся. Они формируют позитивную гражданскую идентичность и не только в сфере потребления; в процессе интериоризации ценностей и смыслов таких лозунгов формируются просоциальные мотивационные стратегии потребления, основанные на патриотизме, чувстве гражданской солидарности, понимании экономических выгод для своей страны от личного поведения. Главное, чтобы инновационные соци-

альные технологии в сфере потребления не входили в конфликт с культурными ценностями людей, носили игровой, ненавязчивый характер.

¹ <http://consumers.narod.ru/lections/introduction.html> (Дистанционный курс по социологии потребления. Проект В.И. Ильина «Социология потребления»). 02.03.07.

² Lodziak С. The Myth of Consumerism. London, 2002. Цит. по В.И. Ильину.

³ Ильин В.И. Указ. соч.

⁴ Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 17.

⁵ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 164.

⁶ Там же.

⁷ Радаев В.В. Социология потребления. С. 5.

⁸ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 168.

⁹ См.: Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. М., 1998. С. 75.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 164.

¹¹ Радаев В.В. Экономическая социология. С. 76.

¹² Кейнс Дж.М. // Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. 1997. Кн. 4 (http://www.vusnet.ru/biblio/archive/reale_sapadnaja4/13.aspx). 10.03.07.

¹³ Там же.

¹⁴ <http://www.kommersant.ru/doc.html?docId=744826>. 14.03.07.

Поступила в редакцию 14.07.08.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ СОЦИОЛОГИИ: ОТ КЛАССИКИ К НОВЕЙШИМ КОНЦЕПЦИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ

На фоне необходимости непрерывного получения социологами новых знаний примечательным является факт выхода в свет хрестоматии «Современная западная социология», подготовленной авторами-составителями Г.Н. Соколовой и Л.Г. Титаренко. Самостоятельную ценность представляет собой введение, в котором освещаются современные тенденции развития мировой социологии: теоретический плюрализм, расширение предметной области социологии, усиливающийся разрыв между социологами-теоретиками и социологами-практиками, противоречие между предназначением социологии быть интернациональной наукой и сложностями реального выхода социологов из постсоветских стран на мировую арену. Множественность течений и тенденций развития данной науки, появление большого числа новых парадигм, не всегда доступных для отечественных социологов, обусловили основную цель данной хрестоматии – представить в систематизированной форме весь спектр основных направлений, характерных для западной социологии XX – начала XXI в.

Опыт социологов всего мира свидетельствует о том, что полноценное обучение студентов в высших учебных заведениях должно быть связано с приобщением их к наследию классиков социологии, а также к трудам выдающихся мыслителей современности. Однако до настоящего времени ни в России, ни в других странах СНГ не появилось хрестоматийных изданий по истории социологии, которые, с одной стороны, отвечали бы вузовским программам подготовки специалистов, раскрывая широкую перспективу развития социологической науки, а с другой – не перегружали бы студентов «излишней» информацией, деталями, интересными в основном для исследователей. Если в западных странах можно найти ряд подобных из-

даний на английском, немецком, французском языках, то из бывших социалистических стран лишь Польша известна хрестоматиями по истории социологии, общей социологии, отдельным социологическим дисциплинам. Несколько хрестоматий издано в России (например, Кравченко А.И. Социология: Хрестоматия, 2002; Американская социологическая мысль. Тексты / Под ред. В.И. Добренкова, 1996), но они, как нам известно, не следуют программе учебных курсов по истории социологии. В Беларуси такое издание предпринято впервые и поэтому является уникальным.

Рецензируемая хрестоматия издана с грифом Министерства образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов вузов по специальности «Социология». Хрестоматия по западной социологии XX – начала XXI в. составлена в соответствии с программами факультетов и отделений социологии и предназначена прежде всего студентам, однако, бесспорно, будет полезна специалистам, преподавателям социологии, в том числе в России и других странах постсоветского пространства, где используются русскоязычные учебники. Издание содержит тексты современных западных авторов, треть из которых переведена на русский язык впервые, поэтому заинтересует преподавателей социальных дисциплин, научных работников и всех, кто интересуется развитием западной социологии.

Цель, которую ставили перед собой авторы-составители данного пособия, четко обозначена в предисловии: дать возможность студенту, молодому социологу ознакомиться с переводами первоисточников, представив в систематизированной форме «весь спектр основных направлений, характерных для западной социологии XX – начала XXI века» (с. 7).

Хрестоматия состоит из двух разделов: первый – классика современности и второй – новейшие концепции современности. Такое разделение методически облегчает работу с текстами и студенту, и преподавателю. Внутри каждого

* Современная западная социология: Хрестоматия: Учеб. пособие / Авт.-сост. Г.Н. Соколова, Л.Г. Титаренко. Мн.: Тесей, 2008. 520 с.

раздела выделены главы в соответствии с имеющимися школами и парадигмами. Каждая глава представлена именами двух-трех выдающихся социологов.

Раскрывая читателю особенности предлагаемого издания, авторы отмечают два момента: во-первых, структуру, соответствующую разным этапам развития современной социологии, во-вторых, тщательный и глубоко продуманный отбор конкретных авторов и произведений. В первом разделе пособия содержатся тексты, которые могут быть отнесены к современной классике. Они известны в профессиональном сообществе и зарекомендовали себя как часть дисциплинарного фундамента. Сюда вошли работы авторов, начиная от Чикагской школы вплоть до второй половины XX в. (так называемый пост-классический период современной социологии). Второй раздел хрестоматии содержит статьи социологов – наших современников, авторов новейших концепций, ведущих в настоящее время активную исследовательскую работу. В пособии приводятся результаты их исследований, которые оказывают значительное влияние на общее течение мировой социологической мысли, но пока еще не вполне известны широкому кругу студенчества (Ш. Айзенштадт, Дж. Викс).

Тщательный отбор авторов, представленных в пособии, позволил соединить под одной обложкой и работы таких мэтров современной социологии, как Э. Гидденс, П. Бурдьё, и более молодых авторов, которые внесли весомый вклад в развитие науки и на этом основании «вошли» в историю социологии, как она представлена в учебных вузовских программах (Дж. Ритцер, К. Оффе, Х. Йоас). Выбранные работы дают представление о каждом авторе и направлении. В одних случаях речь идет об изложении авторских концепций (Т. Парсонс, Г. Блумер, Э. Гидденс), в других – предлагаются аналитические обзоры исследований в той или иной области, которые достаточно полно демонстрируют позицию автора данного обзора (Л. Крисберг, Ф. Знаниецкий).

Отметим, что изданная хрестоматия уже получила высокую оценку ряда западных авторов, чьи труды многократно издавались в подобных учебных пособиях на родине, но были впервые включены (с их разрешения) в данное русскоязычное издание. Так, Дж. Александер назвал книгу «монументальным достижением» белорусской социологии, Дж. Викс – «весьма солидным и ценным томом», а П. Штомпка указал на «тщательный отбор авторов и текстов, который весьма продуман и хорошо репре-

зентирует современное состояние социологической теории».

Методически данное учебное пособие выгодно отличается от уже известных, которые используются в преподавании истории социологии.

Во-первых, хрестоматия имеет логически обоснованную структуру, которая полностью соответствует программе вузовского курса. Во-вторых, всем текстам предшествуют подробные библиографические очерки с портретами представляемых авторов. Данный методический прием позволяет читателю персонализировать и четко «локализовать» ту или иную теорию автора в пространстве и времени развития дисциплины, что помогает конструированию общей панорамной картины истории социологии.

В-третьих, каждая глава снабжена вопросами для самостоятельной работы студентов, что позволяет преподавателю контролировать процесс чтения первоисточников. Студент и сам сможет работать с хрестоматией, отыскивая необходимые ему статьи и пользуясь методическими указаниями авторов-составителей.

В-четвертых, во введении изложены современные тенденции развития социологии, что облегчает студентам задачу познания и оценки современного состояния мировой социологической мысли в целом, вклада отдельных авторов.

В содержательном плане хрестоматия достойна высокой оценки еще и по той причине, что используемые в ней переводные термины строго соответствуют общепринятым в современной социологии; они совпадают с категориальным аппаратом учебных пособий и научных монографий по данной дисциплине. Фамилии всех авторов, названия их трудов даны на двух языках: русском и английском, что позволяет безошибочно найти необходимую работу в других источниках. Можно предположить, что по данной хрестоматии студенты и преподаватели будут сверять правильность использования того или иного термина в других источниках (например, в Интернете).

Рецензируемое издание необходимо студентам и преподавателям истории социологии, общей социологии, специальных социологических дисциплин. Хрестоматия позволяет систематически изучать курс современной западной социологии, переходя от одной темы к другой в соответствии с исторической логикой данной дисциплины. Уверен, что эта книга является значительным вкладом в развитие не только белорусской социологической науки, но и всей социологии на постсоветском пространстве.

А.Н. Данилов,
член-корреспондент НАН Беларуси

ВСТРЕЧА С УЧИТЕЛЕМ

5 июля 2008 г. кафедра социологии БГУ чествовала основоположника белорусской социологической школы – профессора Георгия Петровича Давидюка, которому исполнилось 85 лет. Представителей разных поколений белорусских социологов, философов, политологов и других обществоведов объединяло искреннее желание выразить признательность, сказать доброе слово своему Учителю и в то же время вспомнить о былом, обменяться мнениями о современных проблемах социологической науки, рассказать о достигнутых успехах.

Заседание открыл заведующий кафедрой социологии профессор А.Н. Данилов. В своей приветственной речи он отметил главное – нет большей награды для педагога, чем признание того факта, что современная отечественная социология представлена воспитанными им личностями-маяками. Именно таким педагогом является Георгий Петрович Давидюк. В ознаменование заслуг юбиляра декан факультета А.В. Рубанов от имени ректора БГУ профессора В.И. Стражева вручил Г.П. Давидюку грамоту с благодарностью за большой личный вклад в развитие социологического образования и многолетнюю научно-педагогическую деятельность.

С поздравительными речами выступили бывшие коллеги-сослуживцы юбиляра: профессора А.Н. Елсуков, Л.А. Гуцаленко, А.И. Зеленков, от лица многочисленного отряда учеников и сотрудников возглавляемых в разные периоды времени Г.П. Давидюком социологических структур – профессора Г.Н. Соколова, В.В. Бущик, Д.Г. Ротман, О.Т. Манаев, доценты И.Н. Андреева, Ж.М. Грищенко, О.В. Терещенко, А.К. Воднева и др. Слова благодарности дополнялись искренними пожеланиями здоровья, оптимизма и долголетия одной из самых уважаемых личностей в истории отечественной социологии – профессору Георгию Петровичу Давидюку.

Редколлегия журнала «Социология»

ПРОФЕССОР П.П. УКРАИНЕЦ – ОТЛИЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ

26 сентября 2008 г. знаменательный юбилей – 75-летие – отметила профессор кафедры социологии БГУ Павла Петровна Украинаец. Приуроченное к этой дате расширенное заседание кафедры социологии прошло в торжественной и дружеской атмосфере. В заседании принял участие ректор БГУ профессор В.И. Стражев, который вручил юбиляру Знак Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования Республики Беларусь» и Грамоту БГУ.

Заведующий кафедрой профессор А.Н. Данилов в своей поздравительной речи обозначил основные вехи биографии, этапы жизненного и трудового пути Павлы Петровны, подчеркнув, что ее вклад в развитие белорусской культуры и образования общеизвестен. Многие из того, что приносило и сегодня приносит славу нашей стране в сфере духовной жизни и национальной культуры, в определенной степени связано с именем профессора П.П. Украинаец. Собственно, из судеб и дел таких подвижников и складывается высокий авторитет Беларуси и ее главного вуза – Белорусского государственного университета. Как отметил А.Н. Данилов, профессор П.П. Украинаец и сегодня является одним из ведущих работников высшей школы и служит примером творческого служения избранному делу. Убедительным доказательством стал выход в свет новой монографии П.П. Украинаец «Социология управления».

Павлу Петровну тепло приветствовали декан факультета философии и социальных наук БГУ профессор А.В. Рубанов, проректор ГИУСТ БГУ Г.А. Бутрим, заведующий кафедрой маркетинга и менеджмента Института предпринимательской деятельности Н.В. Кириенко, представители Издательского центра БГУ, многочисленные коллеги по кафедре, факультету, родные юбиляра.

Все выступавшие единодушно выразили свои искренние симпатии к Павле Петровне. Они желали ей здоровья, новых творческих успехов, радости в жизни на долгие годы. Та доброжелательность и теплота, которыми была наполнена атмосфера дружеского вечера, – дань личности талантливого педагога и человека.

Редколлегия журнала «Социология»

ПАМЯТКА АВТОРАМ

В редколлегию представляется оригинал статьи, набранный на компьютере через 1,5 интервала на бумаге формата А4 с полями с левой стороны не уже 40 мм в редакторе Word (размер шрифта – 12 кегль, гарнитура – Times New Roman), и дискета 3,5" с ее файлом (название файла – по фамилии автора). Объем статьи не должен превышать 16 страниц текста (включая таблицы, литературу и иллюстрации); краткие сообщения – не более 10 страниц; социологические опросы, рецензии, хроника, информация – не более 5 страниц текста.

Ссылки на литературные источники даются в порядке цитирования (упоминания), порядковый номер сноски пишется в верхнем индексе. Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен следующим образом:

а) для книг – фамилия и инициалы авторов, полное название книги, место и год издания, страница;

б) для журнальных статей (коллективных сборников и др.) – фамилия и инициалы авторов, после двух «косяков» – принятое сокращенное название издания, год, том, номер выпуска, страница.

Фамилия и инициалы автора, название статьи и резюме к ней представляются в журнал на русском и английском языках. К рукописи прилагаются полные сведения об авторе: место работы, занимаемая должность, ученая степень и звание, номера контактных телефонов.

При доработке статьи автор передает в редакцию окончательный текст и первоначальный вариант.

Корректурa статьи должна быть возвращена в редакцию не позднее чем через три дня после получения ее автором. В корректуре допускается исправление только фактических ошибок.

Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил, редколлегией не принимаются.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Продолжается подписка на периодические издания на первое полугодие 2009 года.

Стоимость двух номеров научно-теоретического журнала «Социология», которые выйдут в первом полугодии, следующая:

для индивидуальных подписчиков (индекс издания 74932) – 31 460 р.;

для предприятий и организаций (индекс издания 749322) – 75 770 р.

Подписаться на журнал «Социология» можно во всех отделениях связи Республики Беларусь.

Индексы: для индивидуальных подписчиков – **74932**
для организаций – **749322**

CONTENTS

UNIVERSITY ROSTRUM

<i>Shavel S.A.</i> The population innovative purposes: a pre-project analysis	3
<i>Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N.</i> Global capitalism: three great transformations. A socio-philosophic analysis of interrelations of economy and society	15
<i>Myshinski M.I.</i> The poem «New Land» by Jacob Kolas: the history of its translation into Russian	28

ARTICLES AND REPORTS

<i>Kulygin V.P.</i> Soviet sociology: difficult ways	36
<i>Biaspamyatnykh N.N.</i> Boundaries and borderlands in social theory: concepts and research directions	44
<i>Kizima S.A.</i> The perspectives of a nation-state (in the context of the Caucasian war of 2008)	51
<i>Mel'nikov A.P.</i> Local self-governance in the Federal Republic of Germany	56
<i>Karako P.S.</i> Noosphere ideas of V.I. Vernadsky and ecological consciousness	62

DISCUSSION

<i>Grischenko Zh.M.</i> Public opinion in the labyrinth of a scientific discourse	73

A CHAPTER FROM A NEW BOOK

<i>Gutsalenko L.A.</i> Terrorism: who are its «parents» and «children»?	80

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Kislova O.N., Sokuryanskaya L.G.</i> The value world of the post-soviet students: results of applying the methods of an intellectual data analysis	88
<i>Chernyak Yu.G.</i> Social risks in the youth midst and their consequences	100
<i>Zhakevich V.D.</i> External labor migration in modern Belarus (based on the results of an international sociological research)	106
<i>Katsuk N.L.</i> To the methodology of empiric researching the religious socio-cultural strategies of believers of various denominations	114
<i>Punchik Z.V.</i> Modern software of qualitative methods of research	119

SUMMARY OF SOCIOLOGIST

<i>Yadov V.A.</i> Advice to students how to work at the paper and essay	124

POST-GRADUATE SECTION

<i>Nazarova D.V.</i> Motivation strategies of refusal/limitation of consumption	131

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A.N.</i> Tendencies of world sociology development: from classical to newest conceptions of modernity	141

JUBILEE MEETINGS

Meeting with a Teacher	143
Professor P.P. Ukrainets – the best in education	144